СОДЕРЖАНИЕ

Адрес редакции:

119034, Москва, Б. Левшинский пер, д. 10/2.
Тел./факс (495) 927-01-93
Email: histudies@gmail.com

Учредитель журнала

Фонд содействия актуальным историческим исследованиям «Историческая память».

Отпечатано в ООО «Мосполиграф».
Москва, 4-ый Лихачевский пер., д.4.

Тираж 500 экз.

«Десоветизация»: планы и последствия

1 февраля 2011 года представители Совета по гражданскому обществу и правам человека передали президенту России Д.А. Медведеву проект разработанных ими предложений об учреждении общенациональной государственно-общественной программы «Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении». Этот проект, названный сами авторами программой «детоталитаризации общественного сознания» и представленный общественности только спустя почти два месяца, в конце марта 2011 года, вызвал весьма ожесточенную дискуссию. С учетом высокой значимости данного проекта редакция «Журнала» публикует полный текст «Предложений» и материалы экспертного опроса, проведенного в апреле 2011 года среди историков и представителей общественных организаций России и стран ближнего зарубежья.

Предложения об учреждении общенациональной государственно-общественной программы «Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении»

Без освоения общественным сознанием трагического опыта России в XX веке представляется невозможным движение российского общества к реальной модернизации. Исторический опыт показывает, что модернизация может быть успешной только в том случае, когда и национальная элита, и все общество едины в общем гражданском чувстве ответственности перед историей. А это чувство, чувство ответственного хозяина страны, в свою очередь немыслимо возродить, скрывая – не столько от внешнего мира, сколько от самих себя – правду о том, что наш народ сделал сам с собой в XX веке. Сокрытие правды о прошлом лишает нас возможности национального самоуважения, без которого мы никогда не создадим предпосылки для истинного патриотизма; а, значит, и разговоры о модернизации останутся благими намерениями.

Одним из важнейших путей преодоления взаимного отчуждения народа и элиты, является полное признание российской катастрофы XX века, жертв и последствий тоталитарного режима, правившего на территории СССР на протяжении большей части этого века. «Тоталитаризм пытался посягнуть на российскую открытость, и это грозило либо манией исключительности, либо комплексом самоуничижения, – отмечал в 1996 году первый Президент России Б.Н.Ельцин. – Демократия предохраняет от этой опасности. Оберегая свободу и открытость, она обеспечивает возможность народу "самому быть"». Только признание пагубности тоталитаризма может стать фундаментом для подъема общества и страны.

Цели программы:

Первая и главная – модернизация сознания российского общества через признание трагедии народа времен тоталитарного режима. Содействие созданию в обществе чувства ответственности за себя, за страну. При этом – с главным акцентом не на обвинении тех из наших предков, кто творил геноцид, разрушение веры и морали, а на почтении и увековечении памяти жертв режима. Окончание гражданской войны, развязанной в 1917 г.

Вторая – обеспечение поддержки программе модернизации страны со стороны наиболее образованной и активной части населения. Если даже только часть предлагаемой

программы – установка памятников жертвам тоталитаризма в городах и в местах их захоронений, создание музейно-мемориальных комплексов будет осуществлена – уже одно это дополнительно повысит морально-политический авторитет нынешнего руководства страны.

Третья – укрепление объединительных тенденций на территории бывшего СССР и, возможно, бывшего «соцлагеря» – через осознание общности трагического прошлого. Программа должна носить общий для этих стран характер. Но при этом она должна быть инициирована Россией, как наиболее пострадавшей из стран, переживших тоталитаризм.

Четвертая – укрепление международного престижа страны. Осуждение Президентом тоталитарного режима, преклонение колен Премьер-министром перед Катынским крестом уже сыграли очевидную позитивную роль. Признав, что вся Россия – «большая Катынь», начав оказывать знаки уважения жертвам тоталитарного режима самостоятельно, добровольно, без принуждения, страна может только вызвать к себе уважение со стороны всех нормальных людей и народов.

Возможные издержки от осуществления этой программы можно с лихвой компенсировать обращением к лучшему, что было в российской истории – например, к блистательной эпохе, начавшей с Екатерины II и закончившейся в 1917 г. Но продолжавшейся в неимоверно трудных условиях и в XX веке. Российская идентичность должна, наконец, основываться на том, что история России началась не в 1917, что мы страна не Ленина и Сталина, а страна и народ Пушкина, Гоголя, Толстого, Пастернака, Чайковского, Суворова, Жукова, Королева, Солженицына, Сахарова, наконец, Екатерины II, Александра II, Столыпина, внесших огромный вклад в развитие и славу страны и ее культуры.

Конкретные направления программы:

Необходимо увековечить память о погибших; в частности необходимо провести массовую установку обелисков и иных знаков памяти как в местах захоронения жертв тоталитарного режима, так и в городах и селениях, где их арестовывали и откуда их вывозили. Необходимо развернуть государственно-общественную программу содействия розыску и определению мест захоронения жертв репрессий. Этой программе, как и программе установки знаков памяти, следует с самого начала придать международный характер: она должна стать общей для всех стран СНГ и Балтии, а, возможно, и для других стран, входивших в «соцлагерь». Все были жертвами, и среди палачей тоже были представители всех народов. (См. Приложение 1, пункты 1.1, 1.3).

(В перспективе программа могла бы иметь и более широкий общеевропейский характер: вся Европа была жертвой, вся Европа виновна в трагедиях XX века – в двух мировых войнах, в двух тоталитаризмах, в тяжелейшем, не преодоленном до конца расколе).

Необходимо оказать поддержку живущим среди нас жертвам репрессий; их осталась горстка, но несправедливость, совершенная по отношению к ним, должна быть искуплена. (См. Приложение 2).

Необходимо, наконец, рассекретить архивы с тем, чтобы перестать скрывать от самих себя страшную правду о злодеяниях, которые творились у нас в стране. Скрывая всем известную правду, мы сами себя позорим и ассоциируем с тоталитарным режимом. (См. Приложение 3).

Думается, общество к реализации такой программы готово.

Почитание памяти павших может вызвать к жизни не эрзац, а реальное массовое патриотическое движение. Особенно важно привлечь к этому движению молодежь.

* * *

Перед страной и ее руководством в перспективе стоят базовые задачи, выполнение которых, несомненно, будет иметь историческое значение. Решение этих задач, как правило, не может иметь одномоментного характера. Сама постановка проблем потребует определенной последовательности действий. Соответственно, и совокупность действий, направленных на осмысление и преодоление трагического прошлого, уже на первом этапе можно разбить на две категории: первоочередные шаги, являющиеся ключевыми для решения проблемы в целом, и сопутствующие этим шагам и подкрепляющие их меры.

К первоочередным шагам, обеспечивающим увековечение памяти погибших и выполнение нравственного долга перед живыми, относятся:

– *Издание Указа или Закона,* предусматривающего создание во всех крупных городах и крупных населенных пунктах (по крайней мере, до уровня райцентров) памятников

жертвам репрессий; содействие через СМИ и иные каналы созданию массового поискового движения, которое выявляло бы имена жертв, искало места захоронений, участвовало в установлении памятников; широкое привлечение к этому движению молодежи (опыт таких движений существует у наших соседей, но база для него есть и в России); создание общественно-государственных благотворительных фондов, финансирующих увековечение памяти жертв.

– *Создание как минимум двух общенациональных мемориально-музейных комплексов рядом с обеими столицами и монументального памятника жертвам в центре Москвы.* (См. Приложение 1, пункт 1.2).

– *Выработка и принятие единой государственной программы создания Книг памяти жертв тоталитарного режима и создание на их основе Единой базы данных «Жертвы тоталитарного режима в СССР».* (См. Приложение 1, пункты 1.3, 1.4).

– *Совершенствование механизмов социальной поддержки* живущих в России жертв репрессий. (См. Приложение 2).

Эти меры должны подготовить *политико-правовую оценку преступлений прошлого* – в форме официальной декларации от имени как исполнительной, так и законодательной власти, а также, вероятно, в форме авторитетного юридического решения, квалифицирующего преступные деяния в соответствии с нормами права. Отсутствие такой оценки является важнейшим препятствием для «детоталитаризации» российского общественного сознания. (См. Приложение 4, Приложение 8).

Возможно, уже сейчас стоит переименовать странновато звучащий День народного единства в *«День памяти жертв гражданской войны и национального примирения»*. Т.е. окончания длившейся почти целый век *гражданской войны*. Такое переименование тем более логично, что и события 1612 года символизировали конец «смуты», то есть фактически были окончанием *гражданской войны*.

Чтобы поддержать и закрепить результаты, достигнутые вышеперечисленными первоочередными мерами, необходимо также, возможно, на втором этапе:

– завершить процесс юридической реабилитации граждан, осужденных по политическим мотивам в разные периоды советской истории (см. Приложение 5);

– *принять Закон о топонимике*, запрещающий увековечивать в названиях населенных пунктов, улиц, площадей и т.д. память лиц, несущих ответственность за массовые репрессии и другие тяжкие преступления против прав и свобод граждан (см. Приложение 6);

– *создать современные курсы отечественной истории для средней школы,* свободные от старых и новых мифологем, сочетающие системность и историзм изложения с отчетливой нравственной, правовой, гражданской и политической оценкой событий (см. Приложение 7);

– *поощрять и поддерживать научные исследования* по отечественной истории; с этой целью облегчить доступ исследователей к архивным материалам. Для продвижения достоверной информации о прошлом в общественное сознание обеспечить *оцифровку и интернет-публикацию* важнейших исторических документов XX века из государственных и ведомственных архивов (см. Приложение 7);

– *стимулировать и повсеместно развивать музейную работу*, направленную на освещение трагических страниц советской истории.

Необходимо создать действенный механизм реализации предложенной программы, если, разумеется, она будет принята (см. Приложение 9).

Реализация данной программы в полном объеме желательна и необходима в сотрудничестве с другими государствами, возникшими на постсоветском пространстве. При этом важно, чтобы инициатором совместных программ была именно Российская Федерация – не только как государство-продолжатель Советского Союза, но и как страна, наиболее пострадавшая от репрессий советского периода (см. Приложение 10).

Приложение 1

Увековечение памяти жертв тоталитарного режима

1.1. Памятники и памятные знаки

Сейчас в России уже существует несколько сотен монументов, закладных камней, памятных знаков и мемориальных досок, так или иначе связанных с историей государственного террора тоталитарного режима и памятью о его жертвах. Тем не менее, положение в этой области нельзя назвать удовлетворительным.

1.1.1. Почти все памятники и памятные знаки установлены безо всякого, даже символического, участия федеральной власти. В подавляющем большинстве случаев эти знаки установлены по инициативе и на средства общественных организаций, частных лиц, отдельных муниципальных учреждений культуры и образования (музеи, школы), иногда – муниципальных властей, изредка – с участием региональных администраций. Множество, если не большинство памятных знаков – установленные 15-20 лет назад закладные камни будущих полноценных монументов.Однако из-за отсутствия необходимых денежных средств монументы на месте закладных камней почти нигде не появились. В городах памятники чаще всего устанавливаются в местах, где были обнаружены тайные захоронения расстрелянных – то есть, как правило, на окраинах городов или даже за городской чертой. В Центральной России, где живет большинство населения страны, памятники, посвященные истории политических репрессий, вообще довольно редки. Хотя в отдельных случаях памятники создаются на собранные общественностью, бизнесом и муниципальные деньги и сейчас. Пример – памятник жертвам репрессий, установленный 4 ноября 2010 г. на одной из центральных площадей Барнаула.

• ***Необходимо разработать и осуществить федеральную программу установки памятников, посвященных жертвам политических репрессий – во всех тех крупных городах России, где таких памятников еще нет, или там, где они находятся на периферии городского пространства, или там, где они обозначены лишь закладными камнями.***

1.1.2. В подавляющем большинстве случаев памятники и памятные знаки, посвященные истории террора, не имеют никакого юридического статуса. Они не внесены в Федеральный перечень объектов исторического и культурного наследия, и даже, как правило, не поставлены на учет в отделах культуры региональных администраций. Эти памятники не защищены от вандализма и административного произвола, их охрана и поддержание в надлежащем виде не обеспечены.

• ***Необходимо:***

– провести учет и паспортизацию всех памятников, памятных знаков и мемориальных досок, посвященных жертвам террора или связанных с его историей;

– включить эти памятники, памятные знаки и мемориальные доски в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в качестве объектов культурного наследия федерального, регионального или местного значения.

• ***Для памятников и занимаемых ими земельных участков необходимо разработать процедуру урегулирования правоотношений, связанных с землепользованием и градостроительной деятельностью, имущественными отношениями, и занесения этих памятников в Единый кадастр Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестра).***

1.1.3. До сих пор не возведен общенациональный памятник жертвам террора.

• ***Необходимо создание в центре столицы общенационального памятника жертвам государственного террора XX века.*** Создание такого памятника – один из центральных пунктов программы, символический акт, закрепляющий осуждение преступлений тоталитарного режима.

• Необходимо, разумеется, и давно перезревшее решение о захоронении тела Ленина.

Но нужна и большая предварительная разъяснительная работа, чтобы вся предлагаемая программа не свелась бы к выносу тела из мавзолея и кампании вокруг этого.

1.2. Музейно-мемориальные комплексы

Стране необходимы как минимум два музейно-мемориальных комплекса общенационального значения, посвященные истории террора тоталитарного режима – в Москве и Санкт-Петербурге. Подготовленная рабочей группой под руководством председателя Союза музеев России М.Б.Пиотровского концепция музейно-мемориального комплекса в **Ковалевском лесу под Санкт-Петербургом** была одобрена на заседании Правительства Санкт-Петербурга в феврале 2010 г.

Предложение о создании аналогичного комплекса **на территории Москвы в устье реки Химки**, на земельном участке, принадлежащем ФГУП «Канал имени Москвы», было выдвинуто инициативной группой во главе с М.С.Горбачевым.

Оба эти проекта, получили одобрение Президента РФ, однако буксуют на уровне ведомственных согласований.

• ***Необходимо подготовить и издать соответствующие Постановления о создании Музейно-мемориальных комплексов в Москве и Санкт-Петербурге.***

• ***Необходимо рассмотреть вопрос о мемориализации наиболее символических зданий и сооружений, связанных с историей террора. Таких, как, например, бывшее здание Военной коллегии Верховного суда в Москве на Никольской улице, подобные здания в других городах.***

1.3. Места захоронений жертв репрессий

Выявление, сохранение, обустройство и, по возможности, мемориализация мест захоронений расстрелянных, заключенных лагерей и тюрем, ссыльных и депортированных, репрессированных по политическим мотивам – задача, имеющая не только политическое, но и нравственное измерение. Сейчас страна только подступает к решению этой задачи, и без активного участия федеральной государственной власти здесь не обойтись.

1.3.1. В настоящее время усилиями краеведческих и других общественных организаций, поисковых отрядов, школьных туристических клубов, музейных учреждений и т.д. в стране выявлено около 400 мест расстрелов и захоронений расстрелянных, лагерных кладбищ и кладбищ спецпоселков. Очевидно, что таких мест захоронений существует на порядок больше. Все эти захоронения надо выявить и обустроить или, по крайней мере, отметить места, где они находились, памятными знаками. Одним из главных препятствий здесь является невозможность или затрудненность доступа к архивным источникам. Кроме того, история многих уже выявленных на местности мест захоронений слабо документирована или не документирована никак.

Необходимо:

• ***Обязать Федеральную службу безопасности (для которой такая работа должна стать в т.ч. способом отмежевания от карательных органов тоталитарного режима), Министерство внутренних дел и Росархив провести специальный поиск в государственных и ведомственных архивах с целью выявления и максимально полного документирования мест захоронений жертв террора.***

• ***Подготовить и издать распоряжение, обеспечивающее свободный доступ исследователей ко всем документам, прямо или косвенно связанным с местами захоронения жертв террора. В первую очередь следует открыть для исследователей фонды, содержащие акты о расстрелах, документы, фиксирующие смерти заключенных и спецпоселенцев, а также материалы внутренних расследований органов госбезопасности 1989-1991 и более ранних лет относительно расстрелов и мест захоронений расстрелянных.***

1.3.2. В Российской Федерации имеется всего несколько мест захоронений, которые фактически выполняют в своих регионах функции мемориальных кладбищ и являются таковыми в сознании местного населения. Однако эта их роль не закреплена специальным юридическим статусом (за исключением мемориальных кладбищ польских военнослужащих в Катыни и Медном, чей статус обеспечивается межгосударственными соглашениями и правительственными распоряжениями). В то же время подавляющее большинство мест захоронений жертв террора вообще никак не обустроены и быстро разрушаются, многие уже уничтожены или исчезли бесследно.

Необходимо:

• ***Разработать и принять Закон, устанавливающий для мемориальных кладбищ жертв террора особый юридический статус, аналогичный статусу мемориальных воинских кладбищ.***

• ***Разработать и осуществить комплекс мер, направленных на недопущение дальнейшего разрушения и исчезновение мест захоронений жертв террора, на сохранение этих мест захоронений в их исторических границах.***

• ***При мемориализации мест захоронений учитывать, что в большинстве случаев там захоронены не только граждане России (СССР), но и многих других государств, и привлекать к созданию памятников и памятных знаков представителей всех заинтересованных стран.***

1.4. Книги Памяти жертв тоталитарного режима и Единая база данных (ЕБД)

Чтобы соединить историческое знание с личной и семейной памятью о терроре, присутствующей в сознании миллионов российских семей, и таким образом сформировать национальную память об одной из страшнейших трагедий XX века, необходимо персонифицировать историю террора в именах жертв репрессивной государственной политики.

1.4.1. С начала 1990-х годов в российских регионах (как правило, по инициативе общественности и/или региональных властей) выходят Книги памяти жертв политических репрессий. Благодаря этим книгам сотни тысяч людей узнали о судьбе своих предков. Однако на сегодняшний день в Книгах Памяти **опубликовано меньше половины общего числа имен жертв репрессий**; в некоторых регионах России до сих пор не издано ни одного тома Книг Памяти, а в большинстве регионов эта работа не завершена. К тому же работа эта ведется без единых подходов к составу Книг и к полноте включаемой в них информации.

• ***Необходимо разработать и осуществить единую государственную программу по подготовке Книг памяти. Для этого следует сформировать, во-первых, рабочую группу из представителей государственных ведомств, общественных организаций и историков-архивистов, которая в кратчайшие сроки выработает единую методику составления Книг Памяти, и, во-вторых, центральную редакцию, которая будет осуществлять эту программу, организовывая и координируя выпуск региональных Книг памяти.***

1.4.2. Естественным и необходимым продолжением работы по созданию региональных Книг памяти должно стать объединение содержащихся в них данных в единый информационный комплекс, который будет представлять историю террора в именах и судьбах его жертв. Пример такого единого информационного комплекса – размещенная в Интернете Объединенная база данных, созданная Министерством обороны РФ и увековечивающая память советских воинов, погибших на фронтах Великой Отечественной войны. В области истории изучения репрессий аналогичная база данных была создана обществом «Мемориал»; однако, в ней на сегодняшний день содержится всего лишь около 2,7 миллионов имен, т.е. меньше половины от общего числа жертв политических репрессий, если ограничиваться одной только Российской Федерацией. Такая база данных может стать международной, интегрирующей всю работу по восстановлению имен и судеб жертв террора, ведущуюся на постсоветском пространстве. Было бы естественно, чтобы Россия, располагающая уникальными архивными массивами, взяла на себя роль инициатора такой международной программы, посвященной памяти жертв террора.

• ***Необходимо создать (на основе региональных Книг Памяти, архивных источников, а также данных, собираемых в ряде республик бывшего СССР) и разместить в Интернете Единую базу данных «Жертвы тоталитарного режима в СССР», включающую все выявленные имена пострадавших от репрессий. В работе по составлению этой Единой базы данных самое активное участие должны принять архивные службы ФСБ и МВД, органы прокуратуры, а также Росархив.***

• ***Необходимо заключить многосторонние межгосударственные соглашения со странами СНГ и Балтии и, возможно, с бывшими соцстранами об их участии в работе по созданию ЕБД «Жертвы тоталитарного режима в СССР и в странах бывшего соцлагеря» в рамках общей международной программы.***

Приложение 2

Социальная поддержка жертв репрессий

Принятый в 1991 г. Закон «О реабилитации жертв политических репрессий» предусматривал, помимо юридической реабилитации, ряд мер, направленных на социальную реабилитацию пострадавших. Среди этих мер были и чисто экономические – единовременная компенсация за время лишения свободы и конфискованное имущество (ст. 15) и ряд льгот, перечень которых определяла ст. 16 Закона. Размеры всех этих компенсаций были символическими – вследствие бедственного состояния российской экономики в тот период. Однако они были гарантированы федеральным бюджетом и размер компенсаций (и льгот) был одинаков для всех на всей территории страны. Изменения в законодательстве существенно снизили уровень защищенности реабилитированных граждан.

2.1. В результате инфляции и изменений, отменивших содержавшиеся в Законе механизмы индексации, предусмотренные сегодня в Законе о реабилитации размеры единовременных компенсаций – 75 рублей за месяц заключения и не более 10 тысяч рублей за конфискованное имущество, включая дом – выглядят просто издевательством. **Размеры единовременных компенсаций должны быть повышены до приемлемого уровня, соответствующего нынешним возможностям государства.** На необходимость этого уже указывал Конституционный Суд (определение от 15.05.2007 №383оп). Обращения жертв репрессий в Правительство РФ по этому поводу не встретили понимания.

• ***Необходимо в ст.15 и ст. 16.ч.1. Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» внести изменения, увеличивающие размеры единовременных компенсаций.***

2.2. ФЗ 122 от 22.08.2004 г. (Закон «о монетизации»), переведя поддержку жертв репрессий с федерального на региональный уровень, существенно ухудшил их положение почти во всех регионах. Некоторые регионы (республики, из которых выселялись целые народы) оказались ущемлены, поскольку численность жертв репрессий в них существенно выше, чем в остальных. Но существенно не только само ухудшение положения реабилитированных – не менее остро жертвы репрессий ощущают возникшее неравенство. Региональные бюджеты, на которые сегодня возложена поддержка реабилитированных, имеют совершенно разные возможности, и в результате люди, отсидевшие один и тот же срок в одном и том же лагере, получают «меры социальной поддержки», резко различающиеся в денежном выражении (от 130 до 2400 рублей в месяц).

• ***Социальные ежемесячные выплаты жертвам репрессий должны осуществляться из средств федерального бюджета.*** Это принципиально важно не только для самих реабилитированных, но и для адекватного осознания проблемы обществом, поскольку репрессии осуществлялись государством, а не отдельными регионами.

• ***Размер социальных ежемесячных выплат (социальной поддержки) жертвам репрессий должен быть единым***, независимо от места проживания реабилитированных.

• ***Размеры социальных ежемесячных выплат должны быть приведены в соответствие с нынешней экономической ситуацией***, заметно лучшей, чем в 1991 году, и должен быть предусмотрен механизм их индексации.

• ***Должны быть предусмотрены не только денежные выплаты, но и натуральные льготы, прежде всего медицинского характера*** – в связи с преклонным возрастом подавляющего большинства реабилитированных.

Сегодня компенсационные выплаты реабилитированным приравнены к льготам, имеющим совершенно иную правовую природу. Большинство реабилитированных в силу преклонного возраста и перенесенных испытаний ныне являются инвалидами – но их фактически заставляют выбирать между статусами инвалида и реабилитированного, или между статусом реабилитированного и статусом участника Великой Отечественной войны. Это оскорбительно для жертв репрессий и нарушает их права. Сегодня только граждане, подвергшиеся воздействию радиации (вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС и вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне), имеют право одновременно получать выплаты по закону «О социальной защите инвалидов в РФ». Однако вина и ответственность государства перед реабилитированными во всяком случае не меньше, чем перед жертвами этих техногенных катастроф.

• Выплаты и льготы, предусмотренные Законом о реабилитации, были не милостыней и не жестом доброй воли государства – а специфической формой компенсации жертвам преступлений, совершенных государством. ***Эта компенсация должна предоставляться независимо от того, получает ли реабилитированный гражданин какие-то другие льготы или выплаты из госбюджета.*** Это вопрос не только справедливости по отношению к пострадавшим, но и морального климата в обществе.

В п.3 статьи 28.1 Федерального закона №181-ФЗ от 24.11.1995 «О социальной защите инвалидов в РФ» необходимо внести соответствующее изменение (дополнение).

2.3. Из общего числа жертв политических репрессий ***должна быть выделена категория узников лагерей и тюрем. Этой категории*** (сейчас их насчитывается не более 30 тыс. человек на всю Россию) должен быть обеспечен ***максимальный уровень компенсаций и социальной поддержки***. Сегодня эта категория выделена только в Петербурге, где бывшие узники лагерей и тюрем получают двойную (в сравнении с другими реабилитированными) ежемесячную выплату.

2.4. Многие нынешние ведущие российские предприятия создавались трудом узников. Было бы справедливо, если бы часть прибыли предприятий, созданных с использованием труда заключенных, направлялась в ***специально учрежденный общественно-государственный фонд, призванный поддерживать реабилитированных граждан***.

Приложение 3

Обеспечение доступа к архивной информации о политических репрессиях в СССР

Доступ в архивы – одна из важных болевых точек во взаимоотношениях общества и власти. Сегодня в общественном сознании широко бытует мнение, что власть, препятствуя доступу к архивным документам, сознательно, по каким-то своим основаниям, скрывает от граждан правду о прошлом. Де факто закрытость архивов создает впечатление, что нынешняя Россия не порвала с террором тоталитарного режима, считает его позорные тайны своими и скрывает их. Одновременно, ограничение на доступ к архивной информации подпитывает демагогию коммунистов, позволяя им отрицать давно установленные факты.

• Процесс рассекречивания архивных документов имевших ограничительные грифы, до предела забюрократизирован. Установленный Законом о государственной тайне 30-летний срок, после которого документы с ограничительными грифами должны быть рассекречены (за определенными исключениями), на деле во многих случаях превращается в бесконечный.

• Для всех, кроме реабилитированных жертв или их родственников и лиц, действующих по их доверенности, полностью закрыт доступ к хранящимся в архивах следственным делам менее чем 75-летнего срока давности. У очень многих реабилитированных лиц нет родственников или найти их невозможно – таким образом, возможность работы с их делами закрыта в принципе.

• Полностью закрыт доступ к следственным делам нереабилитированных (даже для их родственников) вне зависимости от срока давности.

Основными мерами для исправления ситуации мы видим следующие.

3.1. В сфере рассекречивания документов о репрессиях

3.1.1. Изменить и упростить процедуру рассекречивания документов, имеющих ограничительные грифы. Сейчас государственные архивы готовят документы к рассекречиванию и передают их на решение Межведомственной комиссии по защите государственной тайны (МВК). Необходимо предоставить государственным архивам право и обязать их самим проводить рассекречивание документов, с момента создания которых прошло свыше 30 лет. Ранее такое право у госархивов было. МВК должна заниматься не снятием ограничительных грифов с документов, а наоборот – по представлению архивов лишь продлением сроков секретности, обоснованием продления, установлением таких сроков (5, 10 лет и т.д.). Рассекречивание документов должно происходить в точно установленные сроки, за несоблюдение которых должна быть предусмотрена ответственность соответствующих чиновников.

3.1.2. Обязать ведомственные архивы провести интенсивное рассекречивание документов, связанных с репрессиями, с момента создания которых прошло более 30 лет (для СВР, согласно законодательству – 50 лет). Для процедуры рассекречивания в ведомственных архивах должны быть установлены определенные сроки. Процедура рассекречивания, проводимая в ведомствах, должна быть прозрачной для заявителей, ходатайствующих о рассекречивании тех или иных документов.

3.2. В сфере доступа к архивно-следственным делам, проверочно-фильтрационным делам, личным делам заключенных и спецпоселенцев, судебным делам

3.2.1. Необходимо внести поправки в нормативные акты, регулирующие доступ к архивной информации о репрессиях. В первую очередь это касается изданного 25.06. 2006 приказа Минкультуры РФ, МВД РФ и ФСБ РФ «Об утверждении Положения о порядке доступа к материалам, хранящимся в государственных архивах и архивах государственных органов Российской Федерации, прекращённых уголовных и административных дел в отношении лиц, подвергшихся политическим репрессиям, а также фильтрационно-проверочных дел». Право доступа к делам реабилитированных лиц должно быть предоставлено ученым, краеведам, составителям «Книг памяти», журналистам, пишущим на темы, связанные с репрессиями.

Не должно существовать ограничений, кроме предусмотренной в законодательстве ответственности за неправомерное (недобросовестное) использование полученной информации. Сегодня отказ указанным категориям пользователей в доступе к следственным делам по сути является превентивным наказанием.

3.2.2. Необходимо обеспечить доступ исследователей и представителей общественности к делам нереабилитированных лиц. В этих делах зачастую содержится важнейшая информация о механизмах репрессий.

3.2.3. Должно быть жестко законодательно определено понятие «личная тайна» во избежание расширительного толкования и использования этого понятия для ограничения доступа к архивной информации.

Приложение 4

Политико-правовая оценка преступлений тоталитаризма

4.1. Политико-правовая оценка преступлений тоталитарного режима в СССР до сих пор отсутствует, что создает почву для отождествления политического руководства современной России с коммунистической диктатурой, существовавшей в Советском Союзе в течение многих десятилетий. Лишь в некоторых документах, преимущественно международно-правового характера, имеются декларативные положения об огромной цене, заплаченной народом России, за преступления тоталитаризма и о решительном осуждении режима, пренебрегавшего правами и жизнью людей.[1] Сходные формулировки встречаются также в некоторых двусторонних соглашениях, заключенных Российской Федерацией со странами бывшего Варшавского договора. Здесь содержится осуждение «антигуманной сущности тоталитаризма» и подчеркивается необходимость «окончательно подвести черту под тоталитарным прошлым, которое проявилось и в попрании принципов международного права».[2]

Попытка политико-правовой оценки тоталитаризма содержится в постановлении Конституционного Суда РФ от 30.11.1992 № 9-П по так называемому «делу КПСС». Здесь, в частности, говорится: «В стране в течение длительного времени господствовал режим неограниченной, опирающейся на насилие власти узкой группы коммунистических функционеров, объединенных в политбюро ЦК КПСС по главе с генеральным секретарем ЦК КПСС. …Материалами дела, в том числе показаниями свидетелей, подтверждается, что руководящие струк-

1 Постановление ГД ФС РФ от 26.11.2010 N 4504-5 ГД “О Заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «О Катынской трагедии и ее жертвах».

2 «Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Словацкой Республикой» (Подписан в г. Братиславе 26.08.1993).

туры КПСС были инициаторами, а структуры на местах – зачастую проводниками политики репрессий в отношении миллионов советских людей, в том числе в отношении депортированных народов. Так продолжалось десятилетиями».

Определенный вклад в политико-правовую оценку тоталитаризма внес и российский парламент. Так, в преамбуле закона РФ Закон РФ от 18.10.1991 № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» говорится, что ««за годы Советской власти миллионы людей стали жертвами произвола тоталитарного государства, подверглись репрессиям за политические и религиозные убеждения, по социальным, национальным и иным признакам». Здесь подчеркивается, что многолетний террор и массовые преследования своего народа несовместимы с идеей права и справедливости.

О преступлениях тоталитарного режима говорится также в Декларации Верховного Совета СССР от 14.11.1989 «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав», в законе РФ от 26.04.1991 № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов» и т.д.

Однако ни один из указанных выше документов не дает исчерпывающей политико-правовой характеристики тоталитарного режима, существовавшего в СССР в XX веке.

4.2. Главный смысл политико-правовой оценки – дистанцирование современной России от СССР и преступных действий тоталитарного режима (как во внутренней, так и во внешней политике), заявление о неприемлемости для сегодняшней политической элиты и российского общества в целом большевистских способов управления страной.

Кроме того, такая оценка – самый убедительный способ показать российскому обществу и всему миру приверженность России идеям правового государства.

В свою очередь, отсутствие такой оценки дает возможность сторонникам различных экстремистских идейных течений оправдывать преступления, жертвами которых стали миллионы людей, продолжать пропагандировать насильственные методы решения общественных проблем. Без официальной политико-правовой оценки будет сохраняться угроза возврата к этим методам.

Политико-правовая оценка необходима также для целей совершенствования российской правовой системы и правоприменительной практики. Она позволит безошибочно определять, какие из числа сохранившихся норм советского законодательства не могут далее применяться в Российской Федерации, какие из них нуждаются в замене или адекватном современным условиям толковании.

Наконец, политико-правовая оценка тоталитарного режима важна для преподавания отечественной истории в школах и университетах, для воспитания новых поколений россиян. Здесь потребны не только суждения моральных авторитетов (даже таких, как А.И. Солженицын), но и четкая юридическая квалификация.

4.3. Политико-правовая оценка может быть выработана разными способами.

Наиболее адекватным представляется путь судебной оценки, при котором каждый нормативно-правовой акт, изданный в условиях тоталитарного режима, может быть обжалован любым заинтересованным лицом – с учетом упоминавшегося выше постановления Конституционного Суда РФ – по правилам главы 24 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации с целью признания его недействующим полностью или частично со дня его принятия или иного указанного судом времени. В свою очередь, решение суда о признании нормативного правового акта недействующим влечет за собой утрату силы не только этого нормативного правового акта, но и других, основанных на нем нормативных правовых актов.

Мы имеем в виду, например, постановление Политбюро ЦК ВКП (б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» и реализацию этого постановления (миллионы арестованных и сосланных крестьян), утвержденный Политбюро 31 июля 1937 г. Приказ НКВД «О репрессировании бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» и его реализацию (около 800 тысяч арестованных, половина из них расстреляна) и длинную цепь подобных акций. Относительно этих преступлений в архивах сохранились многие тысячи документов, есть еще и живые свидетели.

Такое судебное разбирательство не только возможно – при условии незначительной корректировки положений ГПК РФ, – но и необходимо. Необходима общая точка отсчета для решения множества юридических проблем, связанных с прошлым, и в частности:

1. подтверждение доминирующей роли политического руководства СССР в планировании и осуществлении репрессий и, тем самым, политического характера репрессий во всех случаях, когда репрессии не связаны с объективно доказанными преступными деяниями репрессированных. Этот вполне очевидный факт необходимо судебным решением закрепить раз и навсегда;

2. подтверждение юридической ничтожности решений партийных и государственных органов о создании антиконституционных квазисудебных органов, и, как следствие, юридической ничтожности решений квазисудебных органов;

3. подтверждение фактов совершения руководителями ВКП(б)-КПСС и СССР преступлений против собственного народа – т.е. преступного (противозаконного, антиконституционного) характера решений партийных и государственных органов о проведении массовых репрессий, о насильственном изъятии имущества во время коллективизации, о депортациях народов. Жертвами этих преступлений стали многие миллионы граждан.

Эти факты имеют юридическое значение для множества россиян – жертв и их потомков. Эти факты могут иметь значение и во многих других случаях – например, при решении вопроса о том, могут ли российские города, предприятия или улицы носить имена людей, принимавших участие в организации массовых репрессий.

Политико-правовая оценка коммунистического тоталитаризма может быть дана и без использования судебных процедур. Будучи всесторонне юридически точной, политико-правовая оценка тоталитарного режима могла бы быть выражена в специальном послании Президента РФ (в качестве примера такого документа можно назвать Послание «О конституционности» от 25 марта 1993 г.), или в официальной декларации обеих палат Федерального Собрания.

Приложение 5

Завершение процесса юридической реабилитации жертв террора

Для завершения процесса юридической реабилитации жертв террора необходимо:

5.1. Внести в Закон о реабилитации поправки, расширяющие перечень категорий лиц, попадающих под действие Закона, и максимально обеспечивающие восстановление прав пострадавших от репрессий.

5.2. Предусмотреть в Законе процедуру установления факта применения репрессии в случае неполноты сохранившейся документации (дело Романовых, «Катынское дело» и др.).

5.3. В преамбулу Закона о реабилитации вернуть слова о моральном ущербе, нанесенном террором его жертвам, которые были изъяты оттуда в процессе принятия в 2004 г. федеральным законом №122-ФЗ.

5.4. Провести в инициативном (а не только заявительном, как сейчас) порядке реабилитацию по делам о репрессиях, осуществленных в административном порядке, (крестьяне, высланные во время коллективизации, иные депортации разных лет).

5.5. Заключить международные соглашения со странами, входившими в состав Советского Союза, о совместной и согласованной работе в области реабилитации.

Приложение 6

Обновление российской топонимики

Необходимо разработать и внести в Государственную думу РФ Закон о топонимике, запрещающий увековечивать память лиц, несущих ответственность за массовые репрессии и другие тяжкие преступления против прав и свобод граждан. Спорные вопросы могут разрешаться в судебном порядке, с привлечением документальных исторических свидетельств, что само по себе будет иметь важное просветительное и воспитательное значение.

Приложение 7

Образование и просвещение

7.1. Необходимо, чтобы темы тоталитаризма и государственного террора советской эпохи были должным образом представлены в школьных курсах отечественной истории XX века. Необходимо разработать и предложить педагогическому сообществу принципиально новый комплект учебно-методических пособий для средней школы. Для подготовки такого комплекта следует объявить специальный конкурс.

7.2. Необходима государственная поддержка научных исследований, а также издания научных и мемуарных книг по истории коммунистического тоталитаризма.

7.3. Необходимо разработать специальные научно-просветительные и культурные программы государственного телевидения.

7.4. Необходимо создать специальный Интернет-портал, на котором опубликовать все важнейшие документы политической истории Советского Союза, хранящиеся в архивах, а также важнейшие исследования российских и зарубежных ученых. Такой портал естественно станет притягательным центром внутрироссийского межрегионального сотрудничества, и – не менее важно – эффективным центром международного сотрудничества, так как соответствующие документы хранятся в архивах многих стран. Портал стал бы очевидным свидетельством открытости России, ее готовности к совместной работе над прошлым с другими странами.

7.5. Тема политического террора советской эпохи должна стать элементом постоянной экспозиции во всех исторических и краеведческих музеях Российской Федерации, такой же обязательной компонентой музейной работы, какой является тема Великой Отечественной войны.

Приложение 8

Иные меры противодействия возрождению тоталитарной идеологии в обществе

Поскольку с принятием данной программы антитоталитаризм становится частью официальной политики России, необходимо:

8.1. Поднять статус 30 октября – Дня памяти жертв политических репрессий. Целесообразно было бы, чтобы выступление Президента в этот день стало традиционным. Следовало бы также рекомендовать главам региональных администраций ежегодно принимать участие в траурных мероприятиях, проходящих в этот день в их регионах.

8.2. Принять официальное постановление о том, что публичные выступления государственных служащих любого ранга, содержащие отрицание или оправдание преступлений тоталитарного режима, несовместимы с пребыванием на государственной службе.

8.3. Провести ревизию официальных памятных дат и профессиональных праздников, с переориентацией их на события всей многовековой истории России, а не только советского периода. Например, День российской милиции (10 ноября) опирается на постановление НКВД 1917 года о создании рабочей милиции. Между тем, День полиции более логично отмечать 7 июня в честь декрета Петра I от 7 июня 1718 года об учреждении в Санкт-Петербурге Главной полиции. Положительные примеры такого рода имеются: например, День работника прокуратуры (12 января) опирается на дату Указа 1722 года Петра I. Возможно, следует переосмыслить День народного единства 4 ноября и назвать его Днем памяти жертв гражданской войны и национального примирения.

8.4. Целесообразно, чтобы Россия выступила с инициативой создания Международного института памяти, призванного стать центром совместной работы по осмыслению и преодолению тоталитарного прошлого. Такой институт мог бы стать альтернативой и дополнением национальным институтам памяти, возникшим в последние годы во многих сопредельных странах и, как показал опыт, служащих, в значительной мере, не столько задаче осмысления прошлого, сколько узко понимаемым сиюминутным национальным интересам. Для наших

отношений с соседями и для нашей репутации в мире чрезвычайно важно, чтобы инициатором такого проекта выступила именно Россия.

Приложение 9

Механизм реализации программы

Выполнение такой общенациональной общественно-государственной программы не представляется возможным без самого тесного сотрудничества государственной власти на всех уровнях с обществом. В частности, к осуществлению программы следует привлечь общественные организации, а также творческие союзы, научные объединения, профессиональные сообщества – историков, музейщиков, краеведов, педагогов. И, разумеется, представителей традиционных конфессий. Крайне важно, чтобы это взаимодействие затронуло молодежь.

Прежде всего, необходимо:

9.1. Сформировать Рабочую группу из представителей Совета, Администрации Президента РФ и Правительства РФ, поручив ей в 3-месячный срок детализировать предложения Совета и разработать конкретные механизмы для реализации данной программы.

9.2. Реорганизовать Комиссию по реабилитации при Президенте РФ, расширить ее полномочия и активизировать деятельность с тем, чтобы возложить на нее в дальнейшем функции координирующего центра по реализации данной программы.

9.3. Поддержать инициативу по созданию общественно-государственного благотворительного фонда, через который в формате частно-государственного партнерства осуществлялось бы финансирование наиболее затратных компонентов программы: установка памятников, создание музейно-мемориальных комплексов и т.д.

Приложение 10

Международные аспекты программы

Реализация данной программы крайне затруднена, а ее положительный эффект для имиджа России, для модернизации общественного сознания, для самоуважения народа, для руководства страны будут ограничены, если с самого начала программе не будет придан международный характер.

Можно было бы, в частности, предложить, чтобы программа памяти стала общей для всех пожелавших участвовать стран бывшего СССР и, возможно, для всех государств бывшего «социалистического лагеря».

10.1. В таком качестве ее можно было бы представить на созванном по инициативе России в Москве саммите стран бывшего СССР (бывшего «соцлагеря»). Саммит можно было бы приурочить либо к открытию в центре Москвы памятника жертвам тоталитарного режима, или к открытию (закладке) хотя бы одного из двух предложенных мемориальных комплексов либо в Москве, либо в Санкт-Петербурге.

10.2. Возможно предложение странам бывшего СССР («соцлагеря») заключить международные соглашения о совместной работе по реабилитации жертв тоталитарного режима и о мемориализации мест захоронений жертв политических репрессий.

10.3. Можно было бы предложить создание в Интернете единой для стран бывшего СССР («соцлагеря») Книги памяти (базы данных) «Жертвы тоталитарного режима в СССР и в странах бывшего соцлагеря», а также совместную работу по созданию Интернет-портала, на котором могли бы быть размещены важнейшие документы по политической истории Советского Союза.

10.4. Рекомендуем и создание Международного института памяти, призванного стать центром совместной работы обществ и государств бывшего СССР (бывшего «соцлагеря») по преодолению тоталитарного прошлого, сближению позиций в оценках исторических событий XX века.

Тоталитарные методы борьбы с тоталитарным наследием: материалы экспертного опроса

В апреле 2011 года «Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований» провел экспертный опрос, итогом которого должна стать оценка разработанных Советом по гражданскому обществу и правам человека при Президенте РФ «Предложений об учреждении общенациональной государственно-общественной программы "Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении"» и последствий их возможной реализации.

Участникам экспертного опроса было предложено ответить на следующие вопросы:

1. Как Вы оцениваете положенную в основу "Предложений" концепцию, согласно которой история России XX века была историей семидесятилетней гражданской войны и "самогеноцида"? Насколько правомерно с научной точки зрения подобное утверждение? Что принесет России утверждение подобной концепции в качестве официальной государственной позиции?

2. Как Вы оцениваете предложения авторов документа юридически закрепить в качестве официальной определенную идеологическую концепцию истории России XX века и преследовать государственных служащих, несогласных с ней? Считаете ли Вы необходимым принятие в России законов об исторической памяти? Каких исторических явлений эти законы должны касаться в первую очередь? Какое влияние на общественные и научные дискуссии в России окажет принятие данных пунктов "Предложений"?

3. Как Вы относитесь к предложению авторов документа создать школьные учебники истории России XX века "с отчетливой политической оценкой событий"?

4. На Ваш взгляд, состоятелен ли главный внешнеполитический тезис проекта о том, что Россия сможет получить лидерство на постсоветском пространстве, эксплуатируя риторику "борьбы с наследием тоталитаризма"?

5. По Вашему мнению, повлечет ли за собой реализация «Предложений» необходимость России принять на государственном уровне концепции "советской оккупации" и "советского геноцида", сформулированные политиками ряда восточноевропейских стран? К каким последствиям в области международной политики и в гуманитарной сфере, на Ваш взгляд, это может привести?

В опросе приняли участие 17 экспертов из России, Белоруссии, Молдавии и Латвии, представляющие институты Российской Академии Наук (Институт всеобщей истории РАН, Институт истории и археологии УО РАН), центральные и региональные университеты (Российский государственный гуманитарный университет, Московский государственный гуманитарный университет, Новгородский государственный университет, Пензенский государственный педагогический университет), негосударственные организации исторического (Русское историческое общество, «Мемориал») и общественного профиля (Латвийский антифашистский комитет, Центр проблем европейской интеграции), средств массовой информации. Таким образом, в опросе приняли участие историки, общественные деятели и политологи (некоторые из экспертов совмещают эти роли). Подобный состав экспертов был отобран нами намеренно: ведь содержание «Предложений» затрагивает не только историков, но и общество в целом. Помимо этого, ряд этих предложений может быть адекватно оценен только специалистами-политологами. Ответы политологов имеют особый вес при оценке внешне– и внутриполитических планов проекта, историков – для вопросов образовательных и исторических.

Анализ результатов данного опроса и самих «Предложений» мы оставляем за нашими читателями. Позволим себе лишь некоторые наблюдения. Подавляющее большинство высказавшихся экспертов замечают концептуальную абсурдность текста «Предложений» и терминологическую некорректность в тех частях текста, которые касаются оценки исторического развития нашего государства. В частности, это видно на отношении авторов к понятию «самогеноцида» и продолжающейся гражданской войны, которым, по их мнению, была история Советского Союза с момента его образования и до распада. Говоря об этой концепции, все эксперты отметили крайнюю степень её ненаучности или, как минимум, терминологичес-

кие неточности (И. Щербакова). Многие эксперты высказали мнение, что данная программа в целом и идея «самогеноцида» и гражданской войны как формы существования СССР, в частности, будет идти вразрез с целью, которую авторы изложили в тексте «Предложений»: примирением российского народа (А. Белый, Б. Ковалев, Ю. Никифоров и др). Другие говорят о негативном отношении к прошлому нашей страны, которое лежит в основе данной концепции (П. Александров-Деркаченко), и даже об использовании её создателями тезисов нацистской пропаганды (А. Байков) и антикоммунистических установок (О. Сухова). Прозвучало мнение о возможном всплеске русофобии, которую спровоцирует принятие данной программы (С. Назария, Ю. Шевцов и др).

Также интересно мнение опрошенных экспертов по поводу преподавания истории советского периода в школах и методики подачи материала со страниц школьных учебников по истории. Идея чётко выражать в них политическую оценку исторических событий вызвала у некоторых аналогии с советскими учебниками (Б. Ковалёв, А. Байков и др.). Среди ответов можно увидеть как несогласие с подобной практикой (П. Александров-Деркаченко), так и её одобрение (В. Венедиктов). Примечательно, что последнее мнение характерно как для представителей консервативных политических взглядов, так и для сторонников либеральной политики, выступающих за принятие «Предложений» (И. Щербакова).

П. Полян и И. Щербакова согласны с заложенной в «Предложениях» идеей о привлечении внимания общества и государства к конкретному трагическому явлению отечественной истории: сталинским политическим репрессиям. Будучи уважаемыми в научной среде учеными, вот уже много лет изучающими этот вопрос, они высказываются за углубление и поддержку исследований в этой области, а также сохранение в российском обществе памяти о тяжелых страницах его истории. Неудивительно, что их оценка «Предложений» является положительной. Небезынтересно, однако, что даже в этих положительных отзывах эксперты вынуждены «корректировать» позицию авторов предложений, заявляя, что те имели в виду совсем не то, что сказали. На наш взгляд, это является характерным свидетельством уровня разработки «Предложений».

Конечно, ответы экспертов предоставляют возможности для более детального анализа, результаты которого помогут сделать интересные и важные выводы. Мы надеемся, что публикация проведенного нами опроса послужит еще одним поводом для представителей научного сообщества, общественных и политических деятелей к глубокому размышлению над историческим прошлым России.

НЕФЕДОВ Сергей Александрович,
д.и.н., к.ф.-м.н., старший научный сотрудник Института истории
и археологии Уральского отделения РАН.

1. Как Вы оцениваете положенную в основу "Предложений" концепцию, согласно которой история России XX века была историей семидесятилетней гражданской войны и "самогеноцида"? Насколько правомерно с научной точки зрения подобное утверждение? Что принесет России утверждение подобной концепции в качестве официальной государственной позиции?

– С научной точки зрения это утверждение неправомерно. Как известно, гражданская война закончилась в 1922 году. Утверждение концепции «Предложений» в качестве официальной государственной позиции означает признание ущербности российской истории и российской исторической науки.

2. Как Вы оцениваете предложения авторов документа юридически закрепить в качестве официальной определенную идеологическую концепцию истории России XX века и преследовать государственных служащих, несогласных с ней? Считаете ли Вы необходимым принятие в России законов об исторической памяти? Каких исторических явлений эти законы должны касаться в первую очередь? Какое влияние на общественные и научные дискуссии в России окажет принятие данных пунктов "Предложений"?

– Предложения авторов проекта равносильны восстановлению цензуры.

3. Как Вы относитесь к предложению авторов документа создать школьные учебники истории России XX века "с отчетливой политической оценкой событий"?

– Я оцениваю эти предложения как попытку установления идеологической монополии.

4. На Ваш взгляд, состоятелен ли главный внешнеполитический тезис проекта о том, что Россия сможет получить лидерство на постсоветском пространстве, эксплуатируя риторику "борьбы с наследием тоталитаризма"?

– Такая политика нерациональна и привела бы к утрате остатков влияния России в Средней Азии и к серьезным осложнениям в отношениях с Китаем.

5. По Вашему мнению, повлечет ли за собой реализация «Предложений» необходимость России принять на государственном уровне концепции "советской оккупации" и "советского геноцида", сформулированные политиками ряда восточноевропейских стран? К каким последствиям в области международной политики и в гуманитарной сфере, на Ваш взгляд, это может привести?

Я оцениваю эти предложения как мазохизм на государственном уровне.

ВЕНЕДИКТОВ Вадим Юрьевич,
к.и.н., ответственный секретарь
Института динамического консерватизма

1. Как Вы оцениваете положенную в основу "Предложений" концепцию, согласно которой история России XX века была историей семидесятилетней гражданской войны и "самогеноцида"? Насколько правомерно с научной точки зрения подобное утверждение? Что принесет России утверждение подобной концепции в качестве официальной государственной позиции?

– История XX столетия была драматичной для нашего народа. Но в то же время в советскую эпоху происходили великие свершения русских людей. Многие русские сохранили свою национальную самоидентичность. И сегодня в начале третьего тысячелетия у нашего народа есть потенциал совершить великое «Русское чудо». Концепция «самогеноцида» является какой-то гнуснейшей провокацией, плевком в адрес русских людей, вынесших и переживших в XX веке великие социальные катаклизмы. Эта «концепция» унижает наше национальное достоинство. Это какое-то нечестивое глумление над подвигом наших дедов-победителей в Великой Отечественной войне.

2. Как Вы оцениваете предложения авторов документа юридически закрепить в качестве официальной определенную идеологическую концепцию истории России XX века и преследовать государственных служащих, несогласных с ней? Считаете ли Вы необходимым принятие в России законов об исторической памяти? Каких исторических явлений эти законы должны касаться в первую очередь? Какое влияние на общественные и научные дискуссии в России окажет принятие данных пунктов "Предложений"?

– Как известно, все подобные попытки в нашей истории приводили к фиаско по той простой причине, что история не является догматикой. История подвижна, непредсказуема для самих историков. История – мистична, неизвестна, апофатична. Как можно преследовать людей за то, что они не согласны с воззрением на конкретно-исторические события определенной группы ученых исследователей? Это же абсурд! В исторической науке есть свои школы, свои направления, вечно спорящие друг с другом (позитивисты и диалектики, например). И это нормально, когда люди путем научных дискуссий и препинаний пытаются найти некую историческую правду. Кстати, если уж мы говорим о возможном принятии законов об исторической памяти, то первым пунктом к этому закону должен быть такой, который запрещает закреплять в качестве официальной определенную идеологическую концепцию..

3. Как Вы относитесь к предложению авторов документа создать школьные учебники истории России XX века "с отчетливой политической оценкой событий"?

– История, действительно, весьма политизированный предмет. Насколько мне известно, любой школьный учебник по истории должен содержать контрольные вопросы по темам. Не вижу ничего страшного в том, что какие-то из этих вопросов будут нацелены на ответ учащегося «с отчетливой политической оценкой событий». Другое дело, если сами авторы будут навязывать свою «оценку» тем или иным историческим событиям. Ничего глупее в этом случае придумать невозможно!

4. На Ваш взгляд, состоятелен ли главный внешнеполитический тезис проекта о том, что Россия сможет получить лидерство на постсоветском пространстве, эксплуатируя риторику "борьбы с наследием тоталитаризма"?

– Такая риторика будет демонстрировать лишь политическую импотенцию, отсутствие воли и решимости России. Любое сильное государство – тоталитарно по сути. Российская

Империя была тоталитарным государством. СССР тоже. Любое сильное государство просто обязано контролировать общественную жизнь в своей стране. Кстати, нормальный тоталитаризм, нацеленный на благо своего народа, исключает подобные безумия, которые предлагают авторы данного проекта..

5. По Вашему мнению, повлечет ли за собой реализация «Предложений» необходимость России принять на государственном уровне концепции "советской оккупации" и "советского геноцида", сформулированные политиками ряда восточноевропейских стран? К каким последствиям в области международной политики и в гуманитарной сфере, на Ваш взгляд, это может привести?

– Я считаю, что эти «Предложения» должны быть как можно скорее отвергнуты научным сообществом нашей страны. И как можно скорее забыты. К сожалению, сегодня нам приходится читать, знакомиться и опровергать подобную ахинею, к которой применимы лишь слова знаменитого грибоедовского героя: «Я глупостей не чтец, а пуще образцовых!»

БЕЛЫЙ Александр,
PhD, экомузей «Брама ў Налібокі».

1. Как Вы оцениваете положенную в основу "Предложений" концепцию, согласно которой история России XX века была историей семидесятилетней гражданской войны и "самогеноцида"? Насколько правомерно с научной точки зрения подобное утверждение? Что принесет России утверждение подобной концепции в качестве официальной государственной позиции?

– Гражданская война в России закончилась в 1922 г. победой одной из сторон. Другое дело, что в изгнании оказались несколько миллионов образованных и предприимчивых, верных своей стране людей. Если же говорить о последних 30-35 годах советской истории, о хрущевской оттепели и брежневском застое, то апокалиптическая лексика вообще ничем не оправдана, никак не прописана в мироощущении проживших эти эпохи людей, в том числе моём. Мне кажется, что советская эпоха в целом действительно была отклонением от «основного русла» российской истории, и что в последние десятилетия жизнь страны постепенно возвращается к национальным формам, проверенным столетиями. Наверное, не стоит стремиться к хлёсткости формулировок любой ценой. А «самогеноцидом» можно было бы назвать скорее вычеркивание из истории 70 (точнее, 74) лет. Стыдится же было чего и в царской истории.

2. Как Вы оцениваете предложения авторов документа юридически закрепить в качестве официальной определенную идеологическую концепцию истории России XX века и преследовать государственных служащих, несогласных с ней? Считаете ли Вы необходимым принятие в России законов об исторической памяти? Каких исторических явлений эти законы должны касаться в первую очередь? Какое влияние на общественные и научные дискуссии в России окажет принятие данных пунктов "Предложений"?

– Прежде всего, хотелось бы извиниться за возможное вторжение в российское самосознание. Я всё же иностранец, хотя и гражданин дружественной и тесно исторически связанной с Россией страны. Надеюсь, я имею право рассуждать «по аналогии», исходя из того что большинство обсуждаемых здесь процессов и событий наши страны переживали вместе, и даже не воспринимались тогда как нечто раздельное. Мне кажется, что законы об исторической памяти нужны и России, и Беларуси, и Украине. Конечно же, я лучше всего представляю себе белорусскую специфику. И относительно неплохо знаю, как функционирует Институт национальной памяти в соседней Польше. Нам похожее учреждение и соответствующее законодательство тоже нужно, для осмысления национальных трагедий эпического масштаба. Спецификой нашей страны является её историческая конфессиональная неоднородность, и трагедии, например, еврейской или католической общины до сих пор не до конца осознаются рядовым обывателем как общебелорусские. В этом мы отличаемся от Польши, Израиля или, возможно, России. Нацистская война на уничтожение – главная трагедия нашей страны, по разному затронувшая разные общины, хотя и безусловно разрушительная для всех. Эта память нуждается в охране прежде всего, поскольку её фальсификации, участившиеся в последние годы, и сегодня могут взорвать межнациональный и межконфессиональный мир. Во вторую очередь нуждается в охране память жертв необоснованных политических репрессий сталинского периода, о которой также некоторые стали забывать. Эти репрессии были уже неоднократно осужде-

ны, и соответственно нужны не новые судебные процессы, а поддержание неискаженной памяти о жертвах коммунистического эксперимента. Мороз по коже пробегает, когда представляешь, что через 20 или 40 лет их в очередной раз объявят «вредителями» или «шпионами». Как и от перспективы, что моим детям или внукам придется смириться с реабилитацией нацистских карателей. Что касается идеологии, которая сможет выступать в роли арбитра, то в Беларуси, как мне кажется, для неё лучше всего подходит межконфессиональный диалог, ибо определение вины и искупления в целом не так уж сильно отличается у православных, католиков и иудеев. Надеюсь, эта же библейская этика воспринимается и большинством россиян как наиболее справедливая из возможных – однако здесь моя компетенция ограничена гражданством.

3. Как Вы относитесь к предложению авторов документа создать школьные учебники истории России XX века "с отчетливой политической оценкой событий"?

– Мне кажется, главным критерием такой оценки должна быть ценность человеческой жизни и достоинства. Любые преступления против них, особенно массовые и типичные, должны быть названы преступлением. При этом не должно создаваться искусственных сиюминутных преимуществ каким-либо современным политическим силам. Мне кажется, дореволюционная российская историография накопила определённый опыт освещения в том числе и мрачных страниц своей истории. Наверное, будет полезным обратиться к нему, но не догматически. Рано или поздно, национальная память всё же «отшлифовывает» оценки прошлого, и определяет своих героев и злодеев.

4. На Ваш взгляд, состоятелен ли главный внешнеполитический тезис проекта о том, что Россия сможет получить лидерство на постсоветском пространстве, эксплуатируя риторику "борьбы с наследием тоталитаризма"?

– В определённой мере это так. Если под борьбой с наследием тоталитаризма понимается не мазохистское самобичевание, а осмысление трагических заблуждений и преступлений прошлого, осуждение палачей и реабилитация невинных жертв – особенно, когда удаётся их четко разделить. Однако важно знать меру в этом осмыслении, чтобы сплошному осуждению не подверглись целые поколения. Если же говорить, например, о Голодоморе, охватившем кроме Украины, также Поволжье, Кубань, Казахстан – то разве было бы для России унизительным почитать память его жертв так же, как это делают украинцы? Это нужно сделать прежде всего из-за уважения к памяти «своих» жертв и к их потомкам, а не для того, чтобы заслужить одобрение абстрактной «мировой общественности», которая иногда выглядит необъяснимо настойчивой. Станет ли в итоге Россия «риторическим лидером на постсоветском пространстве» – не так уж важно. Гораздо важнее, чтобы сами её граждане помнили об этих трагических событиях, затронувших их предков точно так же, как и украинцев, и извлекали из них уроки. Пусть даже моральное лидерство в этом процессе останется за Украиной или, например, Казахстаном. Хотя я не совсем понимаю, как «считаются очки». Для меня как для католика также чрезвычайно важна память о Катыни. Современное Российское государство существует с 1991 г., и во всё большей степени апеллирует к символам Российской империи до 1917 г. За Катынскую трагедию она не несёт ответственности, а вот максимальное открытие документальной базы, и подчеркнутое уважение к памяти жертв Катыни, многие из которых были уроженцами сегодняшней Беларуси, очень ценно. В том числе – в свете недавней абсурдной трагедии под Смоленском.

5. По Вашему мнению, повлечет ли за собой реализация «Предложений» необходимость России принять на государственном уровне концепции "советской оккупации" и "советского геноцида", сформулированные политиками ряда восточноевропейских стран? К каким последствиям в области международной политики и в гуманитарной сфере, на Ваш взгляд, это может привести?

– Термины "советская оккупация" и в особенности "советский геноцид" представляются мне крайне некорректными и небезопасными для мира и стабильности. Особенно абсурдно слышать обвинения в «оккупации» Беларуси и Украины, фактически созданных как государства именно Советской властью. Более обоснованы претензии на «освобождение от оккупации» бывших прибалтийских республик СССР. По мере роста национального самосознания и потребительских ожиданий в Литве, Латвии, Эстонии нахождение в составе СССР стало восприниматься как оккупация абсо-

лютным большинством коренного населения, но так было не всегда. В 1940 г. вхождение этих государств в состав СССР было реализовано бескровно, с видимым соблюдением всех демократических процедур, без каких-либо массовых мирных протестов и с опорой на внутренний коммунистический актив этих стран. Чего не удалось сделать в Финляндии, проявившей подлинное национальное сплочение, именно в критический момент, и доказавшей своё нежелание войти в состав СССР ни добровольно, ни в результате оккупации. Безусловно, эти события были настоящей трагедией для правящих элит этих стран, но степень консолидации их обществ вокруг национальной идеи была в тот исторический момент не настолько велика, как в Финляндии. Более корректным было бы сравнение событий 1940 г. в Прибалтике с «аншлюсом» Австрии – также не встретившим сколь-нибудь заметных общественных протестов. Уместно будет напомнить, что дело происходило на фоне массового разочарования европейского обывателя в демократических ценностях и национальных идеях, если они не обеспечивали приемлемого уровня благосостояния. Можно предположить, что в тот политический момент обывателю такой ход событий казался наименьшим из возможных зол. То, что потомки этого обывателя дозрели до национальной самостоятельности, является их безусловным правом, и оспаривать его недопустимо. Однако если через 2-3 поколения гражданам этих стран покажется слишком тягостным и унизительным, например, нахождение в Европейском союзе, корректно ли будет назвать их вхождение в ЕС в середине 2000-х «европейской оккупацией»? Были ли оккупацией повторные референдумы в Дании по Маастрихтскому договору и в Ирландии по Конституции Евросоюза? По мнению некоторых, они были проведены под нажимом Евросоюза, но поскольку формально национальные законы нарушены не были, сегодня всё большая централизация Евросоюза – реальность. Героизм людей, не желающих иноземного диктата, заслуживает уважения, но проявить такой героизм возможно лишь в те ключевые моменты, когда возникает угроза потери или ограничения самостоятельности, а не поколения спустя. Ибо «машины времени», позволяющей янки вернуться во времена короля Артура и проявить там рыцарскую доблесть, к сожалению, не существует. А память реально протестовавшего и не смирившегося меньшинства была и так достаточно уважена в 1991 г., когда бывшие советские республики добились вызревшей изнутри независимости.

Ещё более абсурдным является тезис о «геноциде». Советский строй бесцеремонно вторгался в частную жизнь людей, произвольно лишая их собственности, свободы, а зачастую жизни, но при этом не проводилось различия между различными национальностями, наоборот – торжественно декларировался и осуществлялся интернационализм. Задача истребления какого-либо этноса никогда не ставилась, хотя потери прежде всего среди элит разных этносов в ходе реализации коммунистической утопии могли сильно отличаться. Кроме того, не просматривается и субъекта, бенефициара «геноцида», то есть того народа, который расчищал «жизненное пространство» в свою пользу. Можно ли назвать таким народом русских? Евреев (советских), или, например, грузин, – непропорционально высоко представленных в советских органах управления? Советский коммунизм был трагической иллюзией, своего рода массовым психозом, охватившим в начале XX в. прежде всего формально образованных, но некритически мыслящих людей – и они же, в основном, стали его жертвами. В конце концов, эту идеологию можно публично осудить – но почему исключительно в советской форме? Ведь в ещё более жестокой, маоистской форме она не вызывает такого неприятия у либералов, в том числе и после свежих в памяти моего поколения событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. Неужели критерий различия кроется в экономическом прагматизме, необходимости сохранения доступа к дешёвой рабочей силе, который обеспечивает коммунистический Китай? Но тогда не имеют ли и претензии к России скрытой экономической подоплёки?

Сохранить критическое и ответственное мышление важнее для неповторения таких массовых трагедий, чем впасть в новую иллюзию, новый массовый интеллектуальный психоз, пусть даже и кажущийся благородным. Нужно охранять реальную автономию человеческой личности, в том числе от диктата «политкорректности», чтобы не допустить очередного витка идеологически мотивированного массового насилия. И, наконец, почему Россия и её союзники должны принимать предлагаемые самоуничижительные формулировки, если она в ходе октябрьского

переворота и последовавшей гражданской войны была низложена как национальное государство? Не были ла ли тогда и Россия «оккупирована» изнутри – но кем или чем? Евреями, грузинами, латышскими стрелками? Экспериментальной «немецкой» идеологией? И кто сегодня унаследовал вину, например, латышских стрелков?

Всё вышесказанное не означает, однако, высокомерного презрения по отношению к памяти жертв коммунистической системы. Нельзя допустить скатывания в цинизм и забвения уроков истории. Весьма желательны были бы мероприятия международной солидарности, совместное почитания памяти жертв. Например, присутствие на траурных мероприятиях в любой скорбящей стране официальных представителей других постсоветских стран укрепило бы взаимное доверие между ними, выбило бы аргументы у безответственных демагогов, искателей лёгкой геополитической наживы. Но вряд ли это совместимо с настойчивыми требованиями к России (или любой другой стране) признать свою ответственность за «оккупацию» и «геноцид». Ведь следующие ходы обвинителей прочитываются достаточно легко: требования компенсации, и, не исключено – разоружение и дезинтеграция страны.

АЛЕКСАНДРОВ-ДЕРКАЧЕНКО
Петр Петрович, председатель
Русского Исторического Общества

1. Как Вы оцениваете положенную в основу "Предложений" концепцию, согласно которой история России XX века была историей семидесятилетней гражданской войны и "самогеноцида"? Насколько правомерно с научной точки зрения подобное утверждение? Что принесет России утверждение подобной концепции в качестве официальной государственной позиции?

– Полагаю, что факт гражданской войны отрицать, разумеется, не будет ни один нормальный человек. Это была великая трагедия, начавшаяся с отречения Николая II в результате заговора внутренних и внешних сил, которые впоследствии повесили на императора позорный термин «кровавый», а заговор торжественно назвали «февральской революцией». Как показали последующие события, все было ровным счетом наоборот. Что касается геноцида – именно в такой формулировке – народа, то такая точка зрения может быть принята с условием определения, кто именно был заинтересован в таком геноциде.

Как говорили древние, «услышав слово в свой адрес, ищи чувство, стоящее за ним». Так, за словами Александра Солженицына о необходимости сбережения народа явно стоит любовь, тревога, надежда и взгляд в будущее. Что может стоять за словами о семидесяти годах гражданской войны и самогеноциде? Взгляд в прошлое и ненависть к этому прошлому, и больше ничего. России это ничего не принесет. Что принесет авторам концепции – не знаю.

2. Как Вы оцениваете предложения авторов документа юридически закрепить в качестве официальной определенную идеологическую концепцию истории России XX века и преследовать государственных служащих, несогласных с ней?

– Я считаю, что введение идеологических концепций и преследование несогласных – это как раз то, с чем предлагают бороться авторы, а посему посоветовал бы им разобраться с этой двойственностью.

Считаете ли Вы необходимым принятие в России законов об исторической памяти?

– Закон об исторической памяти может и нужен, однако главное здесь – кто будет автором. Иначе может получиться как в случае с Образовательным стандартом.

Каких исторических явлений эти законы должны касаться в первую очередь?

– В первую очередь – участия Польши в уничтожении наших солдат в 1920-1921; действий прибалтийских коллаборационистов по уничтожению нашего населения в 1941-1944 гг.

Какое влияние на общественные и научные дискуссии в России окажет принятие данных пунктов "Предложений"?

– Бурное.

3. Как Вы относитесь к предложению авторов документа создать школьные учебники истории России XX века "с отчетливой политической оценкой событий"?

– Задача любого историка, любого исторического исследования – оставаться вне пристрастия, вне идеологии.

4. На Ваш взгляд, состоятелен ли главный внешнеполитический тезис проекта о том, что Россия сможет получить лидерство на постсоветском пространстве, эксплуатируя риторику "борьбы с наследием тоталитаризма"?

– Он пахнет нафталином, поскольку извлечен из чемодана времен восьмидесятых с биркой ЦК КПСС.

5. По Вашему мнению, повлечет ли за собой реализация «Предложений» необходимость России принять на государственном уровне концепции "советской оккупации" и "советского геноцида", сформулированные политиками ряда восточноевропейских стран?

– Надеюсь, что нет.

К каким последствиям в области международной политики и в гуманитарной сфере, на Ваш взгляд, это может привести?

– К предъявлению России материальных и территориальных претензий.

НАЗАРИЯ Сергей Михайлович,
к.и.н., д.п.н., исполнительный директор
Научно-культурного сообщества
«Друзья России в Молдове»

1. Как Вы оцениваете положенную в основу "Предложений" концепцию, согласно которой история России ХХ века была историей семидесятилетней гражданской войны и "самогеноцида"? Насколько правомерно с научной точки зрения подобное утверждение? Что принесет России утверждение подобной концепции в качестве официальной государственной позиции?

– Для России и её друзей в странах СНГ хуже этой "концепции" что-либо придумать сложно... Красить весь советский период только в чёрный цвет? С научной точки зрения это, мягко говоря, не соответствует истине, а с политической – это против российских интересов в мире в целом и на постсоветском пространстве, в частности. Я убеждённый антисталинист и принципиальный противник любых форм политического насилия, террора против личности и т.д., но это совсем не значит, что все годы Советской власти это "70 лет террора и гражданской войны". Лично я не вижу принципиальной разницы между данной "концепцией" и тем, что нам так долго внушал тов. Буш-младший и компания, а также о чём поют фашиствующие прибалты, наш Гимпу, Ющенко, Саакашвили и т.д.

В России это конечно понравится Новодворской и Немцову с Каспаровым... Я представляю какой радостный вопль вызовет данная "концепция" у всех нацистов и русофобов на постсоветском пространстве, да и за его пределами!..

2. Как Вы оцениваете предложения авторов документа юридически закрепить в качестве официальной определенную идеологическую концепцию истории России ХХ века и преследовать государственных служащих, несогласных с ней? Считаете ли Вы необходимым принятие в России законов об исторической памяти? Каких исторических явлений эти законы должны касаться в первую очередь? Какое влияние на общественные и научные дискуссии в России окажет принятие данных пунктов "Предложений"?

– «Преследовать государственных служащих, несогласных с какой-либо государственной концепции» означает возрождение маккартизма. Другими словами, «борьба с сталинизмом» будет означать новый виток «охоты на ведьм».

Да я согласен с предложением о необходимым «принятие в России законов об исторической памяти», но данная редакция «концепции» это совсем иное – искажение и фальсификация исторической памяти.

Во времена царя-батюшки у нас единственно верным и истинным было лишь «слово божие», при «отце народов» таковым стал «краткий курс», а в XXI веке кое у кого есть желание сделать таковым маккартизм в «российской» упаковке.

3. Как Вы относитесь к предложению авторов документа создать школьные учебники истории России ХХ века "с отчетливой политической оценкой событий"?

Отрицательно. Конечно, история должна воспитывать граждан своей страны, но не идеологических истуканов. Тем более, любовь к родине, к истине и к справедливости на тотальном неприятии прошлого воспитать невозможно. Естественно, следует осудить всё отрицательное, связанное с репрессиями и террором против собственного народа, но ставить знак равенства между 1929-1953 годами и всем советским периодом в целом совершенно недопустимо. Кроме того, недопустимо отрицание всего положительного, что было реализовано в годы Советской власти.

Другими словами, любовь и доброту невозможно воспитать в человеке на голой ненависти. И если в советское время всё было исключительно плохо, сплошной террор и насилие, тогда как мы смогли стать вторыми в мире и добиться выдающихся достижений во многих сферах человеческой жизнеде-

ятельности. И как смогут авторы «концепции» отделить Г.К. Жукова, Ю.А. Гагарина, М.А. Шолохова и даже С.П. Королёва (естественно, пострадавшего в годы сталинщины), а также сотни и тысячи других выдающихся наших сограждан от Советской власти? Или они хоть на мгновение были антисоветчиками? Или наши деды – победители фашизма, разгромили Гитлера также с идеей ненависти к советской системе?

4. На Ваш взгляд, состоятелен ли главный внешнеполитический тезис проекта о том, что Россия сможет получить лидерство на постсоветском пространстве, эксплуатируя риторику "борьбы с наследием тоталитаризма"?

Если в России желают до максимума разжечь русофобию на постсоветском пространстве – пусть принимают данную «концепцию». Да никто не захочет иметь дело с «монстром и оккупантом», который 70 лет только и делал, что «насиловал и терроризировал бедных нацменов». Да везде восторжествует идея – «Слава Всевышнему, избавились от этого чудовища!» О каком «лидерстве» может идти речь? Побойтесь Бога, господа…

5. По Вашему мнению, повлечет ли за собой реализация «Предложений» необходимость России принять на государственном уровне концепции "советской оккупации" и "советского геноцида", сформулированные политиками ряда восточноевропейских стран? К каким последствиям в области международной политики и в гуманитарной сфере, на Ваш взгляд, это может привести?

Естественно, реализация данных «Предложений» с неизбежностью повлечет ли за собой «необходимость России принять на государственном уровне концепцию «советской оккупации» и «советского геноцида».

Последствия этого для России в области международной политики будут только отрицательными, вплоть до требований о материальной компенсации за «оккупацию и геноцид» и даже выдвижения к ней территориальных претензий.

НЕМИРОВСКИЙ Александр Аркадьевич,
к.и.н., старший научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН

1. Как Вы оцениваете положенную в основу "Предложений" концепцию, согласно которой история России XX века была историей семидесятилетней гражданской войны и "самогеноцида"?" "Что принесет России утверждение подобной концепции в качестве официальной государственной позиции?

– Не касаясь детально "Предложений", скажу, что формулировку "история России XX века была историей семидесятилетней гражданской войны и "самогеноцида" я расцениваю резко отрицательно. Относясь к большевистскому режиму 1918-1950-х как преступному, я хотел бы подчеркнуть, тем не менее, что "гражданская война" – это совершенно определенное явление, которое в большую часть периода 1918-1953 г. не наблюдалось ни в каком виде, а "самогеноцид" – термин, не наполненный конкретным смыслом вообще; с равными основаниями временем "гражданской войны" и "самогеноцида" можно было бы называть правления Мухаммеда Туглака или Цинь Шихуана. Применительно же к советскому режиму 1960-х – 1980-х заявлять, что его история – это тоже "история гражданской войны и самогеноцида", означает выйти далеко за пределы адекватности. Сам будучи антикоммунистом, я считаю, что использование антикоммунистической _демагогии_, как и любой другой демагогии, может принести только вред, а иначе как подобную демагогию я изложенную выше формулировку расценить не могу.

2. Как Вы оцениваете предложения авторов документа юридически закрепить в качестве официальной определенную идеологическую концепцию истории России XX века и преследовать государственных служащих, несогласных с ней?"

– Категорически отрицательно.

Считаете ли Вы необходимым принятие в России законов об исторической памяти?

– Считаю это недопустимым постольку, поскольку такие законы пытались бы навязывать, рекомендовать, осуждать или воспрещать те или иные оценки, отзывы и заявления в адрес событий и деятелей прошлого (а иными такие законы едва ли можно себе представить).

3. Как Вы относитесь к предложению авторов документа создать школьные учебники истории России XX века "с отчетливой политической оценкой событий"?

– Отрицательно. Курс истории в школе должен преследовать не непосредственно-воспитательные, а фактологические цели; нравственную их оценку следует предоставить самим учащимся как людям и частным

комментариям учителей как людей – и, тем самым, носителей этики.

4. На Ваш взгляд, состоятелен ли главный внешнеполитический тезис проекта о том, что Россия сможет получить лидерство на постсоветском пространстве, эксплуатируя риторику "борьбы с наследием тоталитаризма"?

– Несостоятелен, потому что удержание и утрата лидерства вообще не связаны с подобными вещами.

5. По Вашему мнению, повлечет ли за собой реализация «Предложений» необходимость России принять на государственном уровне концепции "советской оккупации" и "советского геноцида", сформулированные политиками ряда восточноевропейских стран?

– Нет, не повлечет, но создаст более благоприятную среду для такого принятия.

К каким последствиям в области международной политики и в гуманитарной сфере, на Ваш взгляд, это может привести?

Я не вижу ничего негативного в признании очевидного факта "советской оккупации" и "советского репрессивного господства" (не геноцида, разумеется) в Восточной Европе. Мне кажется, что необходимо, не отрицая эти факты, в то же время: 1) принципиально отказаться от идеи принимать этические и политические оценки прошлого – будь то действия Сталина или Ивана III – на государственно-законодательном уровне, поскольку для государственной власти это было бы превышением ее компетенции и посягательством и на прерогативы всего общества в его продолженном во времени существовании, и на права каждой личности; 2) принять на государственном уровне четкое заявление о том, что независимо от любой этико-политической оценки прошлого кем бы то ни было Россия как государство категорически отказывается от всякого обсуждения вопросов о компенсации соответствующих событий, имевших место до 1991 года, и будет игнорировать подобные обсуждения, кем бы они ни велись.

ШЕВЦОВ Юрий Вячеславович,
директор Центра проблем европейской интеграции (Минск)

1. Как Вы оцениваете положенную в основу "Предложений" концепцию, согласно которой история России XX века была историей семидесятилетней гражданской войны и "самогеноцида"? Насколько правомерно с научной точки зрения подобное утверждение? Что принесет России утверждение подобной концепции в качестве официальной государственной позиции?

– Это – абсурд. Ни одно государство не может быть оценено через концепцию самогеноцида. Тем более, это невозможно для государства, которое просуществовало на протяжение жизни нескольких поколений и продемонстрировало устойчивый демографический рост. Утверждение такой концепции в качестве государственной позиции – это удар по научному принципу исследований истории и здравому смыслу как важнейшему элементу массового сознания. Такая концепция – это вид радикальной тоталитарной идеологии, т.к. нацелена против научности как принципа изучения социума и истории. Это путь к одичанию общества и нарастанию внутренних конфликтов в нем.

2. Как Вы оцениваете предложения авторов документа юридически закрепить в качестве официальной определенную идеологическую концепцию истории России XX века и преследовать государственных служащих, несогласных с ней? Считаете ли Вы необходимым принятие в России законов об исторической памяти? Каких исторических явлений эти законы должны касаться в первую очередь? Какое влияние на общественные и научные дискуссии в России окажет принятие данных пунктов "Предложений"?

– В самом принципе преследования приверженцев некоторых ценностей и подавлении некоторых идеологий нет ничего плохого. Идеологии расизма, нацизма как версии расизма, ненависти по этническому, расовому, конфессиональному, половому, возрастному и т.п. признакам, пропаганда социального насилия – должны подавляться. Вопрос стоит в степени и форме подавления. А также – в выборе таких идеологий. Вышеперечисленных форм идеологий для такого подавления вполне достаточно. Вносить в их число коммунизм, либерализм, консерватизм, национализм или, например, феминизм – смысла нет. Так как эти идеологии преступными не являются. Попытка подавлять эти идеологии приведет к искусственной провокации в стране политических конфликтов.

3. Как Вы относитесь к предложению авторов документа создать школьные учеб-

ники истории России XX века "с отчетливой политической оценкой событий"?

– Положительно. Эта оценка должна включать в себя применительно к истории России 20-го ст. отрицание нацизма как абсолютного зла и положительной роли СССР и союзников по антигитлеровской коалиции в разгроме нацизма.

4. На Ваш взгляд, состоятелен ли главный внешнеполитический тезис проекта о том, что Россия сможет получить лидерство на постсоветском пространстве, эксплуатируя риторику "борьбы с наследием тоталитаризма"?

– Нет. Не состоятелен. Сам по себе этот тезис тесно связан с русофобией как типом мировоззрения, особенно распространенным в восточной Европе. Никакое отрицание тоталитаризма не сможет преодолеть русофобию этих стран. Наоборот – стимулирует ее уступками местным национализмам по вопросу о роли коллаборантов времен 2МВ, местным языкам. Многим трактовкам истории более древних, чем 2МВ, периодов, территориальные претензии и преследования русских этнических меньшинств в этих странах, спровоцирует рост агрессивности некоторых стран, претендующих на региональное лидерство, прежде всего – Польши.

– Принципиально важно, что такой подход раскрепощает симпатии восточно-европейских националистов к коллаборантам времен 2МВ, и далее влечет за собою развитие ревизионизма и курс на реабилитацию нацизма как антибольшевистской силы. Ревизия итогов и оценок 2МВ раскрепощает в свою очередь множество ныне приглушенных конфликтов: франко-германского, германо-польского, румыно-венгерского, антисемитизма и т.д.

5. По Вашему мнению, повлечет ли за собой реализация «Предложений» необходимость России принять на государственном уровне концепции "советской оккупации" и "советского геноцида", сформулированные политиками ряда восточноевропейских стран? К каким последствиям в области международной политики и в гуманитарной сфере, на Ваш взгляд, это может привести?

– Да. Повлечет. Помимо перечисленных выше негативных последствий, неизбежны финансовые и территориальные претензии к России со стороны восточно-европейских националистов и государств. А также нарастающее вплоть до конфликта идеологическое давление на Россию с их стороны в вопросах о трактовке не только событий 20-го ст., но и более древней истории. Неизбежно также нарастание давления на православную церковь и активизация конфессиональных проблем. В том числе по вопросу о греко-католической унии и православной церкви в самой России. Неизбежно перенесение противоречий на территорию самой России по вопросу об этнической и территориальной принадлежности западных областей РФ, Кавказа, возвращении ряда народов с Ближнего Востока на Кавказ, в северокавказские степи, обострение этно-конфессиональных проблем в Поволжье и по всему спектру финно-угрских народов и Сибири.

НИКИФОРОВ Юрий Александрович,
к.и.н., доцент Московского государственного гуманитарного университета

1. Как Вы оцениваете положенную в основу "Предложений" концепцию, согласно которой история России XX века была историей семидесятилетней гражданской войны и "самогеноцида"? Насколько правомерно с научной точки зрения подобное утверждение? Что принесет России утверждение подобной концепции в качестве официальной государственной позиции?

Подготовленный Советом при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека документ («Предложения…») составлен провокационно и безграмотно.

С научной точки зрения, утверждение о том, что Гражданская война в России продолжалась 70 лет, совершенно несостоятельно. После 1922 г. на территории страны не осталось политических сил, способных бороться за власть с советским государством. Конечно, враги утвердившегося в стране режима продолжали свою борьбу – как в эмиграции, так и на территории СССР. Однако существование диссидентов внутри страны и враждебно настроенных эмигрантов за ее пределами никак нельзя квалифицировать как продолжение Гражданской войны. Реальная Гражданская война в нашей стране закончилась в 1922 г. победой одной из борющихся сторон.

Рассуждения авторов документа о «самогеноциде» даже не заслуживают критики, поскольку легко опровергаются статистичес-

кими данными о росте населения СССР в период существования советской власти.

Вместе с тем непонятно, каким образом концепция «самогеноцида» совмещается с утверждениями о необходимости «перестать скрывать от самих себя страшную правду». Социальная память формируется под влиянием непосредственного опыта миллионов людей и обязательно отражает знание о том, что именно народ «сделал сам с собой в XX веке». Если в настоящее время кому-то кажется целесообразным ее коррекция путем внедрения в общественное сознание представлений в духе концепции «самогеноцида», то это лучше всего свидетельствует о ложности, надуманности самой концепции, не имеющей должной опоры в самосознании поколений современников XX века.

Вопреки мнению авторов документа, утверждение концепции «семидесятилетней Гражданской войны» в качестве официальной государственной позиции будет способствовать не «национальному примирению», а, напротив, – приведет к обострению противостояния разных общественных групп. Само выражение «национальное примирение», используемое в документе, подразумевает, что в нашем обществе сегодня ведется какая-то борьба между какими-то враждующими сторонами, и эти стороны должны «примириться». Но в национальном масштабе никакой борьбы нет, поэтому нет никакого смысла в призывах к примирению. Другое дело – возможные последствия принятия на официальном уровне концепции «самогеноцида». Это будет означать признание нелегитимности советского государства, и граждане СССР, своей деятельностью способствовавшие его существованию и укреплению, окажутся побежденной стороной со всеми вытекающими. Одновременно это подразумевает оправдание коллаборационизма в годы Второй мировой войны.

Ясно, что такое развитие событий внесет в общество глубокий раскол, и «взаимное отчуждение народа и элиты», диагностируемое авторами документа, вопреки заявленным благим намерениям только увеличится; социальная база нынешней власти сузится. С этой точки зрения провокационный характер «Предложений…» вполне очевиден.

2. Как Вы оцениваете предложения авторов документа юридически закрепить в качестве официальной определенную идеологическую концепцию истории России XX века и преследовать государственных служащих, несогласных с ней? Считаете ли Вы необходимым принятие в России законов об исторической памяти? Каких исторических явлений эти законы должны касаться в первую очередь? Какое влияние на общественные и научные дискуссии в России окажет принятие данных пунктов "Предложений"?

Рассуждения авторов документа об истории России крайне идеологизированы и не имеют отношения к исторической науке и исторической памяти. Об этом свидетельствует используемая ими терминология. Что касается концепции «тоталитаризма», то современные историки и политологи не раз указывали на ее ограниченность как средства научного познания и обращали внимание на ее чрезмерную политизацию в США и Западной Европе. Дискуссии последних лет убедили многих специалистов, что теория тоталитаризма противоречит многим постулатам методологии истории, рассматривая те или иные политические режимы не в динамике, а в статике, не давая картины изменений внутри общества, и совершенно не нацелена на выявление специфики диктатур в различных странах мира; применение концепции тоталитаризма к сходным политическим режимам игнорирует проблему их существования в принципиально различающихся социумах, и т.д.

Выражения же «жертвы тоталитаризма», «модернизация сознания», «детоталитаризация», «истинный патриотизм», «нормальные люди и народы», и т.п. вообще лишены научного содержания; более того, они не имеют даже определенного смысла. Это просто идеологические клише, используемые в политических дискуссиях. Вряд ли на столь шаткой основе можно говорить о принятии каких-то законов.

Высказанная авторами «Предложений…» идея об увековечивании памяти «жертв тоталитаризма» приобрела бы какой-то разумный смысл только в том случае, если бы удалось более или менее точно определить круг «жертв» режима. Следует ли включить в их число и поставить памятники Маршалу Тухачевскому, Л.Троцкому, и т.п.? Наконец, раз были жертвы, значит, были и палачи. Кто был «жертвой», а кто «палачом»? В рамках предлагаемого дискурса «жертвой репрессий» является и генерал А.Власов. Его память

тоже следует увековечить? При таком подходе в число «жертв тоталитаризма» можно зачислить кого угодно – воров, взяточников, убийц, и т.п. Все это, конечно, обессмысливает данное предложение, его невозможно разумно обсуждать.

3. Как Вы относитесь к предложению авторов документа создать школьные учебники истории России XX века "с отчетливой политической оценкой событий"?

Историческая наука вносит важный вклад в сохранение социальной памяти. Как и любая другая наука, история имеет свои методы исследования, способы подтверждения или опровержения достоверности исторических описаний, стремясь к воссозданию объективной картины прошлого. Конечно, любой историк – человек определенной культуры, разделяющий те или иные политические, идеологические, этические взгляды. Однако, добросовестный ученый никогда не согласится с возможностью целенаправленного, сознательного искажения прошлого в угоду определенной идеологии, – но именно к этому, по сути, призывают авторы документа! В первой трети XX века в нашей стране такое уже было – прошлое России зачастую изображалось как цепь поражений и преступлений, царство рабства и дикости. Стоит ли возвращаться к этой практике?

Реализация предложений юридически закрепить определенную концепцию истории России, создать школьные учебники «с отчетливой политической оценкой событий» означают превратить историю в служанку политики. Политика меняется, – история переписывается. Это напоминает одну из худших черт советского периода, когда историкам, да и вообще гуманитариям, приходилось «колебаться вместе с линией партии».

Вообще говоря, хотя авторы документа горячо выступают против «тоталитаризма», стиль и дух документа обнаруживают крайнюю недемократичность мышления его авторов; стремление к «модернизации сознания» большинства граждан России путем жесткого идеологического контроля за интерпретацией истории – это «прогрессорство» в духе романов Стругацких, лексика и логика колонизаторов.

При этом в области истории они демонстрируют невежество, вряд ли простительное в документе такого уровня. Прежде всего, они, кажется, полагают, что материалы о репрессиях в Советском Союзе до сих пор засекречены, и требуют «перестать скрывать от самих себя страшную правду… Скрывая всем известную (!) правду, мы сами себя позорим…» В самом деле, за последние двадцать лет российскими историками, различными государственными и общественными организациями, средствами массовой информации сделано очень много для того, чтобы ликвидировать «белые пятна» в изучении и освещении советской истории. К настоящему времени опубликованы десятки сборников рассекреченных архивных документов и материалов, сотни научных статей и монографий, тематических интернет-ресурсов, так или иначе посвященных или связанных с изучением и презентацией широкой общественности истории репрессивной политики советского государства, системы ГУЛАГа, инакомыслия в СССР, и т.д. Соответствующие материалы, в том числе статистические данные, выдержки из документов и воспоминаний, широко представлены и в учебной литературе, в том числе для средней школы. Каким образом можно скрывать сегодня то, что уже всем известно?

4. На Ваш взгляд, состоятелен ли главный внешнеполитический тезис проекта о том, что Россия сможет получить лидерство на постсоветском пространстве, эксплуатируя риторику "борьбы с наследием тоталитаризма"?

России не нужно бороться за лидерство на постсоветском пространстве – она всегда была и будет им благодаря своему географическому, демографическому, промышленному, культурному потенциалу, который необходимо развивать и грамотно использовать.

Реализация «Предложений…», однако, вовсе не приведет к «укреплению международного престижа» нашей страны или «укреплению объединительных тенденций на территории бывшего СССР», как грезится авторам документа. Напротив, предлагаемая ими «программа действий» подразумевает согласие с концепциями «советской оккупации» и «советского геноцида», сформулированными политиками ряда восточноевропейских стран, и даст дополнительные козыри тем из них, кто делает ставку на русофобию и отторжение от России в рамках собственных проектов «нациестроительства».

В итоге это выльется в очередное унижение России, глумление над памятью советских солдат, погибших за освобождение Европы от фашизма, создаст дополнительную

«правовую» базу для ущемления гражданских прав русского населения в сопредельных России странах и выдвижения материальных претензий к РФ.

КОЛЕРОВ Модест Алексеевич,
к.и.н., главный редактор информационного агентства REGNUM

1. Как Вы оцениваете положенную в основу "Предложений" концепцию, согласно которой история России XX века была историей семидесятилетней гражданской войны и "самогеноцида"? Насколько правомерно с научной точки зрения подобное утверждение? Что принесет России утверждение подобной концепции в качестве официальной государственной позиции?

С источниковедческой и текстологической точки зрения бросается в глаза двойственное происхождение текста: у него явно два источника. Первый – прикладная программа создания ещё более особых условий пользования государственными архивами и государственного финансирования работ для сотрудников общества "Мемориал", изучающих сталинские репрессии. Второй – политическая демагогия писателей и академической номенклатуры, к практической науке никакого отношения не имеющих. Поэтому-то некое лоббистское усилие и кухонное представление о мире из этой "концепции" вычислить можно, а вот собственно концепции – нет. С таким же успехом я могу представить "государственную программу" люстрации "недопереродившихся и недоперестроившихся коммунистических прилипал" под условными именами Федотовский и Карагановский, которая будет носить, разумеется, не научный, а скорее медицинский характер.

2. Как Вы оцениваете предложения авторов документа юридически закрепить в качестве официальной определенную идеологическую концепцию истории России XX века и преследовать государственных служащих, несогласных с ней? Считаете ли Вы необходимым принятие в России законов об исторической памяти? Каких исторических явлений эти законы должны касаться в первую очередь? Какое влияние на общественные и научные дискуссии в России окажет принятие данных пунктов "Предложений"?

В вашем вопросе заложен ответ: наша Конституция запрещает идеологический диктат и далее обсуждать любые попытки этого не имеет смысла. Что касается законов об исторической памяти, то я по-прежнему убеждён, что России есть чему поучиться у Польши, создавшей государственный Институт национальной памяти, и в целом её "исторической политике". Но учиться надо не антирусской паранойе и не превращению научных занятий в прокурорские дела, а систематической, доведённой до локального уровня работе по исследованию, документированию и сохранению документации по истории XX века, в которой прямо отражается фундаментальное убеждение государства, что без исторической памяти нет ни нации, ни государства. И поэтому абсолютно невозможно позволить заниматься этим предметом лоббистам, самозванцам, наперсникам и просто нездоровым людям, которые продолжают вести свою личную "гражданскую войну".

Я совершенно убеждён, что именно общественные дискуссии по поводу исторической памяти и публичный нелицеприятный анализ таких кабинетно-диверсионных инициатив – на деле защищают общество от навязываемой ему шкурной и злонамеренной гражданской войны. И если власть будет иметь несчастье пойти на поводу у этих кабинетных прожектёров, то это неизбежно станет одним из мощнейших факторов её делегитимации.

3. Как Вы относитесь к предложению авторов документа создать школьные учебники истории России XX века "с отчетливой политической оценкой событий"?

Если я не ошибаюсь, именно из среды этих писателей некоторое время назад звучала громкая брань по поводу одного из учебных пособий, где авторы позволили себе затронуть острые темы сталинского режима, и другого пособия, где другие авторы решили коснуться национального вопроса в СССР. Получается, что они хотят не политических оценок вообще (а при честном их изложении – по каждому поводу пришлось бы давать целый хор звучащих в обществе оценок), а именно своих политических оценок. К несчастью для этих писателей и я, и многие другие гуманитарии в нашей стране ещё живы, в здравом уме, хорошо помнят практику коммунистических парткомов и цензуру в вузах и издательствах. Поэтому любым их претензиям на контроль за оценками, по крайней мере, из нашей среды буден дан ясный и недвусмысленный ответ: "Руки

прочь, номенклатурные временщики, клановые цензоры и враги научной свободы".

4. На Ваш взгляд, состоятелен ли главный внешнеполитический тезис проекта о том, что Россия сможет получить лидерство на постсоветском пространстве, эксплуатируя риторику "борьбы с наследием тоталитаризма"?

Я уверен, что им глубоко начихать на любые задачи "лидерства" и так далее, тем более что абсолютное большинство из членов Совета не смогут найти постсоветское пространство даже на глобусе. Это не более чем попытка встроиться в риторику власти. Говоря же по существу идеи эксплуатации антитоталитарной фразеологии для внешних целей, надо отметить, что члены Совета этой своей идеей демонстрируют и глубокое невежество в области современной политической истории. Ведь антитоталитарная риторика сегодня почти без исключения используется одновременно бывшей коммунистической номенклатурой, бывшими европейскими леваками и троцкистами и самыми настоящими европейскими шовинистами для того, чтобы упаковать в эту риторику свою националистическую, этнократическую и русофобскую практику, прямо нацеленную против России как государства, именно России Екатерины Великой, Жукова и Гагарина, в любви к которой лицемерно и фальшиво признаются писатели из Совета. Таковы политические реалии в Чехии, Польше, на Украине, в Прибалтике, в Молдавии, Румынии, Венгрии, в Закавказье, Казахстане, Узбекистане и т.д.

5. По Вашему мнению, повлечет ли за собой реализация «Предложений» необходимость России принять на государственном уровне концепции "советской оккупации" и "советского геноцида", сформулированные политиками ряда восточноевропейских стран? К каким последствиям в области международной политики и в гуманитарной сфере, на Ваш взгляд, это может привести?

Логически рассуждая, именно такие последствия и должны произойти. Но я даже представить себе не могу, что такая антигосударственная логика будет какие-либо последствия, кроме позорного изгнания их авторов и покровителей из центра нашей общественно-политической жизни (к науке они и так не имеют никакого отношения, за исключением одного члена Совета из "Мемориала") в маргинальную среду, к маргинальной аудитории их поклонников. Против них – общенациональный патриотический и одновременно свободолюбивый консенсус: у большинства из нас нет никаких сомнений в правоте патриотического самопожертвования наших дедов и отцов, и одновременно – нет ничего, кроме отвращения, к попыткам диктовать нам что думать, как думать и как любить свою Родину.

БАЙКОВ Алексей Юрьевич,
к.и.н., главный редактор сайта
«Актуальная история»

1. Как Вы оцениваете положенную в основу "Предложений" концепцию, согласно которой история России XX века была историей семидесятилетней гражданской войны и "самогеноцида"? Насколько правомерно с научной точки зрения подобное утверждение? Что принесет России утверждение подобной концепции в качестве официальной государственной позиции?

Эта концепция не нова, ее еще несколько лет назад продвигала через интернет вполне определенная группа лиц, состоявшая из поклонников генерала Власова, Бронислава Каминского, «природного казачьего атамана» генерала Краснова и прочих «героев антисоветского сопротивления», сотрудничавших с нацистской Германией в ходе Великой Отечественной войны. Идейно к ним примыкали также прихожане околоправославных раскольнических сект и небольшие группы региональных сепаратистов, в том числе «ингерманландцы», «сибиряки», «казаки», «новгородские вечевики» и др. Общим для них было одно – все они воспринимали советскую историю как «период оккупации», а Великую Отечественную войну эта публика имела обыкновение называть «Второй Гражданской». Нельзя не удивляться тому, что подобного рода маргинальные исторические концепции сегодня обсуждаются на уровне Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека.

Что же касается научности концепций и формулировок «Предложений», то нельзя не отметить, что наука как таковая подразумевает точность употребляемых терминов и формулировок. Термины используемые вне четких границ девальвируются и деформируется, что приводит в конечном счете к полной утрате их первоначального значения и превращению в слова– «амебы», то есть

фактически – в научные и политические ругательства. Общеизвестным примером является слово «фашизм», распространенное идеологическим аппаратом Коминтерна на все правые авторитарные движения первой половины XX века, а ныне прочно связанное в массовом сознании с нетерпимостью по национальному или расовому признаку, несмотря на то что к написанной Бенито Муссолини «Доктрине фашизма» все это не имеет никакого отношения.

Авторы «Предложений» пытаются применить к советской истории термин «геноцид». Согласно статье II «Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него», принятой Резолюцией 260(III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 года

– под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую:

a) убийство членов такой группы; *b*) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы; *c*) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее; *d*) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы; *e*) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую.

Таким образом, для признания концепции «советского геноцида» научным сообществом необходимо всего лишь найти доказательства того, что советское правительство когда– либо пыталось полностью физически уничтожить одну из национальных, этнических или религиозных групп населения страны, действуя по заранее разработанному плану. Почему-то мне кажется, что документальные свидетельства «советского геноцида» никогда не будут найдены и представлены научному сообществу и гражданам страны.

Таким образом, авторы «Предложений» пытаются возвести в ранг общегосударственной идеологии набор обвинений основанных на эмоциях и подмене понятий а не на точных формулировках и логической системе доказательств. Достичь искомого «национального примирения» таким путем невозможно, можно лишь поспособствовать дальнейшему расколу гражданского общества, причем по вопросам связанным с отношением к собственному прошлому, а не с движением к будущему, что в принципе контрпродуктивно.

Важнейшим следствием реализации «Предложений» на практике может стать ини-циация процесса пересмотра уже не геополитических, а моральных итогов Великой Отечественной войны. Ведь если советский режим был «преступным» и осуществлял «геноцид», то все, кто отстаивал его право на существование с оружием в руках, также автоматически становятся причастными к его преступлениям. Нельзя не заметить, что все, предпринимавшиеся до сих пор попытки отделения Победы от государственного строя СССР и личности Верховного Главнокомандующего, потерпели неудачу, включая введенную в оборот еще при Хрущеве концепцию «народ победил под руководством Партии вопреки Сталину». Если двигаться по этому пути до его логического завершения – то в одни прекрасный день мы рискуем проснуться в государстве, где Гитлера будут почитать в качестве «великого государственного деятеля, который нес народам России свободу от еврейского большевизма», а национальными героями и в самом деле станут генерал Власов и атаман Краснов, в то время как памятники подлинным героям той войны будут свергнуты с постаментов и преданы поруганию.

Нельзя не обратить внимание на то что в тексте "Предложений" их авторами регулярно употребляется термин "модернизация". Если под таковой понимать процесс ликвидации технической отсталости России и переход от сырьевой экономики к постиндустриальному производству основанному на наукоемких технологиях, то принятие изложенных в тексте "Предложений" концепций в качестве руководства к действию этому процессу прямо навредит. Дети воспитанные на том что недавняя история России состоит из "гражданской войны" и "самогеноцида" будут стремиться только к одному – изучив иностранный язык и получив востребованную в Европе или США специальность как можно скорее уехать из "этой страны". В результате мы получим непрерывный отток самого важного ресурса для любой модернизации – образованных молодых специалистов.

2. Как Вы оцениваете предложения авторов документа юридически закрепить в качестве официальной определенную идеологическую концепцию истории России XX века и преследовать государственных служащих, несогласных с ней? Считаете

ли Вы необходимым принятие в России законов об исторической памяти? Каких исторических явлений эти законы должны касаться в первую очередь? Какое влияние на общественные и научные дискуссии в России окажет принятие данных пунктов "Предложений"?

Эти предложения нельзя расценивать иначе как подготовку членами Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека генерального наступления на фундаментальные свободы и права человека, в том числе – на свободу мысли и свободу слова. Хотелось бы напомнить авторам подобных концепций, что чиновник является точно таким же гражданином страны, как и они сами, и в этом качестве он обладает всеми правами записанными в Конституции РФ. Общество и закон должны в первую очередь интересоваться профессиональной деятельностью чиновника и ее последствиями, а не его отношением к личности И.В. Сталина.

Что же касается комплекса законов о сохранении и развитии исторической памяти – то он безусловно необходим. Но создавая его, следует опираться на те представления о прошлом, которые разделяются большинством граждан страны, а не на волюнтаристские концепции, порожденные теми или иными околовластными институтами. Общество сегодня не готово рассматривать советский период истории страны как «историю преступлений» и, скорее всего, резко отрицательно отнесется к попытке навязывания ему тех или иных взглядов. Но, очевидно, авторы «Предложений» считают, что при помощи телевидения и школьной программы они смогут манипулировать общественным мнением так, как им заблагорассудится. Этого не будет. Хотелось бы напомнить членам «Совета по развитию гражданского общества и правам человека», что на этом поле потерпела неудачу куда более мощная и фундаментальная советская система массовой пропаганды, продемонстрировав свою полную неспособность справиться, например, с «остатками религиозного дурмана».

Таким образом, предполагаемый комплекс законов об исторической памяти в своей запретительной части должен включать нормы и положения, предотвращающие реабилитацию лиц активно сотрудничавших с официальными органами нацистской Германии в период Великой Отечественной войны и причастных к осуществлявшемуся оккупантами геноциду народов СССР. В первую очередь такой закон должен поставить непреодолимый барьер на пути любых попыток приравнять коллаборационистов к жертвам политических репрессий и связанных с этим актов по мемориализации лиц замешанных в нацистских военных преступлениях. Существующие на сегодня нормы на практике не выполняются, по крайней мере четырехметровая фигура атамана Краснова венчает установленный в ст. Еланская комплекс «Донские казаки в борьбе с большевиками» вполне открыто.

Далее необходимо уже позитивное законодательство, обеспечивающее дальнейшую мемориализацию подвига воевавшего поколения. Жизненно необходим закон, который обеспечивал бы ежегодное выделение денежных средств из федерального и региональных бюджетов на проведение поисковых работ – то есть на эксгумацию, опознание и торжественное перезахоронение павших в боях солдат Красной Армии и жертв нацистского геноцида. Сегодня этой работой, тяжелой и неблагодарной, но при этом жизненно важной для сохранения исторической памяти народов нашей страны, во многом занимаются за свой счет группы энтузиастов при минимальной поддержке со стороны государства. Наши бескрайние поля, в которых на один квадратный метр приходится по три незахороненных бойца, сегодня поистине являются национальным позором России.

Разумеется, необходимо также чтить память жертв политических репрессий, но их реабилилитацию и мемориализацию нельзя проводить огульным порядком, следуя принципу "все осужденные по политическим мотивам в СССР невиновны по определению". В ходе сталинских репрессий, наряду с невиновными, осуждались и подлинные предатели, шпионы, участники антисоветского подполья и члены вооруженных бандформирований. Кроме того, следует помнить о существовавшей в 30-е гг практике квалификации по "политическим" статьям иного рода преступлений, таких как служебный подлог, нецелевое расходование государственных средств, хищение государственной и колхозной собственности в особо крупных размерах, преступная халатность и прочее. Некоторые из осужденных и сами являлись активными участниками репрессивной политики. На сегодняшний день у историков

по-прежнему отсутствует доступ к делам многих репрессированных, что мотивируется необходимостью сохранения "личной тайны". В то же время всех без исключения репрессированных предлагается признать "жертвами". В результате такого подхода в числе кандидатов на реабилитацию регулярно оказываются все те же коллаборационисты, включая непосредственных соучастников нацистских военных преступлений, осужденных советской юстицией. "Групповой" подход к проблеме реабилитации жертв репрессий может привести к тому, что в одной и той же моральной категории "невинно осужденных" окажутся и расстрелянный в ходе ежовских "чисток" как "участник правотроцкистского заговора" профессор консерватории, и пытавший его следователь НКВД, репрессированный уже "бериевским призывом". К вопросу о реабилитации и назначении компенсаций следует подходить в индивидуальном порядке.

3. Как Вы относитесь к предложению авторов документа создать школьные учебники истории России XX века "с отчетливой политической оценкой событий"?

Абсолютно нейтрально. Рассуждая о том, какие исторические концепции нужны школе, авторы «Предложений» забыли извлечь из истории уроки лично для себя. Придется им напомнить о том, что несколько поколений советских школьников учились по учебникам, в которых политическая оценка была выражена более чем отчетливо. Результат мы все наблюдали в 91 году. Затем мое поколение пытались учить по книгам, написанным на гранты от фонда Дж. Сороса, например, по небезызвестной «Истории Советского государства» Н.Верта. Итог был вполне предсказуем – значительная часть образованной молодежи после школы вступала в неосталинистские и маоистские организации «новых левых». Но видимо членам президентского Совета хочется еще раз наступить на те же грабли, предложив школе на сей раз «самые правильные», идеологически выдержанные учебники.

Вторжение любых идеологий, кроме патриотической (заключающейся в абстрактной любви к собственной стране и ее истории вне зависимости от правительства и государственного строя), в систему школьного образования способно привести только к прямо противоположному результату. Причем зародившееся в душе ученика противоречие усугубляется по мере постижения разницы между написанным в книге и начинающейся за дверями школы объективной реальностью.

4. На Ваш взгляд, состоятелен ли главный внешнеполитический тезис проекта о том, что Россия сможет получить лидерство на постсоветском пространстве, эксплуатируя риторику "борьбы с наследием тоталитаризма"?

Нет, этот тезис не встречает обоснований. Дело в том, что идеологический комплекс, который авторы «Предложений» предлагают принять России, по-своему уникален. В большинстве своих пунктов он списан с программы денацификации, проводившейся в Германии после Второй Мировой войны. Хотелось бы напомнить, что Германия в ходе Второй Мировой войны была полностью разгромлена и оккупирована, а СССР входил в число победителей. Таким образом, авторы "Предложений" предлагают нам добровольно и в полном объеме принять модель, предназначенную для проигравших, добровольно дезавуировать свою победу и, хоть спустя 65 лет, но все же сесть на одну скамью подсудимых с гитлеровцами. Случай этот, повторяю, уникален. Более того, предлагаемая членами президентского Совета система общенационального покаяния не применялась в полном объеме нигде, кроме Германии. Япония, точно так же проигравшая войну и оккупированная американцами, только недавно начала признавать осуществлявшийся ее армией геноцид народов Юго-Восточной Азии. При этом вся "покаянная" риторика предназначается исключительно на экспорт – то есть используется японскими официальными лицами в основном для внешнеполитического диалога, в то время как внутри страны поощряются идеи национального реванша, порой граничащие с шовинизмом. Случившиеся непосредственно перед началом недавних природных катаклизмов манифестации у российского посольства, сопровождавшиеся сожжением флага и требованиями возвращения "северных территорий" это наглядно продемонстрировали.

Если Россия по спорным вопросам исторической памяти займет позицию побежденного – она не сможет претендовать ни на какое лидерство. Более того, эта позиция позволит государствам постсоветского пространства предъявить и дальнейшие претензии – уже по поводу "имперской оккупации". Их придется принимать до бесконечности – ведь

один раз инициировав процесс "покаяния за прошлое", ему уже невозможно указать пределы и границы.

Сама идея "исторического покаяния" глубоко ошибочна в своей сути, поскольку строится на изначально ложных предпосылках. Прошлое нельзя судить с точки зрения морали и правовых норм сегодняшнего дня, в противном случае вся история человечества будет выглядеть как цепь преступлений, геноцида и "самогеноцида". В такой ситуации неизбежным станет разделение государств и народов на "белых" и "черных", на тех, кто должен каяться, тех, кто каяться никому не обязан и тех, кому пока разрешили этого не делать. Эти процессы можно наблюдать уже сегодня – в то время как Германия вынуждена до бесконечности извиняться за преступления нацизма, никто не требует от входящих в Евросоюз прибалтийских государств извинений за совершавшиеся местными националистами массовые убийства евреев в 1941-1945 гг, и за приступления коллаборационистских полицейских формирований на других оккупированных советских территориях. Когда Германии строжайше запрещены любые положительные воспоминания и памятные мероприятия, связанные с историей Третьего Рейха – по улицам прибалтийских городов открыто маршируют ветераны легионов СС. Сегодня Польша требует от России покаяния за Катынь, но Гугль не находит ни одного упоминания о том, что польские официальные лица хотя бы просто принесли извинения за гибель в лагерях нескольких десятков тысяч красноармейцев, взятых в плен в ходе войны 1920-21 гг. Таким образом мы видим, что никакой общепринятой концепции "исторического покаяния" на сегодня в Европе и во всем мире не существует. Интересно, на чем основана уверенность авторов "Предложений" в том, что если Россия начнет сама и добровольно "бороться с наследием тоталитаризма", действующая система двойных стандартов непременно будет изменена в ее пользу?

5. По Вашему мнению, повлечет ли за собой реализация «Предложений» необходимость России принять на государственном уровне концепции "советской оккупации" и "советского геноцида", сформулированные политиками ряда восточноевропейских стран? К каким последствиям в области международной политики и в гуманитарной сфере, на Ваш взгляд, это может привести?

Такое признание придется сделать неотъемлемой частью российской внешней политики. Исторические комплексы малых государств и народов в принципе невозможно удовлетворить, а аппетит в этих вопросах приходит во время еды. Таким образом, один из основных тезисов "Предложений" о том, что выделив из исторической непрерывности и закрасив черной краской советский период, Россия сможет представить остальную свою историю и свою текущую внешнюю политику в более выгодном свете – изначально ложный. Вслед за признанием "советской оккупации", придется платить по счетам уже Российской империи и Московского царства. Скидок "за давностию лет" никто делать не будет – кается же сегодня Ватикан за действия инквизиции.

И последнее. Хотелось бы заметить авторам "Предложений", что история, какой бы она ни была, это не исповедальный список, а учебник собственных ошибок. Между тем те, кто писал этот документ, предлагают действовать в абсолютно сталинистском духе – по волюнтаристски, сверху насадить в обществе, начиная со школы, определенное безальтернативное понимание истории. Все время говорить о модернизации, и при этом предлагать пользоваться для этой цели типичными "тоталитарными" методами – означает идти на сознательный подлог и подмену понятий. Модернизация в России сегодня может идти только по одному пути – в сторону демократизации власти и расширения прав человека и гражданского общества, отказа от авторитарных методов управления. Демократизация подразумевает полную свободу общественной и научной дискуссии безо всяких ограничений, но вместо этого авторы "Предложений" намерены навязать населению страны определенную, как они считают, "демократическую" точку зрения на историю. Таким образом вместо подлинной модернизации и демократизации для нас собираются выстроить очередную "потемкинскую деревню" без реального содержания.

КОВАЛЕВ Борис Николаевич,
д.и.н., профессор Новгородского государственного университета.

1. Как Вы оцениваете положенную в основу "Предложений" концепцию, согласно которой история России XX века была исто-

рией семидесятилетней гражданской войны и "самогеноцида"? Насколько правомерно с научной точки зрения подобное утверждение? Что принесет России утверждение подобной концепции в качестве официальной государственной позиции?

Первой и главной (как указано в документе) целью программы «Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении» является «окончание гражданской войны, развязанной в 1917 г.».

Таким образом, можно сделать вывод, что, по мнению авторов этого документа, гражданская война в нашей стране идет уже без малого сто лет. Возникает вопрос: а между кем и кем? Может быть, между мной и моим дедом, который стал коммунистом под Сталинградом в 1942 году? Или между ним и его родным дядей, сосланным в 1932 году, как «социально-чуждый элемент»?

Безусловно, XX век принес России много бед. О необоснованных репрессиях 20 – 30-х годов начали говорить на самом высшем уровне еще в 1956 году и еще больше в годы «перестройки». Но считать весь этот период истории временем «самогеноцида», по меньшей мере, ненаучно. Т. е. что получается: не смотря на все войны и репрессии количество населения в стране росло, общий уровень благосостояния повышался, а оказывается мы все это время «уничтожали друг друга».

Большевики безусловно проиграли бы гражданскую войну, если бы не поняли, что «кавалерийская атака на капитализм 1917 – 1921 гг.» провалилась.

Меня лично весьма позабавила следующая формулировка этого документа: «Возможные издержки от осуществления этой программы можно с лихвой компенсировать обращением к лучшему, что было в российской истории – например, к блистательной эпохе, начавшей с Екатерины II и закончившейся в 1917 г.».

Возникает вопрос, а почему именно с Екатерины II, а не, например, с Петра I? Или, вообще, с 1613 года?

Такое чувство, что авторы документа не знают, что Россия до революции 1905 год, являлась абсолютной монархией, где с правами человека были весьма большие проблемы, – одна «черта оседлости» в условиях «блистательной эпохи» чего стоит.

Что касается личностей, «внесших огромный вклад в развитие и славу страны и ее культуры», то этот список не вполне политкорректен. Так поляки, например, могут напомнить, что А.В.Суворов получил звание и генерала и фельдмаршала за успешные действия в их стране, что, в конечном счете, привело к утрате независимости Польши.

2. Как Вы оцениваете предложения авторов документа юридически закрепить в качестве официальной определенную идеологическую концепцию истории России XX века и преследовать государственных служащих, несогласных с ней? Считаете ли Вы необходимым принятие в России законов об исторической памяти? Каких исторических явлений эти законы должны касаться в первую очередь? Какое влияние на общественные и научные дискуссии в России окажет принятие данных пунктов "Предложений"?

Понятие «официальная идеологическая концепция истории», скорее характерно для тоталитарного государства. С таким же типом государства связано и преследование всех несогласных.

Историческая память – это не декларация. Это работа, которая делается на протяжении многих лет. Если говорить о себе, то я являюсь членом редакционного совета «Книги памяти жертв политических репрессий Новгородской области». Уже выпущено одиннадцать томов этого фундаментального издания. Работа по увековечиванию памяти моих земляков продолжается.

В нашем университете проходят вместе с Обществом реабилитированных научные конференции, выпускаются их материалы. Все это делается (и будет делаться) без принятия какой-либо общенациональной программы.

3. Как Вы относитесь к предложению авторов документа создать школьные учебники истории России XX века "с отчетливой политической оценкой событий"?

Не понятно, что такое «отчетливая политическая оценка событий»? Краткий курс истории ВКП(б)?

4. На Ваш взгляд, состоятелен ли главный внешнеполитический тезис проекта о том, что Россия сможет получить лидерство на постсоветском пространстве, эксплуатируя риторику "борьбы с наследием тоталитаризма"?

Это очень наивное утверждение. Это видно, по отзывам на этот документ, например, в Эстонии. Так политолог Тартуского

университета Кармо Тюйр в своем интервью газете «Постимеэс» заявил следующее: «Больше всего таких лозунгов звучало во времена горбачевской перестройки, правда, вместе со слегка мазохистским самобичеванием, и в какой-то мере при раннем Ельцине, и уже в плане более серьезного переосмысления».

По мнению эстонского политолога, вся выстроенная конструкция имеет некоторые слабости: «Утверждается, что такое самоочищение должно уменьшить отчуждение российской элиты, власти и режима от народа. Теоретически это может быть правильным, но лишь в долгосрочной перспективе. В краткосрочной, это вызовет резкую ответную реакцию».

Таким образом, Россия не получает «лидерство», а наоборот, может получить определенную долю нестабильности в самом обществе.

5. По Вашему мнению, повлечет ли за собой реализация «Предложений» необходимость России принять на государственном уровне концепции "советской оккупации" и "советского геноцида", сформулированные политиками ряда восточноевропейских стран? К каким последствиям в области международной политики и в гуманитарной сфере, на Ваш взгляд, это может привести?

Я думаю, что это будет способствовать только усилению подлинных и мнимых противоречий между Россией и ее соседями.

ПОЛЯН Павел Маркович,
доктор географических наук,
Институт географии РАН

1. Как Вы оцениваете положенную в основу "Предложений" концепцию, согласно которой история России XX века была историей семидесятилетней гражданской войны и "самогеноцида"? Насколько правомерно с научной точки зрения подобное утверждение? Что принесет России утверждение подобной концепции в качестве официальной государственной позиции?

Полагаю, что в целом концепция хорошо и последовательно отражает стремление как российского общества, так и сообщества российских историков к освоению уже открытого и к открытию до сих пор еще засекреченного архивного материала и, на этой основе, к объективному изучению российской истории и представлению ее такой, какой она была, а не такой, какой ее хотело бы видеть политическое или идеологическое руководство государства. Подход к истории как к понятливой служанке господствующей в настоящий момент политики полностью дискредитировал себя за советское время и можно только сожалеть, что его рецидивы продолжают не только встречаться, но и упорно и успешно предопределяют основные силовые линии современного исторического анализа. Достаточно упомянуть такой странный орган как созданную 15 мая 2009 года «Комиссию при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» (вчитайтесь в ее название!). С этой точки зрения «Предложения…» концептуально и отчетливо противопоставляют себя этим установкам, и это хорошо.

2. Как Вы оцениваете предложения авторов документа юридически закрепить в качестве официальной определенную идеологическую концепцию истории России XX века и преследовать государственных служащих, несогласных с ней? Считаете ли Вы необходимым принятие в России законов об исторической памяти? Каких исторических явлений эти законы должны касаться в первую очередь? Какое влияние на общественные и научные дискуссии в России окажет принятие данных пунктов "Предложений"?

Авторы предложений не призывают к смене идеологических парадигм, а предлагают вернуть историю истории. Современная политика государства Российского в области исторической памяти непоследовательна и, в целом, провальна. Поэтому предложения по музеефикации таких исторически ключевых, но «запущенных» в этом отношении исторических явлений, как, например, ГУЛАГ, депортации, Холокост и др. (добавлю сюда и Первую мировую войну, черту оседлости и др.) безусловно заслуживают государственной поддержки. Предложения о «преследованиях несогласных» в обсуждаемом документе мне обнаружить не удалось. А вот в Положении о «Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» они, к сожалению, есть.

3. Как Вы относитесь к предложению авторов документа создать школьные учебники истории России XX века "с отчетливой политической оценкой событий"?

Мне не нравится тут словосочетание «политической оценкой событий». Думаю, что имелась в виду «историческая оценка событий», основанная на фактах и исследованиях.

4. На Ваш взгляд, состоятелен ли главный внешнеполитический тезис проекта о том, что Россия сможет получить лидерство на постсоветском пространстве, эксплуатируя риторику "борьбы с наследием тоталитаризма"?

Особый интерес к внешнеполитическому аспекту естественен и даже императивен, ведь до 1991 года значительная часть мирового сообщества – Россия и еще 14 других общепризнанных государств – составляли единое государственное целое и единое историческое пространство, насчитывающее многовековую общую историю. Трудно отрицать его тоталитаристскую сущность, поэтому не стоит называть призывы к совместному изучению совместного прошлого риторическими фигурами. Многое, в том числе и кровопролитные или «холодные» конфликты, связывает Россию и с другими странами мира, особенно со странами-участницами мировых и региональных войн, участниками которых были СССР или Россия. Это тоже – предпосылка для совместных или глобальных проектов, таких, например, как обсуждение спорных вопросов историографии.

5. По Вашему мнению, повлечет ли за собой реализация «Предложений» необходимость России принять на государственном уровне концепции "советской оккупации" и "советского геноцида", сформулированные политиками ряда восточноевропейских стран? К каким последствиям в области международной политики и в гуманитарной сфере, на Ваш взгляд, это может привести?

Решительно не вижу такой угрозы. Но именно по вопросам понятийной базы, историографии, источниковедения и, как венец всего, исторических процессов необходимо повести всестороннюю и широкую дискуссию. У понятия "советский геноцид", по-моему, наихудшие шансы аргументировано победить в этой дискуссии, относительно "советской оккупации" вопрос открытый, но приблизиться к его прояснению способны только дискуссии историков, а никак не митинги, не шествия и не демарши политиков и дипломатов.

Обращаю внимание на слова из преамбулы «Предложений….»: «Фактически это только план программы, указывающий основные направления ее развития. Многие пункты программы нуждаются в детализации, ряд предложений требует закрепления нормативными документами. Рабочая группа приглашает к сотрудничеству по развитию программы всех по-настоящему заинтересованных этой темой экспертов».

Благодарю редакцию за инициативу этого обсуждения – это ее вклад в тот самый процесс, к которому призывают «Предложения». Так же и мои предварительные замечания прошу рассматривать именно в этом и только в этом ключе.

ДЕМУРИН Михаил Васильевич,
чрезвычайный и полномочный
посланник 2 класса,
директор по программам
Института динамического консерватизма

1. Как Вы оцениваете положенную в основу "Предложений" концепцию, согласно которой история России XX века была историей семидесятилетней гражданской войны и "самогеноцида"? Насколько правомерно с научной точки зрения подобное утверждение? Что принесет России утверждение подобной концепции в качестве официальной государственной позиции?

Концепция, положенная в основу «Предложений об учреждении общенациональной государственно-общественной программы "Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении", не имеет ничего общего с научным подходом к истории нашей страны в XX веке. Это концепция односторонняя, политически мотивированная, направленная на дальнейшее разрушение сознания русского народа и других народов нашей страны.

Если говорить о семидесяти четырех годах истории Советского Союза, то они стали логическим продолжением экономического и общественно-политического развития Российской Империи в XVIII и XIX веках и особенно – в начале XX века. Это развитие породило революцию 1905 – 1917 годов и гражданскую войну. Можно спорить о дате окончания гражданской войны в СССР, но, на мой взгляд, эту дату точно нельзя относить на время после 22 июня 1941 года. Да, в 1918 – 1921 годах Белое движение опиралось на поддержку внешних недругов России и в определенном смысле объективно выступало в качестве их инструмента, но

гитлеровская агрессия против СССР стала явлением совершенно другой природы, нежели иностранная интервенция против Советской России. Поскольку Гитлер ставил задачу геноцида в отношении русского народа и подавляющего большинства других народов СССР, сотрудничество с нацистской Германией приобрело принципиально иную природу, нежели сотрудничество с иностранными интервентами в 1918 – 1921 годах, такой задачи (во всяком случае, открыто) не ставившими. Гражданские войны ведутся за право осуществления одной из противоборствующих сторон своего национального общественно-политического проекта. Все, кто сотрудничал с Гитлером и впоследствии с нацеленными на полное уничтожение СССР вплоть до применения ядерного оружия наиболее агрессивными политическими кругами в США, не могут рассматриваться иначе как предатели своего народа и своей Родины. Насколько я понимаю позицию РПЦ, сформулированную неоднократно в годы Великой Отечественной войны, она исходила из такой или подобной оценки.

Советский период истории нашей страны был периодом трагическим, но и героическим, периодом великой исторической драмы, но и великих побед и свершений как во имя самого народа нашей страны, так и всего человечества. Именно советский общественно-политический опыт заставил западный капитализм приобрести хотя бы относительное «человеческое лицо» (правда, по отношению только к народам своих стран при сохранении презрения к народам так называемого «третьего мира»), именно память о нем мешает сегодняшним российским капиталистам перевести эксплуатацию народов России на еще более жестокую ступень. СССР победил нацизм, благодаря нашей стране был уничтожен расизм. СССР стал колыбелью великих достижений культуры в широком смысле этого слова. Ничего подобного заказчики «программы Федотова» осуществить не в силах и не собираются, и именно поэтому они вновь ставят задачу опорочивания советского периода нашей истории.

Если говорить о «самогеноциде», то общее число человеческих потерь 74-летнего советского периода нашей истории (исключая погибших и умерших в годы Великой Отечественной войны) сопоставимо с числом жертв 20-летнего периода после 1991 года. А ведь к числу жертв развала СССР и установления новых либерально-капиталистических порядков надо отнести и демографические потери во всех бывших республиках – новых государствах. Никогда в СССР в мирные годы не было такой смертности и такого падения рождаемости, что можно отнести на счет не только морального, но и физического уничтожения нации. Важно при этом иметь в виду, что другой стороной трагизма русской истории советского периода был ее героизм, великие победы и достижения народов СССР, в то время как обратной стороной жертв ельцинско-олигархического периода русской истории является лишь падение авторитета нашей страны в мире и безмерное обогащение узкого правящего слоя. Именно эту правду призвана «прикрыть» «программа Федотова». Утверждение этой концепции в качестве официальной государственной позиции принесет России дальнейшее падение авторитета государства, рост народного недовольства, усиление в стране компрадорских прозападных кругов, ослабление позиций России в мире, отдаление перспективы преодоления смуты.

2. Как Вы оцениваете предложения авторов документа юридически закрепить в качестве официальной определенную идеологическую концепцию истории России XX века и преследовать государственных служащих, несогласных с ней? Считаете ли Вы необходимым принятие в России законов об исторической памяти? Каких исторических явлений эти законы должны касаться в первую очередь? Какое влияние на общественные и научные дискуссии в России окажет принятие данных пунктов "Предложений"?

Юридическое закрепление определенной идеологической концепции истории России будь-то XX или какого-то другого века в качестве официальной и преследование несогласных с ней будет означать установление в стране тоталитарного режима. Историческая память народа хранится не законами, а верностью традиции. Исторические события и явления как нечто уже произошедшее в истории не могут быть предметом законодательного регулирования. Предметом такого регулирования (запрещения) могут (и, видимо, должны) являться современные политические и идеологические действия с использованием человеконенавистнических и оскорбительных для народной памяти трактовок истории типа тех, что содержатся в «Предложениях».

3. Как Вы относитесь к предложению авторов документа создать школьные учебники истории России XX века "с отчетливой политической оценкой событий"?

Политическую оценку событий истории могут давать, видимо, политические силы или политические деятели. Я не вижу в современной России политических сил и принадлежащих к властной элите политических деятелей, имеющих моральное право давать негативные оценки деяниям наших предков. Тем более осторожными в оценках хода истории своей страны и народа должны быть люди православные – те, кто понимает, что в истории действуют далеко не только «хорошие» и «плохие» люди, но что она совершается Божьим промыслом, до конца понять который человеку не по силам.

Учебник истории должен, прежде всего, формировать гражданина. Н.М.Карамзин в «Записке о древней и новой России» задавался следующим риторическим вопросом: «Презрение к самому себе располагает ли человека и гражданина к великим делам?». Что иное кроме презрения к себе как части русского народа призван формировать в гражданах России тезис о «самогеноциде»? Что иное кроме презрения к нам он будет формировать за рубежом?

У всех стран есть трагические периоды истории, о которых они помнят, но которые обоснованно стараются не выставлять напоказ. Мне не известно о существовании многочисленных памятников, например, жертвам «огораживания» в Великобритании или геноцида индейцев в США. Другие народы, наоборот, следуют совету великого русского мыслителя Н.Н.Страхова, который призывал «беречь историю преимущественно как память о том, что было выше нас». Нас же господин Федотов призывает в массовом порядке совершить грех библейского Хама.

4. На Ваш взгляд, состоятелен ли главный внешнеполитический тезис проекта о том, что Россия сможет получить лидерство на постсоветском пространстве, эксплуатируя риторику "борьбы с наследием тоталитаризма"?

Данный тезис абсолютно несостоятелен. Мы видим это особенно ярко на примере происходящего в Прибалтийских государствах. Именно «борьбой с наследием тоталитаризма» прикрываются те, кто сначала демонтировал памятник Воину-освободителю в Таллине и совершил кощунство в отношении праха советских воинов, а сегодня пытается назвать этот памятник «памятником оккупантам»; те, кто кощунствует в отношении жертв нацистского лагеря «Саласпилс» в Латвии; те, кто отказывается признать, что главными и наиболее многочисленными жертвами так называемых «лесных братьев» в Прибалтике были мирные жители. Каждый раз, когда руководители России дают слабину в требовании уважения к нашей исторической памяти, такие проявления реваншизма усиливаются. Таким образом, главный внешнеполитический тезис «проекта Федотова» есть инструмент потакания реваншизму самого сомнительного политического свойства, и в этом смысле речь идет уже не о глупости, а о потенциально враждебном российскому государству действии.

5. По Вашему мнению, повлечет ли за собой реализация «Предложений» необходимость России принять на государственном уровне концепции "советской оккупации" и "советского геноцида", сформулированные политиками ряда восточноевропейских стран? К каким последствиям в области международной политики и в гуманитарной сфере, на Ваш взгляд, это может привести?

Реализация «Предложений» приведет к самым негативным последствиям с точки зрения как внутренней, так и внешней политики России. Она отдалит перспективу восстановления национально-государственной субъектности нашей страны, ослабит ее позиции в противостоянии давлению Запада и его сателлитов по периметру наших границ, а также «внутреннему Западу», серьезно ограничит возможности в защите прав и интересов соотечественников, оказавшихся после развала СССР за рубежами исторической родины.

ЩЕРБАКОВА Ирина Лазаревна,
руководитель молодежных
и образовательных программ
общества "Мемориал"

1. Как Вы оцениваете положенную в основу "Предложений" концепцию, согласно которой история России XX века была историей семидесятилетней гражданской войны и "самогеноцида"? Насколько правомерно с научной точки зрения подобное утверждение? Что принесет России утверждение подобной концепции в качестве официальной государственной позиции?

Мне не нравится употребление этих терминов, поскольку считаю их неточными, однако, надо признать, что хотя «горячая» гражданская война закончилась в 1921 году, сталинская идея «обострения классовой борьбы», повлекшая за собой миллионы жертв, превысившие потери в гражданской войне, по сути, являлась ее продолжением. Кроме того, советская идеология вплоть до самого своего конца (да и сегодня это делается с большими оговорками) не допускала никакого примирения красной и белой сторон. Защита белой стороны каралась разного рода репрессиями до самого конца советской власти.

2. Как Вы оцениваете предложения авторов документа юридически закрепить в качестве официальной определенную идеологическую концепцию истории России XX века и преследовать государственных служащих, несогласных с ней? Считаете ли Вы необходимым принятие в России законов об исторической памяти? Каких исторических явлений эти законы должны касаться в первую очередь? Какое влияние на общественные и научные дискуссии в России окажет принятие данных пунктов "Предложений"?

В документе речь идет о том, что необходимо сделать то, что не было сделано до сих пор, а именно: не дана политическая (это дело парламента) и правовая (для этого необходимо создать специальную государственную комиссию) оценки тех нормативно-правовых актов советского руководства, которые повлекли за собой массовые репрессии. (В качестве примера можно назвать постановление Политбюро 1930 года «О мерах по ликвидации кулацких хозяйств», или утвержденный Политбюро в июле 1937 года приказ НКВД 0447, давший старт Большому террору; решения о депортации «наказанных» народов и т.д.) Если эти решения будут приняты, то находящийся на государственной службе чиновник не будет иметь права публично отрицать эти факты – и таким образом восстанавливать по своей инициативе памятники сталинизма как это произошло со станцией метро Курская после ее реставрации, или как это, например, происходит сегодняшнем Барнауле, когда зам. главы городской администрации принимает решение об установке памятника Сталину.

3. Как Вы относитесь к предложению авторов документа создать школьные учебники истории России XX века "с отчетливой политической оценкой событий"?

Я вообще не являюсь сторонником работы по учебникам, что касается гуманитарных наук. Но тут, прежде всего (если вообще иметь ввиду, что они в ходе школьной реформы вовсе не будут вовсе изгнаны из школы), на мой взгляд, необходимы скорее сборники и брошюры документов и комментарии к ним, а также статистические и демографические данные. Архивная и музейная педагогика должны стать важным элементом образовательной работы, и, конечно, культурная память о репрессиях, создаваемая в том числе и самими школьниками (памятные доски конкретным жертвам в конкретных местах, рядом с которыми они живут) – такие успешные примеры есть в работе исторического Школьного конкурса, проводимого «Мемориалом». Именно эту практику надо было бы поддерживать образовательным органам.

4. На Ваш взгляд, состоятелен ли главный внешнеполитический тезис проекта о том, что Россия сможет получить лидерство на постсоветском пространстве, эксплуатируя риторику "борьбы с наследием тоталитаризма"?

Я бы не употребляла слова «лидерство», и речь, на мой взгляд, должна идти не о риторике (хотя и она важна), а о готовности и способности говорить о тех репрессиях, которые проводились в бывших советских республиках по указанию центра. О том, что такая честная и ответственная позиция приводит к улучшению отношений, свидетельствует пример признания Катынской трагедии.

5. По Вашему мнению, повлечет ли за собой реализация «Предложений» необходимость России принять на государственном уровне концепции "советской оккупации" и "советского геноцида", сформулированные политиками ряда восточноевропейских стран? К каким последствиям в области международной политики и в гуманитарной сфере, на Ваш взгляд, это может привести?

Думаю, что в данном случае вопрос поставлен не корректно – нам надо сформулировать, наконец, свое собственное отношение к преступлениям сталинизма и постсталинизма, и это усилит позиции России, как страны, отвечающей за свое прошлое, а не реагирующей по дворовому принципу «сам дурак». Не раздувание очередного политического скандала по поводу Бронзового солдата, а пример собственного отношения к военным захоронениям – это лучшие аргументы.

А что касается гуманитарной сферы – то если имеются в виду иски жертв, то на примере Польши мы опять же видим, что эти иски сводятся, прежде всего, к тому, чтобы за жертвами был признан статус жертв. Кстати, Россия тратит такие огромные деньги для создания своего имиджа, например, на строительство комплекса в Сочи, что даже и такого рода гуманитарные выплаты или символические жесты обошлись бы дешевле, а резонанс имели бы не меньше.

КОРЕН Иосиф,
сопредседатель Латвийского антифашистского комитета

Авторы документа изначально дают неверный посыл, говоря о «…правде о том, что наш народ сделал сам с собой в XX веке». Следует ли понимать, что жертвы репрессий сами себя отправляли в лагеря и на уничтожение? Во все времена как в России, так и на всем пространстве бывшего СССР существовали как группы, так и отдельные личности, оказывавшие противодействие тоталитаризму доступными им силами и методами. Должны ли они и их потомки, следуя призыву документа, посыпать головы пеплом и просить прощения у потомков и человечества?

Неверно по своей сути и основополагающее утверждение следующего абзаца: «Одним из важнейших путей преодоления взаимного отчуждения народа и элиты, является полное признание российской катастрофы XX века» Возможно в сегодняшней России народ и элита существуют в разных взаимно отторгнутых полях, но из этого положения можно делать вывод, что либо народ, либо элита до сих пор являются сторонниками или носителями тоталитаризма в России.

Полное недоумение вызывает призыв авторов (п.4 целей и задач) признать, что вся Россия «большая Катынь». Прежде всего это оскорбительно по отношению к жертвам Катыни. Можно ли сравнивать отсутствие демократических свобод в стране и злонамеренное физическое уничтожение тысяч невинных людей? Во-вторых, признание такого постулата лично у меня, как у человека родившегося и большую часть жизни прожившего в СССР, по идеологическим соображениям отказавшегося вступать не только в КПСС, но и в ВЛКСМ, все равно вызывает некий комплекс «жертвы лагерного режима».

И, как следствие этих ошибочных постулатов, перечень достижений российского народа, из которого напрочь выпали те замечательные деятели науки, культуры, искусства, жившие и творившие в России в те самые годы правления тоталитаризма. Достойными внимания авторов оказались лишь, безусловно гениальные, Солженицын, Сахаров и Королёв. Но ведь этот перечень можно продолжить списком вряд ли уступающим по объему страниц самому документу, причем, будучи согласным с авторами в части вредоносности и опасности тоталитарных режимов, заведомо не включал бы в список т.н. «певцов соцреализма». Но дух документа, возможно и против воли авторов, нацелен на абсолютное очернение тех лет, оставляя за рамками то, что многие поколения россиян в те годы жили, трудились и созидали.

Концепция гражданской войны XX века в России у меня, человека живущего в Латвии, вызывает полное непонимание. Наблюдая со стороны постоянно возникающие сейчас на российской территории «горячие точки», нескончаемые боевые действия на Северном Кавказе, так и хочется спросить, если тогда была гражданская война, то что, простите, происходит сегодня?

Безусловно, в России необходимо осуждение тоталитаризма на государственном, возможно и на законодательном уровне, но концепция, предложенная авторами, скорее всего приведет к результатам прямо противоположным ожидаемым. Примером тому могут служить Прибалтийские страны, где настолько яростно стали бороться со сталинским тоталитаризмом, что гитлеровская армия уже воспринимается как армия – освободительница, а коллаборационисты, перешедшие на сторону Гитлера, считаются народными героями – борцами за свободу и независимость.

Концепция авторов о «советской оккупации» и «советском геноциде» меня, жителя Латвии, просто пугает, не говоря уже о некомпетентности авторов. Прежде всего, есть четкие международно-правовые характеристики терминов, которыми оперируют авторы. Именно по этому ни Евросоюз, ни остальные члены ООН не признают то, что авторы называют «советской оккупацией». Исключением является лишь резолюция конгресса США времен «холодной войны», кстати, так и не утвержденная Сенатом. Именно та самая резолюция, за которую когтями цепляются сегодняшние антироссийские ястре-

бы Прибалтики. Но авторы готовы делать им реверансы в ложной надежде, что злобные русофобы мгновенно обратятся в русофилов. Совершенно напрасные иллюзии. Признание «оккупации» им необходимо лишь для реализации замыслов по ликвидации «последствий оккупации». А именно: подведения правовой базы под принудительную депортацию сотен тысяч русских русских, проживающих сегодня в Прибалтийских странах. Ну а что такое геноцид, если авторов не устраивают правовые формулировки, они могут спросить у евреев, выживших в гитлеровских лагерях, или у армян, на генетическом уровне помнящих 1915 год. Может тогда будут более аккуратны с такими страшными терминами.

Общий дух документа во многом перекликается с существующими сегодня в некоторых европейских странах тенденциями приравнивания сталинского и гитлеровского режимов. Понимают ли это авторы? И понимают ли они последствия, к которым такие сравнения могут привести? Для примера приведу слова чешского правозащитника, выступавшего на конференции, на которой мне довелось присутствовать. Он говорил о том, что если детям в школе станут преподавать такую историю, где нацизм и коммунизм будут стоять на одной чаше весов, дети, однажды придя со школы, спросят его, как он жил в те «коммунистические» времена. И он будет вынужден сказать, что неплохо жил: и семью создал и дом построил и образование пристойное получил, и тогда дети поймут, что раз при коммунистах так неплохо жилось, значит и нацизм не такое страшное зло, каким его рисуют.

ШУБИН Александр Владиленович,
д.и.н., руководитель Центра России,
Украины и Белоруссии Института всеобщей
истории РАН

Ознакомившись с текстом «Предложения об учреждении общенациональной государственно-общественной программы «Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении», опубликованном на сайте Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, могу констатировать:

1. Текст содержит некоторые предложения, которые достойны поддержки общественности и научного сообщества:

– Действительно необходимо строительство новых памятников на местах массовой гибели людей в период массовых репрессий, совершенных как в XX в. (при чем не только после 1917 г.), так и в предыдущие века.

– Действительно, «необходимо, наконец, рассекретить архивы», и «для продвижения достоверной информации о прошлом в общественное сознание обеспечить *оцифровку и интернет-публикацию* важнейших исторических документов XX века из государственных и ведомственных архивов».

2. К сожалению, поддержав эти два требования, давно выдвинутые общественностью, авторы документа вступили на путь двойных стандартов. Авторы осуждают только те репрессии, которые начались в 1917 г. (который, кстати, не отметился в истории массовыми казнями, в отличие от целого ряда более ранних дат). Зато предыдущие годы и века достойны всяческого воспевания и прославления, в том числе и в лице тех деятелей, которые прямо ответственны за казни политических противников. Осуждая эпоху, наступившую в 1917 г., предлагается прославлять «лучшее, что было в российской истории – например, к блистательной эпохе, начавшейся с Екатерины II и закончившейся в 1917 г.» Надо полагать – и массовые казни доведенных до отчаяния крестьян и казаков, крепостническое рабство, произвольные отправки на каторгу по помещичьему слову, бессудные убийства соперников «блистательной» Екатерины в борьбе за трон, жестокие репрессии за малейшее инакомыслие, порки до смерти. Разумеется, в Российской империи, как и в СССР были не только репрессии и угнетение. Но их резкое противопоставление означает только одно – апологию самодержавия и сознательное тенденциозное очернение советской истории. Удивительно, что Совет, как-то связанный с правами человека, благоволит этой апологии крепостничества и самодержавной репрессивности.

Авторы ломятся в открытую дверь, когда утверждают: «Российская идентичность должна, наконец, основываться на том, что история России началась не в 1917», однако дальнейший выбор «героев» весьма сомнителен. Конечно, не вызывает возражений упоминание деятелей культуры, но вот приверженность авторов фигурам царей и Столыпина, прямо виновных в политических репрессиях, в том числе очевидно неправосудных, характеризует весь документ как

образчик авторитарной репрессивной идеологии, отличающейся от сталинизма своим идейным антикоммунизмом, но не более.

Явной передержкой является и лозунг «вся Россия – «большая Катынь»». На карте России есть места, связанные как с репрессиями (со времен князей и до наших дней), так и с достижениями культуры, поражениями и победами, историей общественных движений и т.д. Сомнительно, что попытка закрасить всю территорию Россию грязно-черной краской и вообще реализация программы, основанной на двойных стандартах, «вызовет к жизни не эрзац, а реальное массовое патриотическое движение». Ничего, кроме углубления раскола в обществе реализация такой программы вызвать не может.

3. Авторы документа, к сожалению, не проявили высокого уровня общеисторической подготовки. В документе содержится целый ряд безграмотных либо сознательно идеологизированных суждений. В этой связи вызывает опасение претензия авторов на цензуру учебников истории. Что можно будет сказать об учебниках, в которых будет утверждаться, например, что нам еще только предстоит «окончание гражданской войны, развязанной в 1917 г.». Вероятно, авторы столь сомнительной теории заставят авторов учебников придумывать боевые действия этой «войны», которые шли, например, в 1925 г. или 1975 г. Вряд ли подобное мракобесие вызовет «поддержку программе модернизации страны со стороны наиболее образованной и активной части населения». Скорее наоборот, это вызовет отторжение образованных граждан от подобной «модернизации» исторической науки.

Требуя «*создать современные курсы отечественной истории для средней школы,* свободные от старых и новых мифологем, сочетающие системность и историзм изложения с отчетливой нравственной, правовой, гражданской и политической оценкой событий», авторы снова ломятся в открытую дверь, так как такие учебники созданы, и по ним давно учатся школьники в России. Но понятно, что авторов не устраивает относительно сбалансированный подход к прошлому, и они стремятся переписать учебники в духе своих маккартистских принципов.

4. Вызывает сомнение, что международную поддержку, которую обещает программа руководству страны, вызовут утверждения такого рода: «Но при этом она должна быть инициирована Россией, как наиболее пострадавшей из стран, переживших тоталитаризм». Вероятно, с этим не согласятся представители таких стран, как Украина и Казахстан. Сложной будет и реакция КНР на подобные утверждения, так что дипломатический успех программы сомнителен.

5. Даже выступая с благим пожеланием создания новых памятников репрессированным, авторы не знают меру. Никакого бюджета не хватит, если создавать памятные сооружения или даже доски во всех местах, где репрессированных «арестовывали и откуда их вывозили». Тем более, что если быть последовательными, такие же памятники нужно создавать и в местах, откуда «вывозили» жертв царизма и крепостничества – то есть по всей стране.

6. Представляется абсурдным предложение переименовать действительно сомнительный праздник 4 ноября в «*День памяти жертв гражданской войны и национального примирения*». Мотивировка этого предложения представляет собой просто образчик безграмотности, начиная с «окончания длившейся почти целый век гражданской войны» и кончая главным утверждением: «Такое переименование тем более логично, что и события 1612 года символизировали конец «смуты», то есть фактически были окончанием гражданской войны». Если бы авторы в свободное от составления подобных программ время почитывали научную историческую литературу, они бы знали, что «гражданская война», отягощенная интервенцией, продолжалась в России до 1618-1619 гг. Период 1612-1618 гг. дольше, чем весь период 1917(1918)-1922 гг., то есть реальной гражданской войны в России.

7. Крайне опасным является предложение «*принять Закон о топонимике*, запрещающий увековечивать в названиях населенных пунктов, улиц, площадей и т.д. память лиц, несущих ответственность за массовые репрессии и другие тяжкие преступления против прав и свобод граждан». В этом случае придется стирать с карты России все упоминания многочисленных государственных деятелей досоветского периода, потому что они от Александра Невского до Петра I и той же Екатерины II, виновны в репрессивной политике. Но, учитывая двойные стандарты авторов, можно не сомневаться, что такой закон, буде он принят, послужит орудием новой маккартистской кампании.

Двойные стандарты, кричащая идеологизированность и приверженность авторитарным маккартистским принципам делает документ неприемлемым для принятия любым учреждением, которое намеренно бороться за права человека и укреплять институты гражданского общества. В связи с этим экпертирование приложений считаю излишним – сами принципы документа должны быть решительным образом пересмотрены.

СУХОВА Ольга Александровна,
д.и.н., зав. кафедрой новейшей
истории России и краеведения
Пензенского государственного
педагогического университета

Тема обретения утраченного единства для российской цивилизации оставалась актуальной во все времена. Тезису, подобному этому, вряд ли кто осмелится возразить. Равно как и констатации наличия в национальной ментальности такого мощного основания как патернализм (патриотизм), причем наличие всевозможных спекуляций в этом отношении («кузьма-крючковщина» и т.п.) лишь подтверждает это утверждение.

На другой чаше весов покоится проблема незавершенности, некомплексности российской модернизации, и, прежде всего, процесса демократизации механизма властно-политического регулирования и социальных институтов. В этой связи также можно напомнить, что вопрос о противостоянии «почвы» и «цивилизации» имеет такую же давнюю историю, как и сама идея модернизации страны по европейскому образцу.

И, пожалуй, еще одним посылкой, предваряющей ход рассуждений, может выступить сравнение России как цивилизации с мифической птицей-Феникс, самовоспламеняющейся и возрождающейся из пепла. Возникновение и укрепление государственности и ее гибель как две крайности выражают собой предельно-критическое состояние цикличности исторического развития нашей страны (движение вокруг метаисторического центра)[3]. И даже феномен российских революций XX века многие современные исследователи интерпретируют посредством крушения государственности[4].

Исходя из подобных концептуальных положений, нельзя не обратить внимания на противоречивый и паллиативный характер программы рабочей группы по исторической памяти. При этом под большинством предложений можно уверенно поставить свою подпись: кто же осмелиться возражать против необходимости увековечивания памяти жертв политических репрессий, поддержки оставшихся в живых узников ГУЛАГА и иных категорий граждан, безвинно пострадавших от репрессивной практики государства, наконец, кто из исследователей возьмется возвысить голос против рассекречивания архивов и получения доступа к новым документам по истории многострадального XX века. Не может не вызывать уважение подвижническая во многих отношениях деятельность общества «Мемориал».

И общая цель программы сформулирована как обеспечение поддержки модернизационных процессов, как модернизация сознания, что также можно только приветствовать. Однако, на наш взгляд, предложенные средства отнюдь не способствуют эффективному достижению цели.

Ставя во главу угла чувство ответственности перед историей, необходимо с этим критерием подходить к проблемам российской цивилизации в целом, ведь акцентированием внимания только на проблеме «винословия», личной ответственности за преступления политиков прошлого, мы имеем опасность скатиться в другую крайность. Демонизация образа российской революции 1917 г., всего советского опыта (а мы должны согласиться с тезисом о том, что гражданская война, развязанная большевиками, все еще продолжается, пока не наступит всеобщего покаяния) в силу выше приведенных положений неминуемо приведет к дискредитации идеи государства в общественном сознании. Наш исторический опыт изобилует подобными примерами. Так, в период демократической революции 1987–2000 гг. юридическое оформление ответственности советского руководства за подписание пакта Молотова-Риббентропа и ввода войск в Афганистан (и здесь мы имеем дело с навязан-

[3] Булдаков В.П. Революция как проблема российской истории // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 53–63.

[4] См., например: Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции от Кромвеля до Путина. М., 2004.

ной обществу западной трактовкой событий, причем рассматривался сам факт принятия решений, вырванный из своего исторического контекста) стало важнейшим этическим фактором терминации самой идеи государства в массовом сознании. Вне зависимости от личной позиции каждого принимать постановления Съезда народных депутатов о признании политической ошибкой решений режимов прошлого в связи с юбилейными датами по меньшей мере нерационально. Как здесь не вспомнить слова П. Н. Милюкова: «Что это – глупость или измена?». Возникает закономерный вопрос, насколько проблема обретения общественного согласия и единения опосредована ослаблением государственных скреп на теле нации, и может ли огульная дискредитация истории государства рассматриваться как условие модернизации? Насколько объективными будут оценки переписанных заново по требованию авторов программы учебников истории, в которых «блистательной» названа только эпоха от Екатерины Великой до 1917 г.? Разве этого мы уже не проходили? И почему проблемы защиты гражданских прав и свобод необходимо рассматривать только применительно к советскому периоду?

В данном контексте одним из очевидных «пороков» предложенной концепции «десталинизации» является стремление ее авторов, говоря словами выдающегося американского советолога Моше Левина, «волюнтаристически» «расширить границы» сталинизма, приписать его начало к 1917 г. и «продлить «агонию» до времени распада СССР»[5]. На наш взгляд, этот подход антинаучен и не соответствует реальной истории России советского периода, которая не сводится лишь к сталинским репрессиям.

И здесь налицо две концептуальные ошибки разработчиков проекта «десталинизации», присущие не только им, но и многим другим современным исследователям истории СССР. На них очень точно указал вышеупомянутый Моше Левин: «Первая ошибка состоит в том, что исследование Советского Союза чаще всего подменяют антикоммунизмом. Вторая является следствием первой и состоит в сталинизации всего советского феномена, словно это был один гигантский ГУЛАГ от начала до конца. Однако антикоммунизм (равно как и все его ответвления) отнюдь не может быть основой осмысления советской истории»[6].

В этом же ключе рассуждения философа В.М. Межуева, которые мы также разделяем: «Спросите себя сами, что из прошлого вам дорого, что должно быть продолжено, оставлено, что поможет вам встретить будущее… Если в прошлом не содержится ничего позитивного, тогда нет и будущего, и остается только «забыться и заснуть». Будущее без прошлого не является исторической судьбой России. Те, кто хотят стереть историю XX века, века больших катастроф, должны также попрощаться и с великой Россией»[7].

Если принять обсуждаемую концепцию «десталинизации», то следует как минимум предать забвению, например, факт полета в космос Ю.А. Гагарина, являющегося «продуктом сталинизма», юбилей которого широко отмечается в настоящее время в России. Также подавляющему большинству россиян придется осудить своих родителей, дедов, прадедов, многочисленных родственников только за то, что они жили в сталинское и постсталинское время, были «советскими людьми». Но ведь они никого не предали, а защищали Родину, честно прожили свою жизнь, воспитали нас, в том числе и авторов данного «проекта»!

Фанатичное самобичевание, к сожалению, не решит проблемы стагнации общественного развития. Стоит ли использовать опыт флагеллантов из средневековой европейской истории, следуя архаичным поведенческим стратегиям в целях смягчения гнева Божия? Кроме того, фетишизация темы покаяния за преступления тоталитаризма может выхолостить гуманистическую сущность движения за права человека в РФ. На фоне растущей имущественной дифференциации, незащищенности рядовых россиян перед криминальным миром и коррумпированной бюрократией тема нового витка монументальной пропаганды выглядит не очень убедительно и не встретит массовой поддержки.

Но скорее всего можно предположить, памятуя об «исполнительности» российской бюрократии, что в деятельности местных

5 Моше Левин. Советский век / Пер. с англ. В. Новикова, Н. Копелянской. М., 2008. С. 17 – 18.

6 Там же. С. 594.

7 Межуев В.М. Отношение к прошлому – ключ к будущему // Куда идет Россия? Кризис институциональнфых систем: век, десятилетие, год. М., 1999. С. 47.

властных структур возобладает формальный подход к выполнению поставленных задач (и в каждом школьном музее появится нужная экспозиция и отчеты о реализации программы будут впечатлять своими цифрами, но цель останется далекой и туманной), а затем вновь появиться аллюзия о «перегибах на местах».

Не меньше сомнений вызывает презентация темы укрепления межнационального единства на постсоветском пространстве и международного престижа государства под девизом: «Россия – большая Катынь». Признание ответственности за гибель польских военнопленных и за репрессии в отношении собственного населения необходимо прежде всего нам, россиянам, но вряд ли это в ближайшее время кардинальным образом изменит имидж России за рубежом и в странах СНГ. Постоянно извиняющийся и кающийся человек выглядит слабым и беспомощным, и уважения не вызывает. Репутация государства не меняется в одночасье и в перспективе только продуманная и взвешенная социально-экономическая политика, достижение качественно иного технологического уровня, и самое главное, формирование гражданского общества, эффективной системы гарантий защиты гражданских прав и свобод может послужить основой для формирования нового образа России. Задача исторической науки в этом отношении состоит в изучении факторов, способствующих и препятствующих модернизации, но только посредством комплексного объективного анализа, свободного от сиюминутного политического заказа.

Хотелось бы надеяться, что свободное обсуждение программы приведет к определенной интеллектуальной рефлексии, блокирующей появление новых мифов и иллюзий, препятствующей манипуляции общественным сознанием. ■

Проект фонда "Историческая память"

Жертвы националистического террора в западных регионах СССР

На протяжении долгих лет история деятельности вооруженных националистических формирований на территории западных регионов Советского Союза оставалась запретной для исследователей темой. Наличие масштабного антисоветского вооруженного подполья в республиках Прибалтики, на Западной Украине и в Западной Белоруссии не укладывалось в прокрустово ложе официальной идеологии, оперировавшей понятиями единства советских народов и прогрессивности советского строя.

После распада Советского Союза история ожесточенной «войны после войны» в западных регионах СССР оказалась в центре внимания политической элиты независимых государств. Необходимость создания национальной мифологии с четко заданными антироссийскими параметрами повлекла за собой постройку нового пантеона национальных героев.

Фонд «Историческая память» считает подобное положение недопустимым. Мы уверены, что память невинных жертв националистического террора должна бережно сохраняться и увековечиваться – точно так же, как и память о невинных жертвах советских политических репрессий. Мы так же уверены, что делать это надо даже тогда, когда ответом на мемориализацию памяти жертв могут стать репрессии со стороны тех, кому милее убийцы. Мы убеждены, что только доскональное, основанное на серьезной источниковой базе, исследование всех аспектов деятельности антисоветских националистических формирований в западных регионах СССР позволит понять и преодолеть эту трагическую страницу нашей общей истории.

Сознавая, что проблема сохранения памяти о жертвах националистического террора актуальна для Белоруссии, Латвии, Литвы, Польши, России и Эстонии, фонд «Историческая память» начал реализацию проекта по созданию общедоступной электронной базы данных жертв националистического террора в западных регионах СССР.

Фонд "Историческая память" призывает всех, кому небезразлична память о невинных жертвах всевозможных "лесных братьев", поддержать реализацию проета

http://lists.historyfoundation.ru/

Статьи

Юрий Бахурин

Принудительные миграции еврейского населения России в годы Первой мировой войны: причины и последствия

На сегодняшний день история Первой мировой войны и участия в ней России полна лакун. И если аспекты военно-исторической проблематики в последнее время исследуются все интенсивнее, то рассмотрение социальной истории России в 1914-1917 годах лишь набирает обороты. Одним из основных вопросов этого плана является вопрос национальный. Отношения национальностей в Российской империи в условиях военного времени требуют внимательного изучения для понимания последствий этих отношений и войны в целом для страны. Тем самым проясняются причины запуска механизмов революции в 1917 году.

Настоящая статья посвящена вопросу, стоящему особняком – принудительным миграциям еврейского населения России в годы Первой мировой войны. Данный термин, использовавшийся профессором П.М. Поляном, имеет двойное значение: как насильственное перемещение лиц еврейской национальности, так и движение массы беженцев из их числа с западных границ России вглубь страны. Этот аспект, остающийся объектом острой полемики, до сих пор недостаточно исследован отечественными специалистами, и поэтому заявленная тема может вызвать у читателя недоумение: что стало причиной столь радикальных и масштабных мер и какие они повлекли за собой последствия? В этой связи рассмотрение вопроса, на наш взгляд, будет резонно начать с предшествующих войне десятилетий.

К 1881 году едва ли не нормой для российского общества стала обозначенная консервативным мыслителем и историком Д.И. Иловайским позиция: вторым после поляков по численности и деструктивной мотивировке элементом революционного движения являются евреи[1]. Такая точка зрения последовательно отразилась на отношении к евреям в армейской среде.

К примеру, за период нахождения на посту военного министра П.С. Ванновского – с 1881 по 1898 год – был составлен перечень должностей, на которые не допускались евреи и поляки, весьма громоздкий и переполненный разного рода оговорками. В 1910 году Н.Н. Янушкевич выдвигал предложение изъять евреев из состава вооруженных сил[2], что, по его мнению, было «возможно лишь при условии совершенного удаления евреев из пределов родины или путем возложения на них денежного налога». Столь радикальные меры обосновывались данными о большом недоборе в армию евреев-новобранцев в 1901-1908 годах и о значительном количестве евреев-солдат, сдавшихся в плен во время русско-японской войны 1904-1905 годов, однако были признаны трудновыполнимыми и не получили хода. Янушкевич, между тем, не оставил своих призывов даже с началом войны.

Следует отметить, что к началу XX века заметно выросла и динамика эмиграции евреев из Российской империи. Например, в Североамериканские Соединенные Штаты: количество отбывших туда в 1881-1897 годах составило 465 тыс. человек[3], тогда как лишь за 1903-1906 годы, по утверждению члена I Государственной Думы от фракции кадетов Левина, в Америку уехали 400 тыс. евреев[4]. Однако этот показатель является частным, и он едва ли ощутимо влиял на атмосферу в обществе. Катализатором активной политики антисемитизма, начиная с 1914 года, стала шпиономания.

Как справедливо замечает историк У. Фуллер, «невозможно спорить с тем, что в годы Первой мировой войны среди российских евреев [...] были немецкие шпионы»[5], что подтверждается уже фактом сообщения Германии о планах российской мобилизации торговцем Пинкусом Урвичем. В этой связи немудрено, что уже в конце августа 1914 года в донесении Варшавского губернского жандармского управления сообщалось о росте враждебности поляков по отношению к евреям, подозреваемым в содействии врагу. Пос-

ледние фигурировали в качестве обвиняемых или подозреваемых в 20-30% дел, заведенных контрразведывательными органами 2-й, 8-й и 10-й армий[6].

Ни Ставка, ни командование на местах не замешкались с действенными мерами: первым – уже в начале августа 1914 года – было выселено еврейское население Яновца Радомской губернии. Чуть позже за ним последовало население посада Рыки, Мышенца Ломжинской губернии и Новой Александрии Люблинской губернии, причем последней выселение евреев коснулось дважды: в конце августа и в начале сентября 1914 года. В октябре эта участь не миновала евреев из местечек Пясечна, Гродзиска и Скерневиц Варшавской губернии; в частности, из Гродзиска было выселено 4 тыс. человек (включая 110-летнюю старуху[7]).

В самом начале войны русская общественность ужасалась бесчинствам, устраиваемым германскими войсками в Царстве Польском, когда, например, в Калише была расстреляна еврейская девушка Зейм, отвергнувшая гнусное предложение отдаться немецкому офицеру[8]. Однако уже в ноябре 1914 года в качестве необходимой меры рассматривался приказ войскам укрепленного района (крепость Новогеоргиевск) от 27 ноября 1914 года, гласивший: «[…] При занятии населенных пунктов брать от еврейского населения заложников, предупреждая, что в случае изменнической деятельности какого-либо из местных жителей заложники будут казнены»[9]. И это при том, что евреи составляли более половины населения самого Новогеоргиевска и его окрестностей[10] – они составляли подавляющее большинство населения Нового Двора, входившего в крепостной район[11].

Позднее, в мае 1915 года, видимо, не удовлетворившись результатами локального проведения такой политики, Ставка отдала предписание практиковать взятие в заложники евреев на всем фронте. К счастью, существовавшая в Гродненской губернии политика запрета на пересылку корреспонденции и прессы на идише[12] не получила столь широкого распространения: даже к 1 июня 1916 года евреи в Гродно составляли 63,51% общего количества жителей.

После начала Горлицкого прорыва и отступления русских войск из Галиции за ними потянулось гражданское население. Для въезда в пределы Российской империи с начала оккупации полагалось получать пропуск. Сделать это можно было не только в канцелярии генерал-губернатора, но также у градоначальника, губернаторов, начальников уездов, и пропуска в спешке выдавали всем, кроме евреев[13].

Перемещение масс беженцев стало выходить из-под контроля, что повлекло за собой резкое затруднение работы транспорта. Еще в октябре 1914 года германские войска, уходившие из левобережной Польши, в качестве заграждения от преследования широко применяли специально выведенные ими из строя железнодорожные пути, мосты и переправы[14]. Поэтому менее чем год спустя тяжелейшее отступление русских войск из западных губерний сильно осложнилось трудностями с эвакуацией населения. Если к концу июня передислокация войск по железной дороге встречала препятствия в виде отправки эвакуируемого имущества по настоятельному требованию «некоторых начальствующих лиц»[15] и проблема еще не приобрела размаха, то к осени лишь за месяц беженцами было захвачено 115 тыс. товарных вагонов. «Русские и еврейские беженцы, как саранча, двигаются на восток, неся с собою панику, горе, нищету и болезни»[16], – эмоционально, но, по сути, верно вспоминал начальник императорской дворцовой охраны генерал-майор Отдельного корпуса жандармов А.И. Спиридович. Поток голодающих беженцев серьезно осложнил уже наметившийся продовольственный кризис в Петрограде.

«Вошь давно поедает беженцев [...]. Многие таборы сделались рассадниками вшивой заразы. Для борьбы с этой расползающейся нечистью беженцы разводят среди поля большое пламя и на этих кострах-вошебойках выпаливают кишащее паразитами белье»[17], – свидетельствует очевидец, военный врач Л.Н. Войтоловский.

Весь маршрут этого массового бегства был помечен небольшими холмиками с установленными на них наспех сколоченными крестами. Ни одна из общественных или правительственных организаций не была готова к такому ужасному положению – ни земские, ни городские управы, ни органы Красного Креста, ни губернская администрация. Все они принимали спешные меры с целью хоть как-то упорядочить движение беженцев[18]. Еще в 1914 году был создан Еврейский комитет помощи жертвам войны (ЕКОПО), но даже с признанием властью и поддержкой с ее стороны он был неспособен оказывать

содействие в требуемом объеме евреям-беженцам и людям, выселенным из западных губерний.

Более того, даже в Главном управлении по устройству беженцев были сильны настроения подозрительности – своеобразное мнение на сей счет высказывается в воспоминаниях уполномоченного Северопомощи полковника Е.А. Никольского: «[…] Вообще еврейское население было послушно какимто мне неизвестным распоряжениям, исходившим из какого-то центра […], которым они все безусловно повиновались». И далее: «[…] Все решительно евреи, населявшие […] Польшу и Белоруссию, остались на своих местах жительства»[19]. Справедливости ради упомянем о свидетельстве генерала Эриха Людендорфа, где говориться, что часть евреев, оставшаяся на оккупированной территории, не создавала затруднений германским войскам и даже выполняла роль их посредников[20].

Конфликты между населением, руководством на местах и евреями намеренно разжигались. Например, в Черкасском и Чигиринском уездах Киевской губернии руководство отделов Союза Русского Народа настраивало крестьянское население против еврейских беженцев. Эти действия едва ли имели успех (так как уездным правым организациям не хватало поддержки со стороны населения), но были весьма показательными как пример искусственной эскалации межэтнических конфликтов националистически настроенными слоями общества.

В самый разгар «Великого Отступления» русской армии и интернирования еврейского населения из прифронтовой полосы, в августе 1915 года, крупный землевладелец, убежденный правый Г.А. Шечков писал редактору «Московских ведомостей» Л.А. Тихомирову: «Черта оседлости и еврейские законы, по-моему, крайне недостаточны, но отменять их теперь […] было бы для России гибелью»[21].

Между тем, последовательно проводимая верхами антисемитская политика завершилась ликвидацией черты оседлости. 4 августа 1915 года по предложению князя Щербатова евреям было дано право жительства в городских поселениях вне черты оседлости, за исключением столиц и территорий, находящихся в ведении Военного министерства и министерства Двора[22]. Распоряжением «О разрешении евреям жительства в городских поселениях вне черты общей их оседлости» от 19 августа 1915 года еврейским беженцам был открыт свободный доступ на территорию метрополии; размещать их в сельской местности было по-прежнему запрещено, но после Февральской революции 1917 года эти ограничения были сняты.

Интернирование еврейского населения западного порубежья России продолжалось и после завершения «Великого Отступления» русской армии – по сообщению М.К. Лемке, к весне 1916 года «галичан выселено в Астраханскую губернию 1903 и еще подлежит высылке – 2 200 человек. Из Ровно после еврейской пасхи будет выселено в Курскую губернию 2 000 евреев»[23].

Как сообщалось в одном из сотен прошений еврейских общин, выселенных из Польши и Прибалтики: «Старики и дети, роженицы и больные тянутся вереницей в темных вагонах, на подводах и пешком, голодные, полунагие, вынужденные в один день бросить все свое достояние [...]. Этой участи не избежали даже жены и дети воинов-евреев, проливающих свою кровь за честь и славу России, а равно и сами воины-евреи, отпущенные домой вследствие полученных ран»[24]. Антисемитские настроения в определенных слоях российского общества при этом только разгорались с небывалой силой.

Если в Тамбовской губернии еще к концу 1915 года не были редкостью случаи бесплатного предложения беженцам квартир для размещения, то уже весной следующего года участились случаи их выдворения из жилищ при полном отсутствии свободных помещений[25].

Ранее 146 евреев – австрийских подданных, женщин, стариков и детей – были отправлены в товарных вагонах в Ирбит. Местный уездный исправник, не зная, что делать, на всякий случай заключил их в тюрьму...

Ситуация с беженцами оставалась острой и к 1917 году, например в Казанской и Нижегородской губерниях. В Нижнем Новгороде к весне 1917 года беженцы составляли 15% от общего населения города[26].

Местное население было крайне отрицательно настроено по отношению к нерусским беженцам, усугублявшим нехватку продовольствия. В конце июля в городе вспыхнул бунт; правительственный военный отряд был обстрелян вооруженными эвакуированными лицами и черносотенцами[27]. Во избежание углубления конфронтации и выхода ситуации из-под контроля властей с сентября 1917

года партии беженцев отправлялись из Нижнего Новгорода в Вятку, Уфимск и Симбирск на баржах.

Около 12 тыс. поляков, 3 тыс. евреев, 2,5 тыс. литовцев и сотни латышей были эвакуированы в Смоленскую губернию в 1915-1916 годах[28].; немалая их часть затем осела в Смоленске, пополнив ряды безработных жителей губернского центра, население которого к 1917 году увеличилось с 75 тыс. до 85 526 человек.

Еще в разгар эвакуационных мероприятий над вывезенными в Смоленск евреями был усилен полицейский надзор, они открыто обвинялись в ухудшении положения в губернии. Так, в августе 1915 года смоленский губернатор обвинил купца Мелиаха Полонского в спекуляции. В течение года было возбужден ряд иных уголовных дел в отношении евреев, причем большая часть этих дел была прекращена из-за отсутствия состава преступления[29].

Как вспоминал генерал М.В. Грулев, в одном из местечек Седлецкой губернии инвалида русско-японской войны оставили без средств к существованию, за исключением трехрублевого пособия, на которое можно было умереть от голода. Причиной тому стало еврейское происхождение инвалида, мешавшее занятиям коммерцией, даже в рамках содержания питейного заведения. Разрешение товарища министра финансов Покровского на открытие безруким ветераном своего дела было дезавуировано местным акцизным чиновником[30].

По данным английского историка П. Гетрелла, 17% от общего количества еврейских беженцев осело в центральных губерниях России, более 14% обосновалось в Поволжье, тогда как для 4% путь пролег на Урал и в регионы Сибири[31]. Приток мигрантов в этих областях, по словам историка права Е.М. Кулишера, за два коротких года превысил количество переселившихся в Сибирь с 1885 года[32].

Подчас переселившиеся туда лишались даже возможности почтовой связи – например, в Вятке вся перлюстрированная корреспонденция на идише не отправлялась адресату, а оставалась в местной почтовой конторе для изучения и хранения. Несмотря на установку «переписка на еврейском языке способствует шпионажу», ничего предосудительного в ней выявлено не было[33].

При этом для писем от нижних чинов и офицеров действующей армии командованию с обвинениями в адрес евреев-фронтовиков препон не существовало. Уже в начале кампании 1914 года генерал Лукомский получил анонимное донесение из 5-й батареи 32-й артбригады, из которого следовало, что «жиды – суть враги Отечества, а между тем они пользуются в батарее особым покровительством и обвешиваются Георгиевскими крестами»[34]. К чести командующего дивизией, он незамедлительно потребовал разыскать доносчика, однако поиски вполне ожидаемо завершились ничем.

В этой связи не заслуживает оправдания, но и не удивляет факт службы евреев в легионе «Украинских сечевых стрельцов»[35], выступления с оружием в руках против русских войск, в которых служили их братья. При этом в западной литературе встречается информация о едва ли не гуманном отношении к евреям в Австро-Венгрии в годы войны; историк Б. Паули насчитывает 41 365 беженцев из их числа, осевших в Богемии, и 18 487 человек, выдворенных из Галиции в Моравию[36]. Цифры и вправду несравнимы с вышеприведенными данными.

При этом автор вовсе не упоминает о концентрационном лагере Талергоф в Штирии, а ведь содержавшиеся в нем пленные русские и евреи подвергались одинаково тяжким истязаниям. Например, по воспоминаниям очевидца, униатский священник угрозами и побоями был принужден везти на тачке еврея, которого позже заставили возить священника. Более того, в Германии выселение десятков тысяч евреев как «нежелательных элементов» практиковалось еще задолго до начала Первой мировой[37].

Однако каково же общее количество интернированных евреев в России в годы войны? В научной литературе нет единого мнения на этот счет. В 1914-1917 годах до 5 млн человек[38] (специалистами приводятся и цифры в 6[39] и в 7,5 млн человек[40]) вынуждены были уйти из родных мест в глубь страны с надеждой на скорое возвращение. Из них, по данным американского историка К. Финка, 500 тыс. человек составляли представители еврейской народности[41]; другие ученые, в том числе выдающийся специалист по истории российского еврейства Дж. Клиер, увеличивали их число до 600 тыс.[42]. Эти цифры представляются правдоподобными, если вспомнить о докладе премьер-министра И.Л. Горемыкина Николаю II от 15 мая 1915 года, упомянувшего о 300 тыс. евреев, подлежав-

ших выселению из одной лишь Курляндской губернии и добавившего, что «общее количество выселяемых, несомненно, во много раз превысит приведенную цифру». В то же время известный исследователь Алан Крамер безапелляционно рассуждает о более чем миллионе изгнанных евреев, но это предположение ничем не подкрепляется и не может быть принято на веру[43].

Так или иначе, эти цифры колоссальны, и за ними – не сухая статистика, а беспримерные тяготы и лишения, вынесенные в подавляющем большинстве своем мирным населением империи, не уличенным в изменнической деятельности. Столь масштабные переселения были во многом спровоцированы охватившей Россию – от обывателей до армейской верхушки! – шпиономанией, акцентированной главным образом на евреях. Она привела к дестабилизации социально-экономического положения центральных и восточных регионов государства, подчас сильно заметной, что дало основания известному исследователю этой проблемы Г.З. Иоффе задаться вопросом: не те ли, неправедно выдворенные с места жительства, соломоны в итоге оказались в «кожаных куртках военного коммунизма и двадцатых годов»[44]? Наконец, важнейшим и несомненным признаком принудительных миграций еврейского населения России в 1914-1917 годах является их национальная направленность, логически следовавшая из довоенного отношения общества и власти к «нетитульной народности».

И если проводимые доктором исторических наук О.В. Будницким параллели между истреблением евреев формированиями Белого движения в годы Гражданской войны в России и Холокостом[45] являются спорными, то происхождение этой шовинистической политики из реалий государственного антисемитизма дореволюционной России представляется очевидным. Несомненно, эта проблема заслуживает дальнейшего всестороннего, углубленного изучения, так как ее актуальность и острота остаются неизменными. ■

---

1 См.: **Будницкий О.В.** В чужом пиру похмелье: Евреи и русская революция // Евреи и русская революция: Материалы и исследования. М.; Иерусалим, 1999. С. 3.

2 **Миндлин А.Б.** Проекты Объединенного дворянства России по «еврейскому вопросу» // Вопросы истории. 2002. № 4. С. 19; **фон Хаген М.** Пределы реформ: национализм и русская императорская армия в 1874-1917 гг. // Отечественная история. 2004. № 5. С. 44.

3 **Stampfer S.** Patterns of Internal Jewish Migration in the Russian Empire // Jews and Jewish life in Russia and the Soviet Union. London, 1995. P. 43.

4 **Галай С.М.** Еврейские погромы и роспуск I Государственной Думы в 1906 году // Вопросы истории. 2004. № 9. С. 38.

5 **Fuller W.C.** The Foe Within: Fantasies of Treason and the End of Imperial Russia. Itchaca (NY), 2006. P. 173; в пер.: **Фуллер У.** Внутренний враг: Шпиономания и закат императорской России. М., 2009. С. 206.

6 См.: **Иванов А.А.** Образ спецслужб Российской империи в общественном сознании в период Первой мировой войны (1914-1917) // Известия Самарского научного центра РАН. 2008. Т. 10. № 4. С. 1048.

7 **Полян П.М.** Не по своей воле… История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 29.

8 Цит. по: **Резанов С.А.** «Немецкая армия… может конкурировать с воинами каннибалов» // Военно-исторический журнал. 1998. №3. С. 29.

9 Документы о преследовании евреев // Архив русской революции. Берлин, 1928. Т. 19. С. 247-248; Из «Черной книги» российского еврейства: Материалы для истории войны 1914-1915 гг. // Еврейская старина. Пг., 1918. Т. X. С. 215; The Jews in the Eastern war zone. N.Y., 1916. P. 53; **Pinson K.S.** Essays on anti-Semitism. N.Y., 1946. P. 144.

10 **Cohen C.G.** Shtetl Finder Gazetter: Jewish Communities in the 19th and 20th Centuries in the Pale of Settlement of Russia and Poland, and in Lithuania, Latvia. Bowie (Md.), 1989. P. 63-64; **Levin S.**, **Orbach V.** Encyclopedia of Jewish Communities – Poland: Vol. IV: Warsaw and District, Yad Vashem. 1989. P. 216.

11 РГВИА. Ф. 13139. Оп. 1. Д. 199. Л. 4.

12 **Черепица В.Н.** Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны. С. 283.

13 **Пашаева Н.М.** Очерки истории русского движения в Галичине XIX-XX вв. М., 2001. С. 154.

14 **Зайончковский А.М.** Мировая война 1914-1918 гг. М., 1938. Т. 1. Кампания 1914-1915 гг. С. 233.

15 Приказ Главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта. 23 июня 1915 г. № 245.

16 **Спиридович А.И.** Великая война и Февральская революция 1914-1917 гг. Нью-Йорк, 1960-1962. С. 147.

17 Цит. по: **Войтоловский Л.Н.** Всходил кровавый Марс: по следам войны. М., 1998. С. 344.

18 Цит. по: **Гурко В.И.** Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914-1917 гг. М., 2007. С. 157.

19 Цит. по: **Никольский Е.А.** Записки о прошлом. М., 2007. С. 214-215.

[20] **Людендорф Э.** Мои воспоминания о войне 1914-1918 гг. Минск, 2005. С. 185.

[21] Цит. по: Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914-1917 годах // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 125.

[22] **Айрапетов О.Р.** Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию 1907-1917. М., 2003. С. 106.

[23] **Лемке М.К.** 250 дней в царской ставке 1916. Минск, 2003. С. 386.

[24] Из истории и мифологии революции. Почему евреи? «Круглый стол» // Отечественная история. 2000. № 2. С. 101.

[25] **Курцев А.Н.** Беженство // Россия и Первая мировая война. Материалы международного научного коллоквиума. СПб., 1999. С. 143.

[26] **Badcock S.** Politics and the People in Revolutionary Russia: A Provincial History. Cambridge (Mass.), 2007. P. 225; **Gatrell P.** A whole empire walking: refugees in Russia during World War I. Bloomington (IN), 1999. P. 3.

[27] **Чхартишвили П.Ш.** Черносотенцы в 1917 году // Вопросы истории. 1997. № 8. С. 140.

[28] **Hickey M.** Smolensk's moderate socialists // Revolutionary Russia: New Approaches. London, 2004. P. 181.

[29] **Лызлова Т.** «Евреи прибрали к рукам Россию». Антисемитские настроения на Смоленщине в первой трети XX века // Родина. 2006. № 2. С. 35.

[30] **Грулев М.В.** Записки генерала-еврея. М., 2007. С. 230-231.

[31] **Gatrell P.** Domestic and International Dimensions of Population Displacement in Russia // Russia in the Age of Wars, 1914-1945. Milano, 2000. P. 45-46.

[32] Цит. по: **Gatrell P.** War, Population Displacement and State Formation in the Russian Borderlands, 1914-1924 // Homelands: War, Population and Statehood in Eastern Europe and Russia, 1918-1924. London, 2004. P. 13.

[33] См.: **Хранилов Ю.П.** «Что им за дело до чужих писем, если брюхо сыто» // Военно-исторический журнал. 1997. № 2. С. 28.

[34] Цит. по: **Милоданович В.** «Полевой жид» и его коллеги // Сержант. 2002. № 1. С. 15.

[35] **Лазарович М.** Культурно-просвітницька діяність Українських Січових Стрільців у роки Першої світової війни. Тернопіль, 2003. С. 13.

[36] **Pauley B.F.** From Prejudice to Persecution: A History of Austrian Anti-Semitism. Chapel Hill; London, 1998. P. 68.

[37] **Холквист П.** Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914-1921) в европейском контексте // Россия и Первая мировая война. Материалы международного научного коллоквиума. СПб., 1999. С. 90.

[38] Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны на территории Центрального Черноземья в 1914-1917 гг. // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и Запада России. Липецк, 1998. С. 85-86; **Zolberg A.R., Suhrke A.**, **Aguayo S.** Escape from Violence: Conflict and the Refugee Crisis in the Developing World. N.Y., 1992. P. 16.

[39] **Thackeray F.W.** Events that changed Russia since 1855. Westport (Conn.), 2007. P. 97.

[40] **Нам И.В.** Численность и национальный состав беженцев в Сибири в годы Первой мировой войны // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. IV научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: Сборник научных трудов. Барнаул. 2003. Кн. II. С. 278; **Gatrell P.** The First World War and War Communism, 1914-1920 // The Economic transformation of the Soviet Union, 1913-1945. N.Y., 1994. P. 217.

[41] **Fink C.** Defending the Rights of Others: The Great Powers, the Jews, and International Minority Protection, 1878–1938. Cambridge (Mass.), 2006. P. 71.

[42] **Klier J.D., Lambroza S.** Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern Russian History. Cambridge, 2004. P. 291; **Sterba C.M.** Good Americans: Italian and Jewish immigrants during the First World War. N.Y., 2003. P. 65.

[43] **Kramer A.** Dynamic of Destruction: Culture and Mass Killing in the First World War. Oxford, 2007. P. 151.

[44] См.: **Иоффе Г.З.** Выселение евреев из прифронтовой полосы в 1915 году // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 96. Несомненно, это выражение историка не следует расценивать некритически, т.к. моделируемая им ситуация представляется упрощенной.

[45] **Будницкий О.В.** Карающий штык добровольца // Родина. 2007. № 2. С. 74.

Виктор Кондрашин

Н.И. Махно и махновское движение на Украине: мифы и факты

Одной из самых легендарных и окутанной мифами личностью Гражданской войны является Нестор Иванович Махно – руководитель крестьянского повстанческого движения на Юге Украины в 1918-1921 годах. О его продолжающей жить славе и популярности не только в Украине, но и России убедительно свидетельствуют многочисленные факты: десятки сайтов в интернете, ежегодные шоу на родине батьки в Гуляй-Поле, документальные и художественные фильмы (например, на РТР – «Девять жизней Нестора Махно»), майки с логотипами Махно, песни об атамане в исполнении популярных групп (например, «Любэ»), надписи на заборах (и в других общественных местах) типа «Махно жив» и т.д. В этом ряду два интересных факта из личной жизни автора настоящей статьи. Во время его пребывания в Турции на отдыхе ему пришлось наблюдать интересную картину: чтение одной из многочисленных книг о Махно русским туристом с золотой цепью на груди и явно криминальным прошлым. Весь его облик во время чтения однозначно указывал, что для него Махно являлся реальным авторитетом! Второй факт – это услышанная автором данной статьи реплика одного из пассажиров поезда, сетовавшего на жизнь и в сердцах воскликнувшего: «Махно на них не хватает!».

Откуда такая необычная популярность личности Махно среди современников и на Украине, и в России? На наш взгляд, это не случайно. И сейчас Махно остается для многих из нас символом народного гнева, народной удали, народной справедливости, беспощадной силы, сметающей на своем пути зло, ассоциируемое с государственной властью, в какие бы тоги она не рядилась!

В общественном мнении и историографии прочно утвердился ряд мифов о Махно и его движении. Тезисно остановимся на них и противопоставим им реальные факты. Такая возможность имеется у нас благодаря участию в международном проекте Института российской истории РАН и Московской высшей школы социальных и экономических наук «Крестьянская революция в России», в рамках которого усилиями российских и украинских историков под руководством автора настоящей статьи и профессора Теодора Шанина из Англии был подготовлен к печати сборник документов «Нестор Махно: Крестьянское движение на Украине в 1919-1921 гг.» (М.: РОССПЭН, 2006. 1000 с.).

Миф первый. «Махно – это бандит, уголовник, психопат, алкоголик, анархист, а его войско – банда, куда силой загоняли крестьян и куда шли лица, склонные к криминалитету».

Реальные факты. Первый – о том, как советскими историками создавались фальсификации. Широкую известность в литературе приобрел дневник жены Махно Галины Кузьменко, захваченный красными в марте 1920 года. В нем приводился характерный эпизод «насильственной мобилизации» молодых крестьян села Гуляй-Поле, которых махновцы били со словами: «**Не берешь** винтовку!»[1]. В обнаруженном нами в РГВА подлинном тексте дневника эта фраза звучит по-другому: «**Не берег** винтовку!»[2]. То есть махновцы не загоняли в «банду» крестьян, а наказывали дезертиров, потерявших личное оружие.

Второй факт из указанного дневника. В опубликованном советскими историками тексте переставлена всего лишь одна запятая. Но как изменен смысл! Впоследствии этот эпизод стал основой для знаменитого советского фильма «Александр Пархоменко», где пьяный Махно под гармошку пел очень популярную ныне, ставшую уже народной, песню «Любо братцы, любо…». В советском варианте дневника Кузьменко следующим образом описывался один из эпизодов поведения Махно: «13 марта. Стоим в Успеновке. Батько и сегодня выпил. Говорит очень много, **ходит пьяный по улице с гармонией,** танцует. Весьма привлекательная картина. На каждом слове неприличное выражение. Наболтавшись и натанцевавшись заснул»[3].

В опубликованном нами варианте текст тот же, но запятая стоит в другом месте. И

этот, казалось бы, незначительный факт принципиальным образом меняет содержание. «13 марта. Стоим в Успеновке. Батько и сегодня выпил. Говорит очень много, **ходит пьяный по улице, <u>с гармонией танцует</u>...**»[4]. В действительности Махно никогда не играл на музыкальных инструментах. Поэтому в данном случае он, выпивши, шел по селу с гармонистом и приплясывал, что в крестьянской традиции считалось вполне нормальным явлением. В советском же варианте перед нами пьяный хулиган, схвативший гармонь и под несуразные ее звуки пьяными выкриками пугающий народ.

Выявленные нами факты кардинальным образом меняют представление о Махно как «дегенеративной личности». Махно любил играть в шахматы. Так, например, в период работы над книгой об известном полярном капитане и писателе К.С. Бадигине ее автором В.Е. Малязевым были собраны следующие факты. Отец К.С. Бадигина Сергей Константинович служил управляющим имением графини С.П. Дурново в селе Чутово Полтавской губернии, куда однажды прибыл Нестор Махно. Управляющий имением был приговорен батькой к расстрелу. В семье Бадигиных бытует история о том, как жене управляющего удалось спасти от смерти своего мужа: «Махно был большим любителем шахмат. Он сказал: выиграешь у меня партию в шахматы, сохраню жизнь твоему мужу и остальным. Махно партию проиграл и сдержал свое слово. Он приказал накрыть стол для ужина, разрешив всем присоединиться к столу»[5].

Махно увлекался историей, географией, литературой. Вот лишь один факт на эту тему – воспоминания француза из корпуса интервентов Стефана Роже, попавшего в плен к Махно и затем опубликовавшего свои впечатления о нем в парижской прессе. Впоследствии они были переданы наркомом иностранных дел РСФСР Г.В. Чичериным В.И. Ленину для ознакомления с личностью Махно, ставшего к 1919 году крупной политической фигурой в Украине. Приведем некоторые отрывки из этих воспоминаний: «Махно – человек среднего роста с телом гибким и нервным, выдающим человека, не занимающемся спортом. Одетый в безыскусную синюю форму, он выглядит одновременно симпатично и представительно. Живые проницательные глаза, в которых читается безграничная смелость и незаурядный ум. Он откидывает волосы назад, открывая таким образом лоб, что делает его более привлекательным и величественным [...]. Он расспрашивал меня обо всех парижских революционерах, так как он знал их работы; Махно знает также большинство идей писателей Франции, и я должен с удовольствием признать, что его оценки верны и справедливы [...]»[6]. О том, что Махно действительно знал французскую литературу, свидетельствует девиз его армии: «Один за всех и все за одного». Как известно, это девиз мушкетеров из знаменитого романа А. Дюма.

Последний факт на эту тему – это обстоятельства знакомства Махно с его будущей женой Галиной Кузьменко, работавшей учительницей в сельской школе Гуляй-Поля. Неожиданно для всех Махно решил пойти в библиотеку, находившуюся в этой школе, чтобы найти там книгу со странным названием «Физиогномика»! И искал он ее целенаправленно, поскольку должен был получить знания о психологии человека, которой и посвящалась книга. Накануне Махно пережил сильное потрясение, когда собственноручно расстрелял одного из своих бойцов за ограбление сельского мельника. Отряд Махно заночевал на мельнице, и наутро ее хозяин сообщил атаману, что его ограбили. Махно не поверил, так как речь шла о его ближайших сподвижниках, личной охране. Он пригрозил расстрелять мельника за клевету, если жалоба не подтвердится. Выстроив в шеренгу весь личный состав, Махно скомандовал «шапки долой» и стал внимательно их осматривать. В то время большинство бойцов хранили свои деньги в шапке. У одного из них между банкнотами атаман обнаружил мучную пыль. Бандит, посягнувший на имущество селянина, был лично расстрелян Махно перед всем строем. Данный факт потряс атамана, так как расстрелянный боец считался образцовым повстанцем. И Махно понял, что он плохо разбирается в людях. Именно поэтому он и пошел в библиотеку за нужной книгой – «Физиогномикой», посвященной человеческой мимике, жестам, по которым можно судить о поведении человека, особенно в период стресса.

В данном контексте следует сказать о главном. Нестор Иванович Махно восемь лет провел в тюремной камере (Бутырке в Москве), где его соседом являлся П.А. Аршинов – анархист, который и приобщил бунтаря к чтению. Именно за решеткой Махно получил свое книжное образование[7]. Это был обыч-

ный тогда путь для человека, вставшего на борьбу с существующей властью.

Миф второй. «Армия Махно – это сборище бандитов, живущих лишь грабежами, не имеющих никаких других целей, выступавших против любой власти». В этом плане показательным является эпизод из известного фильма «Хождение по мукам», снятого по одноименному роману классика советской литературы А. Толстого, когда один из идеологов махновщины сказал приехавшей к батьке делегации большевиков, что «нам не нужны железные дороги», «в будущем по всей земле будут ходить лишь свободные люди и кони», «все будут ездить на тачанках».

Реальные факты. Документы свидетельствуют, что Махно, хоть и был идейным анархистом, то есть противником государства как инструмента насилия нал личностью, но в реальной жизни он не витал в облаках, а выступал с вполне прагматичными идеями. Главной из них была идея народного самоуправления, которую он всеми силами пытался осуществлять на практике с помощью создания «вольных советов» на подконтрольной повстанческой армии территории Украины. Но это была другая «Советская власть», избранная народом, а не назначенная коммунистами. В случае победы над белыми Махно предлагал созвать Всеукраинский съезд советов, который должен был решить судьбу Украины. А до этого момента на местах должны были создаваться «вольные советы», профсоюзы, кооперативы, с помощью которых сам народ, а не чиновники-назначенцы, будет решать насущные вопросы. Кроме того, Махно считал необходимым использование организационных структур повстанческой армии (военных комендатур) для управления контролируемой ею территории. Все это реально осуществлялось Махно на практике. Никакой «анархии» у него не было. Хотя и имели место неизбежные эксцессы гражданской войны, особенно в период активной фазы боевых действий. В целом же в Гуляй-Польском районе при Махно жизнь не являлась каким-то кошмаром для населения, как об этом писали большевистские газеты.

Вот лишь некоторые факты в подтверждение сказанного.

Из выступления Махно на II-м Гуляй-Польском районном съезде фронтовиков, Советов и подотделов, состоявшегося 12 февраля 1919 году в с. Гуляй-Поле: «Если товарищи большевики идут из Великороссии на Украину помочь нам в тяжелой борьбе с контрреволюцией, мы должны сказать им: "Добро пожаловать, дорогие братья!" Но если они идут сюда с целью монополизировать Украину, мы скажем им: "Руки прочь!" Мы сами сумеем поднять на высоту освобождение трудового крестьянства, сами сумеем устроить себе новую жизнь, где не будет панов, рабов, угнетенных и угнетателей. […] Собрание голосует: 1) резолюцию, поданную Кузнецовым, причем подавляющим большинством голосов, принимает часть этой резолюции, касающуюся Временного правительства Украины и созыва немедленного Всеукраинского съезда Советов раб[очих] и крест[ьянских] депутатов для избрания трудовым народом не правительства, а Совета»[8].

Из резолюции данного съезда о земле: «Заслушав доклад о земле, обсудив его всесторонне и находя, что этот вопрос является самым наболевшим в жизни трудового крестьянства России, съезд постановил: земельный вопрос должен быть разрешен во всеукраинском масштабе на Всеукраинском съезде крестьян на следующих основаниях: вся земля в интересах социализма и борьбы против буржуазии должна перейти в руки трудового крестьянства. Исходя из принципа, что "земля – ничья" и пользоваться ею могут только те, которые трудятся на ней, кто обрабатывает ее – земля должна перейти в пользование трудового крестьянства Украины бесплатно по норме уравнительно-трудовой, т.е. должна обеспечивать потребительную норму на основании приложения собственного труда»[9].

Повстанческая армия Махно по своей организации являлась не «бандой», а напоминала регулярную армию, действующую в специфических условиях. Прежде всего, по своей структуре она воспроизводила устройство Красной Армии и дореволюционной русской армии. В ней были все необходимые организационные элементы: штаб, полки, роты, эскадроны, артиллерийский дивизион, авиаотряд с несколькими аэропланами, пулеметная команда, санитарная часть, комендатуры в занятых населенных пунктах и т.д. В то же время она имела и свои особенности.

Во-первых, это система комплектации – она основывалась на принципах добровольности. Исключение делалось в критические моменты (например, летом 1919 года), когда по решению общего съезда повстанцев объявлялась всеобщая мобилизация. Во-вторых, это сильный демократический элемент

в управлении, выражавшийся в процедуре выборов командного состава. В-третьих, идеологический компонент, определяемый необходимостью ведения пропагандистско-агитационной работы в войсках и среди населения. Он выражался в активном участии в движении анархистов, составивших костяк всех идеологических структур Махно (Реввоенсовет, культурная комиссия и т.д.).

В отрядах Махно поддерживалась дисциплина, командованием принимались все возможные меры, чтобы свести к минимуму негативные издержки войны – грабежи мирного населения, пьянство, дезертирство и т.д. Приведем наиболее типичные документы, подтверждающие это.

Из дневника Алексея Чубенко (адъютанта Махно): «[…] Вдруг к Махно пришла какая-то женщина и стала плакать и рассказывать, что один махновец ее ограбил. Тогда Махно сел в тачанку и поехал на место преступления и оттуда привез одного махновца арестованного, которого велел отправить под арест, а потом пошел в арестное помещение, которое находилось около сельского совета, и там же расстрелял этого махновца»[10].

Из протокол № 35 заседания военно-революционного совета от 20 октября 1919 года: «[…] Издать приказ по гарнизону г. Александровска о прекращении продажи спиртных напитков во всех ресторанах, столовых, а также во всех домах и в других местах, а из завода весь спирт и водку взять под свою ответственность, т. е. назначить самостоятельный караул и никому не отпускать, лишь только для лазаретов, автомобилей и важных надобностей войсковых частей, как для промывания пулеметов, а также и другого рода оружия»[11].

Из приказа № 1 повстанческого коменданта г. Бердянска Гранделя о мероприятиях, направленных на восстановление порядка в городе от 14 октября 1919 года: «Приказываю всем товарищам повстанцам платить за вход в театры; Призываю население к спокойствию и выполнению своих повседневных работ; Приказываю всем владельцам домов, а где их нет – их заместителям привести в трехдневный срок дома и прилегающие к ним площади в должное санитарное состояние»[12].

Из протокола № 45 заседания членов Военно-революционного Совета Повстанческой армии от 23 ноября 1919 года: «[…] 6) Меры борьбы с эпидемией. 1) О банях для больных и раненых повстанцев и для населения; 2) нужны лошади для дезинфекционного отряда и перевозки больных минимум 12 лошадей. Также просят издать приказ по армии – всем командирам частей, имеющим в своем распоряжении медицинский персонал, как-то: фельдшеров, сестер милосердия и сиделок, – фельдшеров и сестер два раза в неделю присылать в армейский лазарет, где будут им читать лекции на тему о подаче медицинской помощи (сестер милосердия и сиделок присылать в армейский лазарет – военно-санитарную комиссию – для освидетельствования состояния их здоровья)»[13].

Из приказа № 3 повстанческого начальника обороны г. Екатеринослава А. Калашникова от 7 декабря 1919 года: «§ 5. Повстанцам и командирам в пьяном виде на улице не появляться – за последствия я не ответственен. Мой долг перед товарищами, проливающими кровь на фронте, – запретить пьянство; § 6. Последний раз предупреждаю: не ездить лошадьми по садам – на это есть дороги»[14].

Но главная отличительная черта армии Махно – ее военная тактика. На наш взгляд, это было одно из самых эффективных в военной истории человечества партизанских движений. Махно являлся талантливейшим партизанским командиром, создавшим прекрасно управляемую воинскую единицу, успешно действующую в, казалось бы, самых неблагоприятных для нее условиях. Он разрушил существовавший стереотип о народных мстителях, скрывающихся в лесах, горах и т.д. В степной Украине ничего этого не было. Но Махно два года воевал с регулярными частями Белой и Красной армий с помощью созданной им «армии на колесах». Именно махновцы стали изобретателями легендарной тачанки – одного из символов Гражданской войны. Тысячи тачанок мчались по степям Украины и наводили ужас на большевистскую власть. В какой-то мере эта была тактика «таборитов», но возрожденная в новых условиях при наличии нового оружия – пулемета. Именно махновские тачанки сыграли решающую роль в уничтожении цвета врангелевской армии в Крыму в ноябре 1920 года – конной группы Борбовича. Развернувшись на ходу под командованием опытных махновских командиров они в течение нескольких минут буквально искрошили из пулеметов мчавшуюся на них огромную конную лаву белых.

Военные успехи махновцев во многом определялись их качественным составом. Кос-

тяк повстанческой армии Махно составили участники Первой мировой войны, унтер-офицеры, вступившие в ее ряды для защиты своих селений и завоеваний революции.

В данном контексте важным вопросом является проблема влияния на Махно и его движение анархистов. Поэтому **миф третий:** Махновское движение – это анархистское движение, которым руководили анархисты, поскольку Махно был анархистом. Создали его, как известно, сами большевики, а вслед за ними и советские историки.

На первый взгляд, действительно в истории гражданской войны махновщина – это, пожалуй, единственное массовое народное движение, в котором активное участие приняли анархисты в лице профессиональных революционеров с дореволюционным стажем. Анархисты руководили культурно-просветительной комиссией Революционной повстанческой армии, издавали махновские газеты, различные листовки и воззвания, в которых информировали повстанцев и население контролируемых Махно районов о положении на фронте, разъясняли им суть политики повстанческой армии, идей анархизма. Кроме этого, анархисты входили в состав РВС и штаба махновской армии, воевали в ее рядах как простые бойцы[15]. Анархисты принимали участие в создании махновской контрразведки, под руководством знаменитого по роману А.Н. Толстого «Хождение по мукам» Левы Задова (Зеньковского), проводили активную работу не только среди повстанцев и крестьян, но и в рабочей среде. Именно им Н.И. Махно поручал вести переговоры с Советским правительством Украины о заключении союза и поддерживать с ним дальнейшие контакты[16].

Приведенные факты не ставят под сомнение важную роль анархистов в махновщине. Но другие дают все основания для уточнения этой роли, корректировки устоявшегося мнения о махновщине как анархистском движении и определяющем влиянии на него анархистов.

Прежде всего, активное привлечение анархистов в повстанческую армию и Гуляй-Польский район стало возможным благодаря личности Н.И. Махно, который и сам был убежденным анархистом. Как уже отмечалось, в анархизме его привлекала идея народной «социальной» революции и разрушения государственной власти, всегда стоявшей на страже интересов эксплуататоров. Но особенно ему была близка идея самоуправления народа, возможность осуществления которой теоретически обосновали идеологи анархизма.

Конкретная деятельность Н.И. Махно в качестве руководителя крестьянского движения показывает, что от анархизма и анархистов он брал лишь то, что совпадало с чаяниями широких масс крестьянства, способствовало достижению целей крестьянской революции, успехам его повстанческой армии. Можно сказать, что он рассматривал анархизм сквозь призму крестьянских интересов, без колебаний идя на конфликт с анархистами в случае их действий, противоречащих, по его мнению, этим интересам.

Как видно из многочисленных источников, анархисты не обладали реальной властью в повстанческой армии, не командовали ею и не руководили Батькой Махно. Характерными в этом плане являются свидетельства адъютанта Н.И. Махно Чубенко об эпизоде с известной анархистской Марусей Никифоровой, которая попыталась самовольно распорядиться денежными средствами повстанцев. Чубенко свидетельствует, что Махно чуть не застрелил ее, когда узнал о ее самовольстве и без сожаления расстался с нею и ее вооруженной анархистской группой, недвусмысленно высказавшись в их адрес: «Куда хотите – туда и езжайте, потому что вы мне так надоели: ходите как дармоеды, ничего не делаете, а кормить вас нужно, да еще и денег давай! Знаем мы, какие вы “террористы” – готовый хлеб кушать!»[17].

В другом случае Махно без колебаний встал на сторону контрразведки и штаба армии в их конфликте с руководством Военно-революционного Совета, возглавляемого анархистами. Совет занимался политической работой в армии и среди населения, но попытался взять под свой контроль денежные средства армии, а также деятельность контрразведки. На состоявшемся 19 ноября 1919 года заседании Махно не согласился с подобными предложениями, так как ранее ряд членов Совета взяли из общей кассы «по несколько десятков тысяч и удрали». Не получила поддержки и идея об особом контроле ВРС над махновской контрразведкой, действия которой были признаны правильными, поскольку последняя, несмотря на обвинения в ее адрес со стороны членов ВРС, по мнению большинства собравшихся, в том числе Батьки Махно, все же «работала на благо трудя-

щихся». Более того, Н.И. Махно критически отозвался о деятельности Военно-революционного Совета, что вызвало особое недовольство его председателя – известного анархиста Волина. О реальной власти анархистского Военно-революционного Совета говорит тот факт, что на данном заседании члены Совета попросили Махно издать специальный приказ по армии, предписывающий, чтобы все постановления ВРС проводились в жизнь[18].

Таким образом, влияние анархистов на махновское движение имело свои границы. Им была отведена роль политических работников. Но не они вели крестьян и Махно. Махновское движение возникло на собственной почве, развивалось как самостоятельное крестьянское движение, хорошо осознавшее свои цели, вобравшее в себя только те элементы анархизма, которые способствовали их достижению. Это признавали и руководящие органы анархистов в годы гражданской войны. Например, в резолюции экстренного совещания активных работников конфедерации «Набат» прямо говорилось: «нельзя смешивать Махновское движение с анархистским движением, нельзя подменять одно другим»; «махновская армия не анархистская армия»[19].

В то же время не следует забывать, что многие анархисты самоотверженно сражались под знаменем Махно за свои идеи. Многие из них погибли, стали жертвами большевистских репрессий[20]. Сам Н.И. Махно до конца своей жизни остался убежденным анархистом. Но махновское движение не было анархистским движением, и анархисты не руководили им. Это было крестьянское движение, в котором анархисты принимали активное участие благодаря тому, что во главе его оказался анархист и идеи анархизма совпадали с крестьянскими представлениями о целях их борьбы.

Миф четвертый. «Махновцы – трусы, предатели, открывшие фронт Деникину», по их вине Красная Армия потеряла Украину летом 1919 года.

Реальные факты говорят об обратном. Повстанческие отряды крестьян, объединенные Махно в одну группу весной 1919 года и включенные в состав Красной Армии в качестве специальной бригады, воевали против белых стойко и не заслужили большевистской клеветы. И в поражении Красной Армии в Украине летом 1919 года не было их вины. Скорее, наоборот, вина целиком лежит на большевистском руководстве. Так, например, большевики, заключившие с Махно военно-политический союз весной 1919 года, всячески стремились обескровить отряды батьки. Они направляли их на самые опасные участки, в то же время не снабжая в должной мере боеприпасами. Тем не менее, махновцы стояли насмерть. Вот лишь некоторые документы на эту тему.

Телеграмма командующего 2-й Украинской армии А.Е. Скачко командующему Украинским фронтом В.А. Антонову-Овсеенко от 18 апреля 1919 года: «На участке Мариуполь – Волноваха действуют следующие силы противника: конная Кубанская дивизия 2 000 сабель, Черкесская конная дивизия 1 700 сабель, пехотная дивизия корпуса Шкуро 1 400 штыков, вторая Кубанская казачья дивизия 800 сабель, 1 батальон Самурского полка 350 штыков, Волчья сотня Шкуро 300 сабель и двенадцать орудий. Наступление этих сил задерживается разрозненными остатками бригады Махно и высланным мною батальоном интернационалистов»[21].

Телеграмма комбрига Н.И. Махно в штаб 1-й Заднепровской дивизии о срочной присылке подкреплений и патронов от 19 апреля 1919 года: «Немедленно высылайте смену 3 бригаде, ибо люди покинут фронт, т[ак] к[ак] итальянками без патронов и без пулеметов против десятков пулеметов противника люди не в состоянии устоять»[22].

Из телеграммы командующего 2-й Украинской армией А.Е. Скачко (апрель 1919 года): «3 бригада Махно, находясь беспрерывно более трех месяцев в боях, получая только жалкие крохи обмундирования и имея в придачу таких ненадежных соседей как 9-я дивизия, совершенно истощилась […]»[23].

Из доклада командующего Украинским фронтом В.А. Антонова-Овсеенко в ЦК РКП(б) от 18 июля 1919 года: «[…] части Махно […] дрались с казаками превосходно, и, нет сомнения, еще долго б отстаивали свой район, если б у них были патроны (к итальянским винтовкам, которыми многие из них были вооружены, патрон им не дали, хотя они и были переданы 2-й армии)»[24].

Боевые заслуги Махно были отмечены высшей наградой РСФСР Орденом Красного Знамени «За оборону Южного фронта и взятие Мариуполя»[25]. В последствии этот факт был вычеркнут из биографии атамана.

Наконец, советский миф о «предателе Махно» и «враге Советской власти» опровер-

гается белыми генералами. Например, анализируя обстановку в тылу во время осеннего наступления 1919 года белых армий генерал Деникин писал: «13-го сентября Махно неожиданно поднял свои банды и, разбив и отбросив два полка генерала Слащева, двинулся на восток, обратно к Днепру. […] Для подавления восстания пришлось, невзирая на серьезное положение фронта, снимать с него части и использовать все резервы. […] Это восстание, принявшее такие широкие размеры, расстроило наш тыл и ослабило фронт в наиболее трудное для него время»[26]. Махно фактически спас большевиков в 1919 году, поскольку, если бы не его выступление, Деникин наверняка бы взял Москву.

Кто же такой Махно и как можно оценивать возглавляемое им повстанческое движение? На наш взгляд, Нестор Иванович Махно выступил одним из вождей крестьянской революции на Украине – может быть, самым выдающимся, сравнимым с самыми известными в истории России и Украины защитниками трудового народа. Он и до конца своей жизни оставался крестьянином, сожалевшим, что не сумел осуществить вековую мечту народа об обществе, управляемом самим народом. В своих воспоминаниях о встречах с Н.И. Махно в Париже известная анархистка Ида Метт поведала читателям о главной его мечте. «Он видел себя крестьянином, – вспоминала Метт. – Он видел себя молодым. Он представлял себя возвращающимся в родное Гуляй-Поле, вечером, после дня, удачно проведенного на базаре с молодой женой, где они вместе продавали выращенные ими плоды […]. Они накупили в городе подарков […]. У него добрая лошадь и хорошая упряжь»[27]. ■

---

1 См.: 40 дней в Гуляй-Поле: Воспоминания матушки Галины – жены Батьки Махно. Владимир-М., 1990.

2 Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918-1921: Документы и материалы. М., 2006. С. 16.

3 Там же. С. 34.

4 Там же.

5 Из личного архива семьи Бадигиных. См. об этом подробнее: **Малязев В.Е.** Бадигин. Мореплаватель и писатель. Саратов, 1992. С. 30.

6 Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С. 142-143.

7 См.: **Аршинов П.** История махновского движения (1918-1921). Запорожье, 1995.

8 Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С. 80.

9 Там же. С. 90-91.

10 Там же. С. 758.

11 Там же. С. 223-224.

12 ЦДАВО Украины. Ф. 1824. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

13 Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С. 280-282.

14 Там же. С. 276.

15 См.: **Аршинов П.** История махновского движения. Берлин, 1923; Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918-1921: Документы и материалы. М., 2006. С. 46-48, 160-161, 749, 751 и др.

16 См.: Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С. 485-486.

17 Там же. С. 749, 754-755.

18 Там же. С. 279-280.

19 См.: Анархисты: Документы и материалы. 1883-1935 гг.: В. 2 т. М., 1999. Т. 2. 1917-1935. С. 388-389.

20 См.: Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С. 535-536, 541, 552-553, 633-635.

21 Там же. С. 121.

22 Там же. С. 122.

23 Там же. С. 118.

24 Там же. С. 188.

25 **Верстюк В.Ф.** Комбриг Нестор Махно. Харьков, 1990. С. 35-36.

26 **Деникин А.И.** Очерки русской смуты. Берлин, 1926. Т. 5. Вооруженные силы Юга России. С. 234-235.

27 Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С. 27.

Александр Шубин

Красное и черное: раскол Махно и большевиков

Махновское движение – уникальная страница истории Гражданской войны на Украине и в России. Батько Махно стал хрестоматийным, мифологизированным, практически сказочным героем. По многим причинам к этому движению приковано внимание историков и публицистов. Никогда прежде движение под черными знаменами анархии не добивалось таких успехов. Украинское по географии движение возглавлял популярный лидер, который говорил по-русски, а не по-украински. Мощное крестьянское движение долгое время противостояло всем основным силам, сражавшимся за власть над Украиной – и украинским националистам, и белым, и большевикам. «Махновщину», несмотря на большие усилия пропагандистов, в итоге не удалось «выставить» ни шайкой бандитов, ни частью «национально-освободительного» движения против России. Его идеологи были коммунистами, но их коммунизм был совсем иным, нежели идеология Коминтерна. Это был анархический коммунизм. Движение опиралось на поддержку трудящихся и стремилось действовать в союзе с «партией рабочего класса». Этот союз и его крах – кульминация истории махновского движения.

Нарастание противоречий

Отношения между махновцами и сторонниками центральной советской власти никогда не были безоблачными, но в феврале-марте 1919 года укладывались в привычную схему постепенной интеграции в Красную Армию многочисленных украинских повстанческих движений. Быстрый рост рядов «бригады» Махно, военные успехи махновцев – все это до времени способствовало терпимому отношению центра к политическим «шалостям»: к созывам съездов солдат и крестьян, на которых принимались резолюции в духе идей анархизма и позиции левых эсеров, к избранию политического органа – Военно-революционного совета, куда вошли анархисты и левые эсеры, к тому, что махновцы не допускали в своем районе проведения мер «военного коммунизма» и действий ЧК. В апреле 1919 года, по мере подъема антибольшевистского повстанчества на Украине, махновская территория стала вызывать все большее беспокойство красного командования. Тем более что махновцы были измотаны в предыдущих боях. Вот что телеграфировал командующий 2-й Украинской армией Скачко: «Противопоставить противнику нечего, ибо 3-я бригада Махно, находясь беспрерывно более трех месяцев в боях, получая только жалкие крохи обмундирования и имея в придачу таких ненадежных соседей, как 9-я дивизия, совершенно истощилась, и можно считать 3-ю бригаду временно совершенно вышедшей из строя»[1]. Казалось, что Махно можно теперь выкинуть, как выжатый лимон.

13 апреля белые перешли в наступление на Мариуполь. Основные силы махновцев были в этот момент заняты в боях под Еленовкой, на северном участке фронта. Мощным ударом на Волноваху противник отсек основные силы махновцев от Мариуполя, 14 апреля вышел к Мангушу, в глубоком тылу Мариупольского направления, и 17 апреля занял его.

В эти апрельские дни казалось, что махновская бригада разбита. Кончались последние патроны к полученным еще в феврале итальянским винтовкам. Оказалось, что патроны эти нестандартные. Боеприпасы к ним можно было получить только из центра – другие не подходили. Реввоенсовет 2-й Украинской армии признавал: «Еще при образовании бригады Махно командармом 2-й были даны ей итальянские винтовки с тем расчетом, чтобы в случае надобности имелась возможность оставить их без патронов»[2]. В условиях неразберихи снабжения махновцам продолжали отправлять патроны, которые подходили лишь к небольшой части их винтовок. Так, в апреле им отгрузили 2,4 млн патронов, но только 445 848 – для итальянских винтовок[3].

Бойцы были измотаны, но бригада, подобно Антею, питалась от своей земли. Местные жители сменяли старых бойцов и со свежими силами бросались в бой. Наверное, в этом объяснение военного чуда, которое произошло под Мариуполем в конце апреля. Еще 19 апреля Махно телеграфировал: «Немедленно высылайте смену 3-й бригаде, ибо люди покинут фронт. С итальянками без патронов и без пулеметов против десятков пулеметов противника люди не в состоянии устоять»[4]. Но уже 20 апреля махновцы перешли в контрнаступление и взяли Мангуш. 22 апреля белые контратаковали поселок, но на следующий день он снова оказался в руках махновцев. Тогда же они отбили Волноваху. После этого белой группировке в районе Мариуполя уже не удалось удержаться. 27 апреля Мариуполь был взят махновцами, фронт стабилизировался[5].

Давая общую оценку боеспособности махновских частей, Антонов-Овсеенко писал: «Прежде всего факты свидетельствуют, что утверждения о слабости самого заразного места – района Гуляй-поля, Бердянск – неверны. Наоборот, именно этот угол оказался наиболее жизненным из всего Южного фронта (сводки за апрель-май). И это не потому, конечно, что здесь мы были лучше в военном отношении сорганизованы и обучены, а потому, что войска здесь защищали непосредственно свои очаги»[6].

Но проблема боеприпасов не была решена. Притом, что и красноармейские части снабжались плохо, до строптивых махновцев, естественно, вообще мало что доходило, особенно в связи с переподчинением бригады Южному фронту. Оно было предпринято из географических соображений (дивизия Дыбенко ушла в Крым и потеряла связь с махновцами). Формально с 1 мая махновцы входили в 7 дивизию Южного фронта, которая еще только формировалась. В реальности они составляли основу целой 2 Украинской армии. В середине мая штаб Махно сообщал: «Отсутствие налаженной и срочной доставки патронов заставило оставить многие позиции и приостановить наступление. Кроме того, части совершенно не имеют патронов и, продвинувшись вперед, находятся в угрожающем положении на случай серьезных контрнаступлений противника. Мы свой долг исполнили, но высшие органы задерживают питание армии патронами»[7]. Если Дыбенко до конфликта в 20-х числах апреля еще сносно снабжал Махно патронами (правда, не теми, что нужно), то командование Южного фронта было «скупым». Оно готовило ликвидацию «махновщины».

Эта идея стала активно обсуждаться, когда ситуация под Мариуполем стала тяжелой. 15 апреля 1919 года член РВС Южного фронта телеграфировал Л. Троцкому о необходимости отстранить Махно от командования[8]. Поскольку в это время махновцы терпели на фронте неудачи (как оказалось – временные), Сокольников телеграфировал и Ленину с предложением: «Не сочтите ли подходящим моментом убрать Махно, престиж которого пошатнулся […]». Ленин поддержал эту идею[9]. Одна беда – махновцы, вопреки ожиданиям, отбросили белых. Но раз уж высочайшее одобрение получено, надо действовать.

25 апреля 1919 года в харьковских «Известиях» появилась статья «Долой махновщину», в которой говорилось:

«Повстанческое движение крестьянства случайно попало под руководство Махно и его "Военно-революционного штаба", в котором нашли себе пристанище и бесшабашно анархистские, и бело-левоэсеровские, и другие остатки "бывших" революционных партий, которые разложились. Попав под руководство таких элементов, движение значительно утратило силу, успехи, связанные с его подъемом, не могли быть закреплены анархичностью действий [...]. Безобразиям, которые происходят в "царстве" Махно, нужно положить конец»[10].

Эта статья вышла, когда махновцы собрались на свой III районный съезд в Гуляй-Поле. Его резолюции были направлены против военно-коммунистической политики РКП(б):

«Съезд протестует против реакционных приемов большевистской власти, расстреливающей крестьян, рабочих и повстанцев.

Съезд требует проведения правильного свободного выборного начала [...].

Съезд требует замены существующей продовольственной политики правильной системой товарообмена [...].

Съезд требует полной свободы слова, печати, собраний всем политическим левым течениям, т.е. партиям и гражданам, и неприкосновенности личности работников партий, левых революционных организаций и вообще трудового народа [...]»[11]

Начдив Дыбенко, в формальном подчинении которого находилась махновская «бригада», ответил телеграммой: «Всякие съезды, созванные от имени распущенного согласно моему приказу военно-революционного штаба, считаются явно контрреволюционными, и организаторы таковых будут подвергнуты самым репрессивным мерам вплоть до объявления вне закона»[12].

Съезд специально продолжил свою работу, чтобы ответить комдиву. Ответ делегатов по стилю напоминал письмо казаков турецкому султану. После насмешливых разъяснений относительно истории движения и его съездов делегаты пишут: «Вы, "товарищ" Дыбенко, как видно, молоды в революционном движении на Украине. Ну что же, познакомим вас с ним, а вы, познакомившись, быть может, исправитесь немного»[13]. Намекая на слабость позиции РКП(б) в Приазовье, махновцы продолжают: «Если большевистская идея будет иметь успех, то военно-революционный совет, с точки зрения большевиков, организация явно контрреволюционная, заменится другой, "более революционной" большевистской организацией. А покамест не мешайте нам, не насилуйте нас»[14].

Одновременно в район, контролировавшийся махновцами, попала направленная против них статья «Известий». Махно решил, что телеграмма Дыбенко и статья являются сигналом к аресту махновских лидеров и самого комбрига. 29 апреля Махно приказал задержать часть комиссаров, решив, что большевики готовят нападение на махновцев: «Пусть и большевики у нас посидят, как сидят в казематах Чека наши», – говорил он Белашу, ссылаясь на решение Союза анархистов и анархистской организации «Набат»[15]. В тех полках, где комиссары смогли наладить нормальные отношения с комсоставом и бойцами, это указание было проигнорировано[16]. Другие комиссары побежали из района. В зоне расположения красных частей они столкнулись с командующим Украинским фронтом В. Антоновым-Овсеенко. Тут же к комфронту пришло приглашение Махно посетить Гуляй-Поле. Командующий направился в самое «логово мятежников».

Интересно, что одновременно с визитом Антонова-Овсеенко в махновский штаб красные пытались выяснить точное расположение махновских частей – вероятно, для удара по ним. Но нападение было невозможно, пока в гостях у Махно был Антонов-Овсеенко. Вот запись телефонных переговоров махновского и красного штабов:

«Бишиле: Прошу сообщить, у вас ли сейчас комфронт Антонов и не известно ли, когда он выедет?

Богословский: Вы мне уже надоели [Очевидно, это далеко не первый звонок из штаба красных за время пребывания Антонова-Овсеенко в штабе Махно. – А.Ш.], против моего окна сидит, с батькой Махно беседует.

Бишиле: А не известно ли, когда он выедет?

Богословский: Тогда сам сообщу».

Затем дежурный секретарь Бишиле связался с начальником штаба 3-й бригады Веретельниковым.

«Веретельников: У аппарата начштаба Веретельников, что нужно?

Бишиле: У аппарата дежурный секретарь Бишиле. Прошу дать сейчас же самые точные сведения о расположении частей вашей бригады.

Веретельников: Я не могу сказать, не нахожу возможным передать это без "маяка".

Бишиле: Мне приказано получить сведения во что бы то ни стало и уклончивые ответы в расчет не принимать. Так как в противном случае вы будете подлежать суду военного трибунала как не...

Веретельников: Не нахожу нужным отвечать такому дураку, как вы, который требует сведений без шифра.

Бишиле: Прежде всего, долг вежливости требует выслушать человека до конца, а потом уже выводить свои глубокие умозаключения. К вам уже...

Веретельников: Ваш долг вежливости не велит вам пугать меня, я уже пуган».

Угроза трибунала не помогла заставить анархиста нарушить порядок передачи секретной информации. Любопытно, что ровно 18 лет спустя аналогичная приверженность анархистов дисциплине в передаче информации станет поводом для столкновений с коммунистами в Барселоне, которые изменят ход Испанской революции. История махновского движения повторится в Испании во многих своих чертах. Но пока судьба революции решалась в восточной Украине…

Бишиле не сдавался, информация нужна «во что бы то ни стало» и немедленно. Поэтому он идет на откровенную ложь:

«Бишиле: К вам уже десятки раз обращались с подобными просьбами и всегда

получали ответы подобно вашему: мы, мол, сейчас без шифра дать не можем, зашифруем и пришлем, но, несмотря на это, мы ни разу сведений не получали».

Это не соответствует действительности. С 11 по 28 апреля, в период боев за Волноваху и Мариуполь, штаб 2-й армии получил 18 сообщений о расположении 3-й бригады. На момент затишья после успешных для бригады действий, согласно переданному в штаб донесению, она занимала позицию Доля-Еленовка-Александровское-Ново-Николаевское-Игнатьевка-Павлополь-Мариуполь[17]. Бишиле и стоящее за ним руководство интересуют передвижения бригады за последние два дня, хотя на фронте спокойно. Впрочем, секретарь и сам уже понял все неудобство своего положения и начал говорить нечто маловразумительное:

«Желая предупредить подобный случай, я хотел поставить вас в известность о последствиях, дабы получить наконец от вас сведения, не в зашифрованном виде я от вас потребовал, так как сам отлично понимаю, что сведения должны быть зашифрованы. В следующий раз не выводите такие быстрые заключения, так как сами окажетесь на этом положении...»

Итог этих переговоров подвел Веретельников: «Сведения будут шифрованной телеграммой, а по аппарату мы не можем дать таких сведений»[18].

Однако более важные переговоры проходили 29 апреля между Махно и Антоновым-Овсеенко. Прибыв в Гуляй-Поле, командующий фронтом, к удивлению своему, был встречен почетным караулом и дружным «Ура!». После краткой инспекции, в ходе которой он обнаружил, что «Махно и его штаб живет крайне скромно; бандитизма незаметно»[19], Антонов-Овсеенко провел с комбригом беседу. Она помогла урегулировать возникшие недоразумения. «Преследования политкомиссаров? Изгнание их?! Ничего подобного! Только нам надо бойцов, а не болтунов. Никто их не гнал, сами поутикали... Конечно, у нас много идейных противников ваших, так давайте спорить», – говорил Махно командующему[20]. После этих переговоров Махно принял комиссаров назад, но командующий признавал, что «наши политработники в частях Махно слабы, трусливы и не могут противостоять [...] вредным элементам»[21].

В ходе разговора Антонов-Овсеенко пришел к выводу, что «сам Махно, главные его боевые работники и его полки проникнуты желанием сломить контрреволюционное казачество и офицерство»[22].

Махно даже осудил наиболее резкие положения резолюций III съезда, обещал препятствовать выборности комсостава, которого (видимо, ввиду заразительности примера) так опасались в соседних частях РККА. Тем более что командиры уже были выбраны, и менять их в это время никто не собирался. По утверждению Махно, и органы самоуправления (полковые комитеты) в повстанческой армии были «сведены на роль хозяйственных комиссий»[23].

Но, пойдя на некоторые уступки, батька выдвинул новую, принципиально важную идею, которая могла бы примирить две стратегии революции: «До решительной победы над белыми должен быть установлен революционный фронт, и он [Махно – А.Ш.] стремится не допускать междоусобиц между различными элементами этого революционного фронта»[24]. Это уже не рассуждение об укреплении тактического союза (по типу «кто кого переиграет») и не предложение простой коалиции. Открывалась возможность сосуществования в рамках системы советской власти различных революционных политических течений. Они опирались бы не на добрую волю сильного партнера, а на собственные силы, в том числе и военные, строили бы новое общество в соответствии со своими принципами и волей местного населения, решали бы вопросы общего значения путем диалога, а не приказа.

Идея «единого революционного фронта против контрреволюции» была доложена Антоновым-Овсеенко Раковскому и Подвойскому[25]. Идея оказалась на редкость жизнеспособной, потому что давала реальное решение одной из основных проблем революционного процесса – проблемы монополизма власти. Идея единого фронта революционных сил будет использоваться в политике Коминтерна, с новой силой возродится в форме Народного Фронта 1930-х гг. и окажет большое воздействие на ход Испанской революции, где этот фронт также будет создаваться с участием анархистов.

Махно добивался также освобождения украинских анархистов из заключения ЧК[26], но решение этого вопроса было отложено. Были ликвидированы большевистские военные комендатуры на территории района[27]. Антонов-Овсеенко добился также поставки необходимых махновцам медикаментов, де-

нежных средств и даже некоторого количества оружия[28]. 1 мая бригада была выведена из подчинения дивизии Дыбенко и подчинена формирующейся 7-й дивизии, которая так и не стала реальным формированием. Фактически не только 7-я дивизия, но и вся 2-я армия состояли из бригады Махно и нескольких полков, значительно уступавших ей по численности[29].

4-5 мая махновский район посетил член Политбюро РКП(б) Лев Каменев. Несмотря на внешние признаки единства, он требовал ликвидировать политические органы движения и прежде всего РВС. Стало ясно, что идея революционного фронта не пришлась ко двору. После посещения Махно Каменев публично заявил, что «все слухи о сепаратистских и антисоветских планах бригады повстанцев тов. Махно ни на чем не основаны». Но в действительности Каменев был настроен иначе. В послании Ленину он сообщал: «Полагаю, что Махно не решится сейчас же поддержать Григорьева, но почва для выступления там вполне подготовлена»[30].

Новый повод к нарастанию взаимного недоверия подал красный комдив атаман Н. Григорьев, поднявший 6 мая мятеж на правобережной Украине. Характерно, что накануне мятежа Григорьева уполномоченный ЦК КП(б)У Я. Гамарник докладывал, что обстановка у Григорьева гораздо благополучнее, чем у Махно[31].

Красным пришлось срочно перебрасывать силы на образовавшийся «григорьевский фронт». На их стороне действовали и анархисты – в частности, бронепоезд матроса Железняка. А вот часть войск, направленных против Григорьева, стала митинговать – не следует ли присоединиться к атаману. 1415 мая красные перешли в контрнаступление от Киева, Одессы и Полтавы, громя распыленные силы Григорьева. Во второй половине мая от григорьевцев были очищены все взятые ими города. Можно согласиться с биографом Н. Григорьева В. Савченко в том, что «Григорьев оказался бездарным фельдфебелем, не умевшим ни спланировать военную операцию, ни предвидеть последствия своих действий и к тому же постоянно находившимся в состоянии антисемитского ража»[32]. Главная угроза григорьевского восстания заключалась в том, что к нему присоединялись состоявшие из украинцев красные части. Больше всего большевики в этот момент боялись, что «детонирует» Махно.

Телеграмма Каменева к Махно по поводу выступления Григорьева выдает явное недоверие к «батько»:

«Изменник Григорьев предал фронт. Не исполнив боевого приказа, он повернул оружие. Подошел решительный момент – или вы пойдете с рабочими и крестьянами всей России, или откроете фронт врагам. Колебаниям нет места. Немедленно сообщите расположение ваших войск и выпустите воззвание против Григорьева, сообщив мне копию в Харьков. Неполучение ответа буду считать объявлением войны. Верю в честь революционеров – Вашу, Аршинова, Веретельникова и др. Каменев №277»[33].

Попытка Каменева, воспользовавшись экстремальной ситуацией, заставить Махно беспрекословно довериться центральным властям, успехом не увенчалась – «батька» ответил довольно двусмысленно: «Честь и достоинство революционера заставляют нас оставаться верными революции и народу, и распри Григорьева с большевиками из-за власти не могут заставить нас оставить фронт»[34]. 9 мая Григорьев связался по прямому проводу с Махно[35]. Вероятно, он пытался убедить батьку тоже поднять восстание. Но безуспешно.

12 мая собрался «военный съезд», то есть совещание командного состава, представителей частей и политического руководства махновского движения, дабы решить вопрос об отношении к Григорьевскому выступлению.

По воспоминаниям В. Белаша, Махно говорил: «Большевистское правительство Украины опекает трудящихся. Оно наложило свою руку на все богатство страны и распоряжается им, как собственностью государства. Партийная бюрократия, этот вновь вернувшийся на нашу шею дворянский привилегированный класс, – тиранит народ. Они издеваются над крестьянами, узурпируют права рабочих, свободно не дают дышать повстанчеству. Издевательство над нами и григорьевцами большевистского командования, тирания Чека против анархических и эсеровских организаций – все говорит за возврат к прошлой деспотии»[36].

Несмотря на то что Махно в своей речи провел аналогию между григорьевским и своим движениями, оснований для разрыва с красными у него было недостаточно, а визиты Антонова-Овсеенко и Каменева давали некоторые надежды на сохранение союза. Совещание решило «оружием протестовать

против Григорьева немедленно» и «сохранить дружественные связи с большевиками». Это же совещание «под шумок» приняло решение развернуть бригаду в дивизию и начать (в соответствии с договоренностью Махно и Антонова-Овсеенко) переговоры с советским правительством о предоставлении автономии Мариупольскому, Бердянскому, Мелитопольскому, Александровскому, Павлоградскому и Бахмутскому уездам – то есть махновскому району и его ближайшей периферии[37].

Одновременно с этим Махно послал в район мятежа своих эмиссаров для прояснения положения. Это было воспринято как попытка наладить союз с Григорьевым, «лазутчики» были задержаны большевиками, что оттянуло окончательное определение махновцами своего отношения к Григорьеву до конца мая. Эмиссары Махно были вскоре отпущены и сумели ознакомиться с результатами григорьевских налетов – трупами жертв еврейских погромов. Одновременно к Махно попало воззвание Григорьева, которое было расценено им как шовинистическое.

В своем обращении «Кто такой Григорьев» Махно пишет об «Универсале» восставшего комдива: «Братья! Разве вы не слышите в этих словах мрачного призыва к еврейскому погрому! Разве вы не чувствуете стремление атамана Григорьева порвать живую братскую связь революции Украины с революцией России? [...] Мы уверены, что здоровое чутье революционера подскажет им [пошедшим за Григорьевым бойцам. – А.Ш.], что Григорьев обманул их, и они уйдут от него вновь под знамена революции»[38].

Однако Махно не был бы собой, если бы снова не занял «третью» позицию: «Мы должны сказать, что причины, создавшие все движение Григорьева, заключаются не только в самом Григорьеве [...]. Всякое сопротивление, протест и даже самостоятельное начинание душились чрезвычайными комиссиями [...]. Это создало в массах озлобление, протест и враждебное настроение к существующему порядку. Этим воспользовался Григорьев в своей авантюре [...], требуем к ответу коммунистическую партию за Григорьевское движение»[39]. Еще более категорична была анархистская пресса района: «Ни для кого не секрет, – писал Я. Алый в газете «Набат», – что вся деятельность большевистской партии направлена лишь на то, чтобы удерживать в руках своей партии власть и не давать другим течениям возможность проповедовать свои идеи [...]». Комиссары «своей неумелостью, своим властным духом восстановили повстанцев против большевиков и дали черносотенцам козырь в руки [...]. Только неумелая и анти-революционная политика большевистской власти могла дать возможность Григорьеву и его компании использовать недовольство масс и повести их на черное, предательское дело»[40].

Бригада, дивизия или армия?

Выступление Махно против Григорьева уже не могло изменить позицию большевистского руководства в отношении повстанцев. Поводом к новому резкому обострению отношений стало развертывание 3-й бригады в дивизию. Парадоксальная ситуация, когда бригада составляла большую часть армии, мешала и соответствующему снабжению, и взаимодействию командования с огромной «бригадой», и управлению ее частями. Предварительная договоренность о преобразовании бригады в дивизию была достигнута еще с Антоновым-Овсеенко, затем его санкционировал заместитель наркомвоена Украины В. Межлаук[41]. Скачко санкционировал переформирование. Но, «посовещавшись» наверху, Межлаук отменил свое решение и стал требовать «не переформировывать, а сокращать» махновцев[42]. Напрасно Скачко и РВС 2-й армии убеждал Межлаука и командование Южного фронта, что отмена решения о переформировании вызовет разрастание конфликта, которое может самым неприятным образом сказаться на боеспособности фронта[43].

Вскоре после решения совещания 12 мая об изменении статуса бригады, 16 мая РВС объявил, в соответствии с предыдущими договоренностями, о ее преобразовании в 1-ю Повстанческую дивизию. Это решение было еще относительно скромным. Мотивируя его, заместитель начальника штаба махновцев В. Белаш говорил: «Наши силы достигают 50 000 бойцов, и участок, нами занимаемый, длиннее участка 13 кр. армии или 8-й [...]. По штату Красной армии мы имеем право на Армию [...]». 23 тыс. бойцов были вооружены, остальные находились в резерве[44]. Полки «бригады» сами имели структуру и численность бригад. Так, бригада Куриленко в составе «бригады» Махно имела 7 300 штыков, 300 сабель и пулеметную команду в 250 бойцов[45].

В это время махновцы наступали, заняв Кутейниково в тылу белых. Однако над новой дивизией, которая фактически составляла всю 2-ю армию, сгущались тучи. За пределами «Махновии» о ней стали распространяться самые ужасные слухи, которые пришлось опровергать комиссару Петрову в послании наркомвоену Украины: «У вас носятся нелепые слухи. Якобы т. Колосов и все политкомы, находящиеся в войсковых частях т. Махно, расстреляны. Считаю нравственным долгом заявить через посредство вас в печати, что это явная провокация, исходящая, как видно, от контрреволюционеров, пользующихся случаем Григорьевской авантюры столкнуть советские круги с т. Махно и войсковыми частями»[46]. Петров пытался убедить руководство, что новая дивизия и дальше будет служить советской власти: «Настроение очень хорошее, массовые наплывы добровольцев в ряды крестьянской армии [...]. Есть дефекты, но они постепенно сглаживаются и должны постепенно отойти в область предания для будущей истории»[47]. Но отношение к махновцам определялось уже не представлениями об их боеспособности. Махно все более расценивался как потенциальный противник, – а противник тем лучше, чем слабее.

21 мая РВС Южного фронта предложил Троцкому план ликвидации «махновщины» с помощью частей 2-й дивизии. Одна бригада этой дивизии должна была заменить махновцев (ведь формально они были всего лишь бригадой), ее части должны были оттягиваться в тыл и там переформировываться. Что в это время должны были делать белые, красные стратеги как-то не продумали. И еще одна неувязочка – переброска частей 2-й дивизии в Гришино еще не началась[48]. А в остальном все хорошо…

Не обращая внимание на пробелы этого плана, 22 мая прибывший на Украину Троцкий по согласованию с РВС Южного фронта телеграфировал: «Произвести радикальный перелом в строении и поведении войск Махно, истребовав для этого из Козлова [дислокация штаба Южного фронта – А.Ш.] необходимое число политработников и командирского состава. Если в двухнедельный срок окажется невозможным произвести этот перелом, то РВС 2-й армии должен войти с рапортом об открытом сопротивлении Махно. Развертывать непокорную, недисциплинированную бригаду в дивизию под тем же командованием есть либо предательство, либо сумасшествие. Во всяком случае, подготовка новой Григорьевщины»[49]. Для проведения «перелома» Троцкий планировал ввести два надежных полка уже в само Гуляй-поле. Вот только где взять эти полки и как доставить их в столицу Махно – об этом Троцкий не подумал. Он был уверен, что «разгром Григорьева создает сейчас благоприятный момент для ликвидации махновщины. Нужно ковать железо, пока горячо»[50]. А тем временем к Махно стали стягиваться красноармейцы, недовольные коммунистическим режимом — в середине мая в Гуляй-поле ушел целый эшелон[51].

25 мая на заседании Совета рабоче-крестьянской обороны Украины под председательством Х. Раковского обсуждался вопрос «Махновщина и ее ликвидация». Было решено «ликвидировать Махно» силами полка[52].

Причиной активизации действий против Махно несомненно был страх повторения григорьевщины. Большевикам казалось, что неизбежный мятеж Махно развалит фронт так же, как Григорьев, по существу, разорвал выстраивавшийся фронт против Румынии. Большевистские умы не учитывали то, что фронт и так разваливается под ударами белых и действия против Махно могут попросту открыть дорогу Деникину на Украину.

25 мая Межлаук докладывал наркому Н. Подвойскому: «Неприятие своевременных мер обещает повторение Григорьевской авантюры, которая будет опасна ввиду огромной популярности Махно среди крестьянства и красноармейцев»[53]. Теперь популярность союзных движений среди местного населения становилась источником смертельной угрозы для большевистского режима. В ходе наращивания антикрестьянской политики (особенно – после введения в апреле продразверстки на Украине) коммунисты стали воспринимать союзника как опасность большую, чем военный противник.

26 мая в адрес РВС 2-й армии пришла сердитая телеграмма командующего Южным фронтом Гиттиса, педантичного офицера с дореволюционным стажем: «Утверждение сверху самочинно создавшейся дивизии реввоенсовет признает шагом назад в намеченной линии поведения и потому считает невозможным»[54].

Узнав о намерениях командования, Махно заявил 28 мая о сложении с себя полномочий комбрига и комдива. Но он уходил не просто так: «Даю свободное право каждой бригаде,

входящей в повстанческую дивизию, входить в состав Южфронта и Чикваная, либо разбиться на самостоятельные отряды и работать в интересах народа – это их воля»[55]. В ответ на это заявление 29 мая РВС Южного фронта принял решение об аресте Махно.

Но штаб махновской дивизии постановил:

«1) настоятельно предложить т. Махно остаться при своих обязанностях и полномочиях, которые т. Махно пытался было сложить с себя; 2) все одиннадцать вооруженных полков пехоты, два полка конницы, две ударные группы, арт. бригада и другие технические вспомогательные части преобразовать в самостоятельную повстанческую армию, поручив руководство этой армией т. Махно. Армия является в оперативном отношении подчиненной Южному Фронту, поскольку оперативные приказы последнего будут исходить из живых потребностей революционного фронта»[56].

Удар белых

Решение об аресте Махно было принято, когда сам Южный фронт начал разваливаться. Чтобы понять ситуацию в войсках, противостоящих Деникину, обратимся к состоянию соседней с махновцами 13-й армии. Вот, что докладывал командир одного из ее полков: «Довожу до сведения, красноармейцы категорически заявляют, что мы дольше действовать не можем, потому что мы во-первых голодные, во-вторых босые, раздетые, нас насекомые заели, потому что мы с первого восстания нашей организации до сих пор не получили ничего.

Просим вас принять самые энергичные меры, если не будет смены, то мы самовольно бросаем указанные нам позиции и следуем в тыл»[57]. Угрозами дело не заканчивалось: «Дезорганизованные части дезертировали с фронта, шайками бродили в прифронтовой полосе, грабя и убивая друг друга, устраивали охоты и облавы на комсостав и комиссаров»[58].

24 мая белые совершили прорыв в центре Южного фронта на участке 9-й армии и ринулись навстречу казаческому восстанию с центром в станице Вешенской. Тыл красных, разъедаемый восстаниями, дезертирством, холодной враждебностью уставших от продразверстки крестьян, не выдержал. Голодные, босые, плохо вооруженные армии начали бросать позиции.

Один из первых ударов был нанесен по стыку махновцев и 13-й Красной Армии. 19 мая, в разгар конфликтов между союзниками, кавалерия Шкуро прорвала фронт. Соседняя 9-я дивизия РККА оказать сопротивления не смогла. Махновцы противопоставили конной массе белых атаку со штыками наперевес – патронов не было. Легко отбив наскок этих «копьеносцев», Шкуро не решился все же углубляться в махновский район и развернулся во фланг и тыл 13-й армии, которая стала разваливаться. 21 мая Махно еще был в Волновахе[59]. В это время под его командой сражались 1-й ударный полк, 3-й резервный полк, 5-й, 7-й, 8-й, 9-й полки, два мариупольских полка, 1-й донской кавалерийский полк, три отдельных батальона, автоотряд, артиллерийский дивизион, отдельный эскадрон[60]. Еще два полка Махно отдал в Крым Дыбенко.

Заявление Махно о своей отставке породило панику на фронте[61]. Солдаты понимали то, что не мог понять Троцкий, Гиттис и Межлаук: без Махно нельзя было остановить наступление Деникина. Батька тем временем откладывал свой уход – обстановка была критической. Он попросил командование выслать ему преемника для сдачи дел.

31 мая РВС махновцев объявил о созыве IV съезда советов района. Предлагалось выбрать на собраниях трудящихся по одному делегату от 3 тыс. населения, причем с равной долей представительства от рабочих и крестьян. Военные части и партии могли послать по одному представителю от подразделения (полк, дивизион, штаб, уездный комитет). РВС постановлял: «Посылаемых делегатов на съезд снабжать наказами для более точного выражения подлинной воли крестьян и рабочих [...]».[62]

Центр расценил решение о созыве нового «несанкционированного» съезда как очередную контрреволюционную вылазку (возможно, паническая реакция на созыв съезда была связана с опасениями, что Махно провозгласит на нем независимую республику[63]). 3 июня командующий Южным фронтом В. Гиттис отдал приказ о начале ликвидации «махновщины»[64]. 4 июня Реввоенсовет Украины постановил: «Означенный съезд целиком направлен против Советской власти на Украине и против организации Южного фронта, в состав которого входит бригада Махно. Результатом съезда может быть только безобразный мятеж в духе гри-

горьевского и открытие фронта белогвардейцам, перед которыми бригада Махно неизменно отступает в силу неспособности, преступности и предательства своих командиров»[65]. Созыв съезда, конечно, не мог быть причиной выступления большевиков против Махно – ведь это был отнюдь не первый такой съезд. Просто красное командование считало, что настал подходящий момент для разгрома «махновщины».

Командование недооценивало серьезности положения. Казалось, что наступление белых – эпизод, с которым легко удастся справиться.

Удар красных

2 июня предреввоенсовета Л. Троцкий дает такой «анализ» махновщины: «Махно и его ближайшие единомышленники почитают себя анархистами и на этом основании "отрицают" государственную власть. Стало быть, они являются врагами Советской власти? Очевидно, ибо Советская власть есть государственная власть рабочих и трудовых крестьян». И куда подевалась марксистская теория о том, что диктатура пролетариата уже не будет государством в собственном смысле слова – неужели все дело в «беднейших крестьянах»? Но Троцкому не до теоретических нюансов, он уже отрабатывает те самые методы большевистской пропаганды, которые позднее против него будет использовать «сталинская школа фальсификаций». Троцкий пишет о махновцах: «Никакого намека на порядок и дисциплину в этой армии не найти. Никакой организации снабжения […]. Никаких приказов она не выполняет. Отдельные отряды наступают, когда могут, т. е. когда нет серьезного сопротивления, а при первом крепком толчке неприятеля бросаются врассыпную, сдавая малочисленному врагу станции, города и военное имущество. Вина за это целиком падает на бестолковых и беспутных анархических командиров». Разумеется, Троцкий не собирался брать на себя ответственность за начавшееся крушение фронта РККА. Его волнует не Деникин, а опасность «новой григорьевщины». «Поскобли махновца – найдешь григорьевца. А чаще всего скоблить-то не нужно: оголтелый, лающий на коммунистов кулак и мелкий спекулянт откровенно торчит наружу». Из этого «классового анализа» следует вывод: «С этим анархо-кулацким развратом пора кончить, кончить твердо, раз навсегда, так, чтобы никому больше повадно не было!»[66]

Сказано – сделано. 3 июня Троцкий издает приказ о ликвидации махновщины:

«1. Первейшей задачей 2-й Украинской армии является разрушение военной организации махновцев, причем эта задача должна быть разрешена не позже 15 июня.

2. С этой целью при содействии Реввоенсовета 2-й Украинской армии открывается немедленно широкая агитация против махновщины с целью подготовить общественное мнение армии и рабочих масс к полной ликвидации "армии Махно"»[67]. Решение Предреввоенсовета удивительно: в момент начавшегося генерального наступления открытого врага он ставит задачу разрушения военной структуры союзника. Но в том-то и дело, что махновцы казались опасней деникинцев.

Выполнение этой задачи возлагалось на нового командующего 2-й Украинской армией (переименована в 14-ю армию) К. Ворошилова. (А. Скачко, предлагавший нормализовать отношения с Махно, был смещен с поста[68].) Вот мнение нового командарма: «Момент ликвидации этого гнойника самый удобный. Наша беда – отсутствие регулярных частей, которыми нужно занять махновский фронт и ликвидировать остатки банд. Полное отсутствие снаряжения, вооружения и даже продовольствия в 14-й армии лишает возможности сколачивать на месте из рабочих надежные батальоны. Состояние фронта требует экстренных мер. Нужно хоть одну регулярную дивизию для очищения всего Донбасса»[69]. Одну дивизию для очищения Донбасса. В этот момент десятки отборных белых дивизий выбивали целые армии из последних донецких городов. Особо благоприятствовал выполнению плана Троцкого и Ворошилова новый натиск белых на махновские позиции. Разгромив 13-ю, 8-ю, 9-ю, 20-ю и 18-ю армии, белые обратились к «Повстанческой армии им. тов. Махно». «Махно еще держался, когда бежала соседняя 9-я дивизия, а затем и вся 13-я армия»[70]. По справедливому замечанию В. Голованова, «когда выяснилось, что опасность отнюдь не в махновщине, что никакого мятежа нет, а есть провал фронта, за который придется отвечать лично и по всей строгости военного времени, Махно сначала захотели заставить сражаться, а потом просто стали валить на него что ни попадя – чтоб виноватым вышел "чужой"»[71]. В условиях, когда все силы махновцев были брошены на фронт, со-

противляться натиску красных частей с тыла было невозможно. Махно заявил об уходе в отставку, призвав своих бойцов сражаться под началом красного командования.

Любопытно, что, по утверждению жены Махно Галины Кузьменко, 4 июня Ворошилов встретился с Махно и произвел акт награждения его Орденом Красного знамени[72]. Это плохо вяжется с ситуацией, но Махно и Ворошилов действительно встречались в начале июня. Махно мог быть представлен к недавно изобретенному ордену раньше, а Ворошилов, уже думавший о разгроме махновщины, произвел награждение в порядке рутины, «задабривания» или усыпления бдительности. Во всяком случае документальных доказательств награждения не найдено.

Прекращение распрей в этот трагический момент еще могло спасти положение хотя бы на данном участке фронта. 4 июня Махно отправил телеграмму «Всем, всем, всем»: «Необходимы сплоченность, единение. Только при общем усилии и сознании, при общем понимании нашей борьбы и наших общих интересов, за которые мы боремся, мы спасаем революцию [...]. Бросьте, товарищи, всякие партийные разногласия, они вас погубят»[73]. При этом Махно возложил ответственность за поражение на российские части.

6 июня Махно направил телеграмму Ленину, Троцкому, Каменеву и Ворошилову, в которой говорилось: «Пока я чувствую себя революционером, считаю своим долгом, не считаясь ни с какой несправедливостью, обличающей меня в [нечестности?] к нашему общему делу Революции, предложить немедленно же прислать хорошего военного руководителя, который, ознакомившись при мне на месте с делом, мог бы принять от меня командование дивизией. Считаю, что должен сделать это [как] революционер, ответственный за всякий несчастный шаг по отношении к Революции и народу, когда его обличают в созыве съездов и подготовке какого-то выступления против Советской Республики»[74].

7 июня Махно попросил прислать к нему «хорошего военного руководителя», которому можно было бы сдать дела. Троцкий воспринял это как «капитуляцию Махно», после которой нужно «действовать со всей энергией в борьбе с Махновщиной»[75].

8 июня собралось совещание штаба дивизии, РВС и Союза анархистов. Было выдвинуто три варианта действий: уйти за Днепр на соединение с Григорьевым; сдать части красным и уйти в подполье на территорию, занятую Деникиным; продолжать сражаться с белыми, игнорируя действия большевиков: «Пусть Чека расстреливает, но мы из фронта никуда не уйдем»[76].

Махно остановился на втором варианте. В тот же день он отправил написанную Аршиновым телеграмму Ленину, Каменеву, Зиновьеву, Троцкому, Ворошилову (телеграмма дошла по адресам, 10 июня с ней ознакомился Ленин[77]). В ней он подвел итог своим взаимоотношениям с коммунистическим режимом. Он высказал свое мнение о причинах крушения союза махновцев и центральной советской власти:

«Я считаю неотъемлемым, революцией завоеванным правом рабочих и крестьян самим устраивать съезды для обсуждения и решения как частных, так и необходимых дел своих. Поэтому запрещать такие съезды центральной властью, объявлять их незаконными (приказ № 1824) есть прямое, наглядное нарушение прав трудящихся.

Я отдаю себе полный отчет в отношении ко мне центральной государственной власти. Я абсолютно убежден в том, что Центральная государственная власть считает все повстанчество несовместимым с своей государственной деятельностью. Попутно с этим центральная власть считает повстанчество связанным со мною и всю вражду к повстанцам переносит на меня [...].

Отмеченное мною враждебное, а последнее время наступательное поведение центральной власти к повстанчеству ведет с роковой неизбежностью к созданию особого внутреннего фронта, по обе стороны которого будет трудовая масса, верящая в революцию. Я считаю это величайшим, никогда не прощаемым преступлением перед трудовым народом и считаю обязанным себя сделать все возможное для предотвращения этого преступления [...]. Наиболее верным средством предотвращения надвигающегося со стороны власти преступления считаю уход мой с занимаемого поста.

Думаю, что после этого центральная власть перестанет подозревать меня, а также все революционное повстанчество в противосоветском заговоре и серьезно, по-революционному, отнесется к повстанчеству на Украине, как живому, активному детищу массовой социальной революции, а не как к враждебному стану [...]». Махно покидает командование частями, потому что «Центральная власть

считает повстанчество связанным со мною, и существующая вражда и неприязнь центральной власти к повстанчеству переносится главным образом на меня». Но поскольку корни конфликта лежат гораздо глубже персонального противостояния, последствия большевистской политики в отношении восставшего крестьянства проявятся и после ухода Махно. На это обращает внимание и он сам:

«Политика большевиков с фатальной неизбежностью ведет к кровавым событиям в середине трудового народа, созданию среди трудящихся особенного внутреннего фронта, обе враждующие стороны которого будут состоять только из трудящихся и революционеров»[78].

Письмо Махно – признание крушения его политической стратегии этого периода и в то же время – свидетельство политической мудрости батьки. Не в пример многим военным лидерам того времени из антибольшевистского стана, Махно понимал, что коммунистическая партия смогла мобилизовать на свою сторону радикальные массы России, и противостоять этой силе, пока сильно белое движение – значит помогать реакции. Махно и сам был частью этих радикальных масс, и он стремился вплоть до победы над белым движением идти вместе с большевиками, лишь сохраняя автономию своего района, защищая его от неприемлемых для крестьян мер большевиков и проводя демократическую корректировку их курса. Но коммунистическая партия не собиралась принимать такие «правила игры», и даже перед лицом военной угрозы белых нанесла по союзнику разрушительных удар, который дорого стоил не только махновцам, но и самим большевикам.

Даже теперь Махно все еще не решался выступить против большевизма. В то время он рассчитывал поднять восстание в тылу у белых, «потому что коммунисты не сумеют»[79].

Тем временем, белые вторглись в район Гуляй-Поля. Почти безоружный заслон под командованием Веретельникова полег на подступах к «столице» движения. Бои в районе Гуляй-Поля продолжались с 9 по 15 июня.

Некоторое время Махно с небольшим отрядом еще сражался бок о бок с красными частями, но 15 июня, узнав о приказе арестовать его, покинул фронт и затем переправился через Днепр. «Надо выйти из перекрестного огня, отдохнуть, пополниться и отомстить за старую обиду»[80], – говорил он своим командирам.

Войска некоторое время находились под командой начальника штаба Озерова, но, узнав о кампании против махновского движения, и он обратился с прошением об отставке: «Я беспрерывно нахожусь в повстанческих войсках, здоровье мое совершенно расшаталось, передайте т. Ворошилову, чтобы он выслал мне заместителя и меня как инвалида, получившего 53 раны, уволил бы в отставку для лечения. Ибо при создавшемся положении, когда выбиваешься из сил для того, чтобы сделать полезное дело, рискуя ежеминутно быть объявленным [вне закона], что слишком скверно отзывается на здоровье и без того расстроенном»[81].

Яков Васильевич Озеров действительно был человеком заслуженным. В 1907 году, будучи штабс-капитаном, он вступил в группу максималистов. Эмигрировал. Вернувшись в Россию в 1917 году, стал помощником военкома на Северном Кавказе, левым эсером. Отличился в боях с белыми, в этой обстановке большевики считали его за своего. Потому и послали к Махно. Но затем выяснилось, что Озеров по взглядам близок Махно, а не коммунистам. Собственно, перед большинством левых эсеров вставал выбор между тремя более последовательными позициями – коммунистической, эсеровской и анархистской.

Ворошилов уже тогда не любил упускать «врагов народа». Летом 1919 года коммунисты открыли «сезон охоты» на повстанческих командиров. Вместо того чтобы сражаться, защищая территорию Украины, командование уже смирилось с тем, что придется ее оставить, и теперь боялось (как и летом 1918 года) «заразить вольницей» Россию. В этом сошлись оба враждующих клана красного командования – сторонники и Троцкого, и Сталина – Ворошилова. При загадочных обстоятельствах, возможно от пуль «своих», погибли такие легендарные командиры, как Н. Щорс, Т. Черняк, В. Боженко и др.. Был арестован Ф. Миронов, но в условиях катастрофически быстро менявшейся ситуации его пока предпочли помиловать. Ф. Миронова, как и другого легендарного кавалерийского полководца Б. Думенко, расстреляют на другом этапе гражданской войны. В ночь на 16 июня семь членов махновского штаба были расстреляны по приговору ревтрибунала Донбасса. Начальник штаба Озеров продолжал сражаться с белыми, но, переправившись на правый берег Днепра, был арестован и 2 августа по приговору ВУЧК расстрелян.

Эти расстрелы окончательно сделали Махно врагом партии большевиков. Но арестовать его было уже нельзя.

Раскол большевиков и махновцев – результат стратегических различий марксистского коммунизма и анархизма, которые наложились на конфликт склонной к самоуправлению социальной среды восточной Украины, прежде всего крестьянской, и централизаторской модернизационной стратегии большевизма. Однако в 1919 году в этом конфликте проиграли обе левые силы, потому что пришли белые. И как бы ни были велики различия двух левых стратегий, перед лицом этой угрозы они опять оказались ближе друг к другу. И махновцы, и большевики с двух сторон стали атаковать «старую Россию» ради будущего, неведомого и небывалого мира. ■

---

1 РГВА. Ф. 199. Оп. 3. Д. 144. Л. 12-19.

2 **Антонов-Овсеенко В.А.** Записки о Гражданской войне. М.-Л., 1932. Т. 4. С. 306.

3 Нестор Махно и крестьянское движение на Украине. 1918-1921. Документы и материалы. М., 2006. С. 126-128.

4 РГВА. Д. 114. Л. 75.

5 Там же. Д. 324. Л. 32-51.

6 **Антонов-Овсеенко В.А.** Указ. соч. Т. 4. С. 331.

7 Там же. С. 302.

8 Нестор Махно и крестьянское движение на Украине. 1918-1921. С. 121.

9 Там же. С. 122.

10 «Известия». Харьков. 25.04.1919.

11 Цит. по: **Яковлев Я.** Русский анархизм в Великой русской революции. М., 1921. С. 23-24.

12 Цит. по: **Аршинов П.** История Махновского движения. Берлин, 1923. С. 98.

13 Там же. С. 99.

14 Там же. С. 102.

15 ЦДАГОУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 351. Л. 12.

16 Там же.

17 РГВА. Ф. 199. Оп. 3. Д. 324. Л. 5-73.

18 Там же. Д. 109. Л. 6.

19 ЦДАГОУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 153. Л. 137.

20 **Антонов-Овсеенко В.А.** Указ. соч. С. 112.

21 ЦДАГОУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 153. Л. 137-138.

22 Там же. Л. 137.

23 Там же.

24 **Антонов-Овсеенко В.А.** Указ. соч. С. 113.

25 ЦДАГОУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 153. Л. 137.

26 Там же. Д. 351. Л. 13.

27 Там же. Д. 262. Л. 10.

28 Там же. Л. 274. Л. 33.

29 Нестор Иванович Махно. Киев, 1991. С. 62.

30 Экспедиция Л.Б. Каменева в 1919 г.: поездка на Украину // Пролетарская революция. 1925. № 6. С. 139, 144.

31 **Волковинский В.Н.** Махно и его крах. М., 1991. С. 89-90.

32 **Савченко В.** Авантюристы гражданской войны. М., 2000. С. 119.

33 **Аршинов П.** Указ. соч. С. 107.

34 Там же. С. 109.

35 Нестор Махно и крестьянское движение на Украине. 1918-1921. С. 145.

36 ЦДАГОУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 274. Л. 21.

37 Там же. Д. 351. Л. 31.

38 **Аршинов П.** Указ. соч. С. 113.

39 Там же. С. 114.

40 Набат. № 16. 26.05.1919.

41 **Антонов-Овсеенко В.А.** Указ. соч. Т. 4. С. 306.

42 Нестор Махно и крестьянское движение на Украине. 1918-1921. С. 145.

43 **Антонов-Овсеенко В.А.** Указ. соч. Т.4. С. 305-306.

44 ЦДАГОУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 351. Л. 31; Нестор Иванович Махно. С. 45.

45 **Яруцкий Л.** Махно и махновцы. Мариуполь, 1995. С. 46.

46 РГВА. Ф. 199. Оп. 2. Д. 129. Л. 105.

47 Там же. Д. 175. Л. 9, 133.

48 Нестор Махно и крестьянское движение на Украине. 1918-1921. С. 148.

49 **Антонов-Овсеенко В.А.** Указ. соч. С. 305.

50 Нестор Махно и крестьянское движение на Украине. 1918-1921. С. 149.

51 Там же. С. 151.

52 **Волковинский В.Н.** Указ. соч. С. 100.

53 ЦДАГОУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 262. Л. 154.

54 РГВА. Ф. 199. Оп. 3. Д. 95. Л. 278.

55 **Антонов-Овсеенко В.А.** Указ. соч. С. 306.

56 Там же. С. 307.

57 **Какурин М.** Как сражалась революция. М., 1991. Т. 2. С. 153.

58 Там же. С. 238.

59 РГВА. Ф. 199. Оп. 3. Д. 19. Л. 150.

60 Там же. Л. 171.

61 Нестор Махно и крестьянское движение на Украине. 1918-1921. С. 160.

62 ЦДАГОУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 351. Л. 68.

63 **Mallet M.** Nestor Makhno in Russian Civil War. Oxford, 1982. P. 38.

64 **Волковинский В.Н.** Указ. соч. С. 106.

65 Нестор Махно и крестьянское движение на Украине. 1918-1921. С. 164.

66 **Троцкий Л.Д.** Как вооружалась революция. М., 1924. Т. 2. Кн. 1. С. 189-191.

[67] РГВА. Ф. 199. Оп. 3. Д. 107. Л. 1.

[68] **Скачко А.** 2-я Украинская красная армия // Нестор Иванович Махно. С. 63.

[69] ЦГАСА. Ф. 199. Оп. 1. Д. 26. Л. 2.

[70] **Антонов-Овсеенко В.А.** Указ. соч. С. 331.

[71] Тачанки с юга. Художественное исследование махновского движения. М.: Запорожье, 1997. С. 155.

[72] **Яруцкий Л.** Указ. соч. С. 64-65.

[73] РГВА. Ф. 199. Оп. 2. Д. 129. Л. 168.

[74] ЦДАГОУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 351. Л. 77.

[75] Нестор Махно и крестьянское движение на Украине. 1918-1921. С. 169.

[76] Там же. Л. 77.

[77] Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 7. С. 278

[78] ЦДАГОУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 351. Л. 81.

[79] Там же. Д. 274. Л. 38.

[80] Там же. Д. 351. Л. 84.

[81] РГВА. Ф. 199. Оп. 1. Д. 8. Л. 16.

Андрей Иванов

Разведка и дипломатия США в Советской России (октябрь 1917 – август 1918 гг.)

История разведывательных органов зарубежных стран и их деятельности на территории России пока еще не нашла детального отражения в отечественной научной литературе. По большей части это обусловлено объективными факторами, а именно нехваткой достаточного числа достоверных источников, проистекающей из специфики секретной работы разведывательных служб. В то же время изучение истории вмешательства иностранных разведок во внутренние дела России может расширить современные представления о причинах тех или иных событий, а также пролить свет на некоторые скрытые аспекты международных отношений.

Особое место в этой связи занимает хронологический период, предшествовавший началу гражданской войны в России, поскольку данный конфликт сопровождался полномасштабной интервенцией стран Антанты и их союзников. Это вело к существенному повышению роли иностранных разведывательных органов как в планировании, так и в реализации политики военного вмешательства западных союзников во внутренние дела Советской России (в известном смысле – и отечественных антибольшевистских правительств[1]), а значит – и их роли в событиях отечественной истории. Постараемся выявить основные направления, формы и методы работы иностранных разведслужб на территории РСФСР и определить степень ее влияния на позицию союзников по «русскому вопросу» на примере Соединенных Штатов Америки. Обратимся к фактам.

После свержения Временного правительства и прихода к власти в стране лидеров большевистской партии, одним из лозунгов которой был выход России из Первой мировой войны вопреки союзническим обязательствам, наметился определенный антагонизм руководства РСФСР с правительствами западных государств. Ситуация осложнялась неоднозначностью положения большевиков, проистекавшей из слабой легитимности их власти. Конфликт провоцировали и российские дипломаты за рубежом, по словам которых сформированное большевиками правительство являлось «антинациональным и не представляющим волеизъявления русского народа»[2].

Не стоит забывать и о том, что в течение 1917 года Временному правительству были предоставлены многомиллионные кредиты на поддержание обороноспособности и развитие экономики, а с приходом к власти членов РСДРП(б) их возврат становился крайне сомнительным. Как следствие, закономерно вставал вопрос о выработке четкой и однозначной позиции США по отношению к данным проблемам. Определение таковой позиции не могло быть осуществлено без овладения достаточно полной информацией о ситуации в Советской Республике, а получение этих данных являлось прерогативой разведывательных органов.

Вступая в Мировую войну, американские вооруженные силы фактически не имели независимой службы внешней разведки, поскольку считалось, что всю необходимую для ведения боевых действий информацию смогут предоставить спецслужбы союзных стран – Великобритании и Франции[3]. Тем не менее, к середине 1917 года под эгидой Военной Коллегии (War College Division) был образован Отдел военной информации (Military Information Section)[4], взявший на себя организацию агентурной службы за рубежом. Большую часть сил и средств этого органа отнимала координация агентурных мероприятий на Западном фронте, поэтому число шпионов на территории России было невелико. В дооктябрьский период их главной задачей являлось содействие российским органам внутренней безопасности в борьбе с немецкими и австрийскими спецслужбами, поскольку отечественная контрразведка переживала стадию реорганизации и не всегда могла обеспечивать безопасность отдаленных регионов страны.

Соединенные Штаты не обладали такой мощной разведывательной сетью в России, как Великобритания, занимавшаяся внедрением агентуры на протяжении всей Первой

мировой войны, поэтому центр шпионской работы в РСФСР сместился в дипломатические представительства США. Попытки американских консульских агентов получить доступ к секретным документам русской армии и флота фиксировались еще в начале 1917 года[5], а после октябрьского переворота разведчики активизировали свою работу в данном направлении. В новых условиях добытая ими информация приобретала жизненно важный характер, так как изменение приоритетов во внешней политике России, зафиксированное Декретом о мире, могло привести к полной ликвидации Восточного фронта.

Работа американских спецслужб первоначально не имела антибольшевистской направленности, поскольку любой неосторожный шаг в этом направлении, по мнению Президента В. Вильсона и Госсекретаря Р. Лэнсинга, мог подтолкнуть Совет Народных Комиссаров к заключению сепаратного мира. До начала мирных переговоров в Брест-Литовске деятельность секретных агентов не выходила за пределы получения базовой информации о политической и военной обстановке в РСФСР, так как основные усилия, согласно полученным инструкциям, следовало прилагать к отслеживанию перемен на советско-германском фронте[6].

Кардинальные изменения ситуация претерпела в январе 1918 года. Провал переговоров американского военного атташе генерала У.В. Джадсона с Л.Д. Троцким фактически поставил крест на попытках военного командования США получить какие-либо гарантии сохранения вооруженного сопротивления на Восточном фронте и удержания там немецких дивизий. Исходя из этого, пассивно-выжидательная позиция, изначально избранная руководством Соединенных Штатов и направленная на сохранение статус-кво, утрачивала свою актуальность. В новых условиях Вильсон и Лэнсинг не были заинтересованы в сохранении большевистской власти в России, вследствие чего одной из доминант американской внешней политики стало «поощрение антибольшевистских элементов»[7].

К этому американское руководство подталкивал целый ряд обстоятельств. Например, согласно составленному генералом Джадсоном докладу многие русские граждане были готовы поддержать Германию, чтобы ее войска свергли большевистский режим[8], а это дало бы немцам возможность продолжать войну на Западном фронте. Кроме того, по утверждению историка Э.Ф. Лэнга-младшего, правительство Вильсона видело в большевизме единственного конкурента за главенствующее место в «новом мировом порядке» после Первой мировой войны[9]. В данном ключе американские антибольшевистские инициативы были частью глобальной политики Соединенных Штатов по «созданию порядка из хаоса», то есть построению новой системы международных отношений (с главенствующей ролью США) на базе антиреволюционных действий правительств стран Запада.

Как бы то ни было, такой поворот событий не мог не отразиться на деятельности спецслужб США в Советской России. Наряду с изменением общего вектора американо-советских отношений, определенные трансформации претерпели и задачи разведывательных ведомств. В целом можно выделить два основных направления работы агентуры Соединенных Штатов в 1918 году. Во-первых, поиск потенциальных возможностей для организации военного вмешательства с опорой на антибольшевистские силы внутри страны. Во-вторых, сбор любой доступной информации о контактах лидеров РСДРП(б) с немецким Генеральным Штабом, направленный на дискредитацию Советского правительства и легитимацию интервенции.

Последнее было более чем актуально, поскольку необоснованное военное вмешательство во внутренние дела другого государства могло быть негативно воспринято американским общественным мнением и в дальнейшем использовано политическими оппонентами Вильсона на предстоявших осенью 1918 года выборах. Вместе с тем, отказ от участия в интервенции мог привести к конфронтации с союзниками по Антанте. В сложившихся обстоятельствах доказательство сотрудничества большевиков с германской разведкой в период решающих боев на Западном фронте послужило бы оптимальным поводом для военного вмешательства.

По словам журналиста А. Балларда, службы разведки британцев, французов, итальянцев и американцев «тщательно прочесали всю биографию Ленина»[10], однако найти достоверные подтверждения советско-германского сговора не удалось. В феврале 1918 года посол Соединенных Штатов в России Д.Р. Фрэнсис предпринял попытку приобрести необходимые компрометирующие документы, но они, в конечном счете, оказались подделкой.

Между тем, спецслужбы союзников США форсировали подготовку интервенции в Советскую Россию. На Дальнем Востоке японские агенты пытались найти сторонников среди местных антибольшевистских элементов, французские разведчики вели аналогичную работу в Сибири, а британские спецслужбы – на Европейском Севере. На основе анализа документов военной разведки Великобритании английская исследовательница А.Дж. Плотке ввела в оборот термин «разведывательная интервенция», которая являлась некой предпосылкой интервенции военной. Согласно этой точке зрения, именно спецслужбы с начала 1918 года стали главным орудием интервенционной политики[11]. Имеющиеся в нашем распоряжении документы позволяют судить, что в равной степени этот тезис применим и к американским разведорганам. Прежде чем пойти на проведение антибольшевистских военных операций, агентам США были даны указания оценить военный потенциал большевиков и их противников. Для полноценного решения этой задачи спецслужбы прибегли к командированию своих агентов в различные регионы России.

Первая из таких командировок хронологически относится к январю 1918 года, когда в Ростов-на-Дону и Новочеркасск из Москвы был направлен консул Д.К. Пул. В ходе данной миссии он встретился с генералом В.М. Алексеевым и атаманом А.М. Калединым, оценив возможности контролируемых ими воинских формирований для ведения как антигерманской, так и антибольшевистской борьбы. Конечный вывод был неутешительным: несмотря на то, что Добровольческая армия в определенной степени подходила для решения обеих задач, «с военной точки зрения положение донского правительства прискорбно слабое»[12]. Крайне интересно, что в том же месяце в Вашингтон поступил отчет совершенно противоположного содержания, написанный генералом Дж. Першингом. В этом документе антибольшевистские силы на юге России именовались единственной силой, способной «эффективно противостоять немецкому вторжению»[13].

На Север России, интерес к которому не в последнюю очередь определялся огромными запасами грузов Антанты военного назначения в портах Архангельска и Мурманска[14], по заданию Фрэнсиса был направлен лейтенант Х. Мартин. Будучи, по словам современников, одним из самых горячих сторонников начала интервенции, он установил тесные контакты как с местными антибольшевистскими лидерами, так и с представителями советских учреждений, потратив немало сил на склонение их к разрыву с Совнаркомом. Главным аргументом в этом плане выступало обещание союзников оказать военную поддержку северной области: «Мы сегодня здесь среди вас для того, чтобы уверить вас в помощи союзников. Будьте уверены, что мы не оставим вас в этот серьезный момент»[15]. По сути, Мартин давал обещания о помощи, когда этот вопрос еще не был решен и вообще не находился в его компетенции. Это позволило разведчику, как ему казалось, добиться своего – согласно подготовленным им сводкам в январе – марте 1918 года военная и гражданская администрация Мурманского края была настроена просоюзнически, а в регионе наметился рост антибольшевистских настроений.

В противовес этой точке зрения американский консул в Архангельске Ф. Коул представил собственный доклад о перспективах политики Соединенных Штатов в регионе. Вот лишь несколько выдержек из этого документа: «интервенция, начатая малыми силами, с каждым следующим шагом будет требовать увеличения количества кораблей, людей, денег и материалов»; «план составить из русских добровольцев армию для поддержки союзников в борьбе с Германией обречен на провал»; «эсеровские, меньшевистские и кадетские интеллигенты никогда не будут править Россией. Их место – у дымящегося самовара, а не в залах правительства»[16]. Этих же взглядов придерживался и глава американской военной миссии в РСФСР полковник Дж. Рагглс, утверждавший, что лишь большевики обладают достаточными ресурсами для противостояния немцам[17], следовательно, именно с ними было необходимо налаживать отношения.

Следует отметить, что «руку на пульсе» военно-политических событий в стратегических портах на Севере старался держать и лично Фрэнсис. Будучи дуайеном дипкорпуса в Петрограде, он предпочел в конце февраля 1918 года убедить ряд посольств и миссий союзных и дружественных государств не покидать Россию в связи с угрозой захвата Петрограда немцами, а перебраться в Вологду – узловую станцию Московско-Архангельской и Транссибирской железных дорог. Так Вологда на несколько месяцев стала «дипломатической столицей»[18] и, соответственно, одним из центров американского шпионажа.

В отличие от Севера и Юга, с Дальнего Востока от разведчиков и дипломатов поступали в целом схожие отчеты – и майор В.С. Дрисдейл, и консул Дж. Колдуэлл высказывались за начало интервенции, так как ситуация в регионе «может угрожать интересам союзников», а отправка военных кораблей США во Владивосток будет расценена не как военная операция, а «как дружественный акт, дающий моральную поддержку всем русским гражданам»[19].

Так или иначе, становится очевидно, что в распоряжении Вильсона и Лэнсинга было минимум два противоречивых набора данных. В таких обстоятельствах решение о начале интервенции либо отказе от нее попадало в прямую зависимость от дополнительных факторов. Во-первых, подписание большевиками Брестского мира с Германией стало для американцев косвенным подтверждением союза между этими силами, прямых доказательств которого ранее найти не удавалось. О тесных военно-политических и экономических контактах немцев и большевиков говорили практически все присылаемые американцам разведсводки от британских агентов. Во-вторых, огромную роль играла позиция союзников по Антанте. В начале марта 1918 года в Мурманске с броненосца «Глори» англичане высадили небольшой десант, по сути, создав почву для военного вторжения. Сложившейся ситуацией нельзя было не воспользоваться, особенно учитывая, что несогласие на участие в интервенции, на которой настаивали Великобритания, Франция и Япония, могло поставить американцев в ту же ситуацию, что и РСФСР – в положение изгоя, отказавшегося от исполнения союзнических обязательств.

В этих условиях британский десант в Мурманске и мятеж Чехословацкого корпуса в Сибири привели к изменению содержания директив Госдепартамента консульской агентуре. Если в начале года Лансинга в основном интересовали политическое развитие региона и отношение населения к Антанте, то в июне 1918 года в посланиях из Вашингтона стали преобладать военные вопросы: о численности чехословацких легионеров, их вооружении и снаряжении, боевом духе и т.д.[20] Таким образом, вектор американской политики к лету окончательно сместился в сторону вооруженного вмешательства, носившего одновременно антигерманский и антибольшевистских характер.

В то же время, с дипломатической точки зрения, интервенция, по мнению аналитиков Госдепартамента, не являлась военной операцией против РСФСР, поскольку администрация Вильсона официально не признала Совет Народных Комиссаров, а значит, Россия была «свободной» территорией: «Соединенные Штаты никогда не признавали власть большевиков и не считают свое стремление защитить запасы в Архангельске или помочь чехам в Сибири как состояние войны с большевиками»[21]. К тому же, Конгресс США не принимал решения об объявлении войны Советской Республике, да и финансировались антибольшевистские операции из личного Президентского военного фонда[22]. В начале июня 1918 года в Версале представители четырех стран – Франции, Великобритании, США и Италии – приняли решение об отправке на Север России небольшого воинского контингента для охраны портов Мурманска и Архангельска, именуя этот шаг «необходимым следствием» интервенции в Сибири и мотивируя его просьбами русских властей[23]. Подобные приглашения действительно имели место – они поступали от Мурманского Совдепа, Временного правительства автономной Сибири и т.д.

Как следствие, уже 6 июля 1918 года Владивосток был объявлен международной зоной, а в городе высажен американский и японский военный десант. Далее, 2 августа 1918 года союзные войска, в состав которых входила группа американских морских пехотинцев с крейсера «Олимпия», заняли Архангельск, вступив в открытое боевое столкновение с частями Красной Армии. Несколькими днями позже из Сан-Франциско и Манилы в море вышли транспортные корабли, на борту которых находились более 9 тыс. солдат армии США, направлявшихся на Дальний Восток и в Сибирь. Это стало началом крупномасштабной военной интервенции Соединенных Штатов Америки в Советской России. Вмешательство союзников во внутренние дела РСФСР повлекло за собой эскалацию Гражданской войны и обернулось для США только грандиозными финансовыми тратами и гибелью нескольких сотен военнослужащих[24].

По мнению историков, «американская интервенция в России была первой интервенцией, в ходе которой США не могли даже претендовать, что достигли целей, которые ставили. Сотни молодых американцев погибли на чужой земле за безнадежное дело. Еще более трагичным оказалось то, что уроки, которые

можно было извлечь из русской интервенции, не были извлечены». Касаясь вопроса о причинах неудач, исследователи обычно указывали на малочисленность американских войск в России, усталость солдат от Мировой войны и неспособность государств Антанты действовать в «русском вопросе» сообща. Однако, по всей видимости, первопричина провала интервенции заключалась в том, что с самого начала революции в России «американцы были отягощены целым клубком ложных восприятий происходивших событий»[25]. Именно неспособность Вашингтона объективно оценить военно-политическую обстановку в России в конце 1917 – начале 1918 года привела к совершению такой внешнеполитической ошибки, как вооруженное вмешательство во внутренние дела РСФСР. Немалую роль в формировании этого «ложного восприятия» сыграли спецслужбы Соединенных Штатов.

Чересчур поздние сроки формирования профессиональных органов внешней разведки привели к тому, что на территории России к октябрю 1917 года не была создана достаточно мощная агентурная сеть, что существенно сократило число источников объективных данных о политике большевиков. В свою очередь, консульская агентура, фактически монополизировавшая функцию снабжения Вашингтона информацией о положении дел в Советской Республике, не обладала достаточным опытом подобной работы. Как следствие, разведчики-дипломаты сосредоточили свои усилия не столько на сообщении Госдепартаменту и Военному Министерству конкретных фактов, сколько на их самостоятельной интерпретации и составлении многочисленных рекомендаций. В конечном итоге, Вильсон и Лансинг попали под влияние субъективных взглядов американских агентов, принимая их за объективные сведения. В результате недооценка американскими политиками важности профессиональной разведывательной работы способствовала втягиванию США в военный конфликт, вызвавший множество внешнеполитических осложнений и не принесший пользы ни одной из вовлеченных в него стран. ■

---

1 Весьма критические оценки поведения иностранных интервентов, включая американских, нередко встречаются в мемуарной литературе белых. Например, член правительственного кабинета Северной области генерал В.В. Марушевский пришел к следующему заключению: «Чтобы охарактеризовать создавшееся положение, проще всего считать его “оккупацией”. Исходя из этого термина, все отношения с иностранцами делаются понятными и объяснимыми». См.: **Марушевский В.В.** Год на Севере // Белое дело. 1927. Т. 3. С. 52.

2 **Дэвис Д.Э., Трани Ю.П**. Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в российско-американских отношениях. М., 2002. С. 152.

3 **Finnegan J.P.** Military intelligence. Washington, 1997. P. 22-23.

4 **Nelson O.L.** National Security and the General Staff. Washington, 1946. P. 46-47.

5 Российский Государственный Военный архив. Ф. 40311. Оп. 1. Д. 9. Л. 119.

6 **Langbart D.A.** Five months in Petrograd // 1918: Robert W. Imbrie and the US Search for Information in Russia // Studies in Intelligence. 2008. Vol. 52. № 1. Web Supplement. P. 2.

7 **Bailey T.** A Diplomatic History of the American People. N.Y., 1958. P. 106.

8 **Asgarov A.M.** Reporting Form the Frontlines of the First Cold War: American Diplomatic Dispatches about the Internal Conditions in the Soviet Union, 1917-1933. College Park, 2007. P. 54.

9 **Lang A.F.** Agency and ethics: the politics of military intervention. Albany: State University of New-York Press, 2002. P. 31.

10 **Вильямс А.Р.** Путешествие в революцию. Россия в огне Гражданской войны. 1917-1918. М., 2006. С. 129.

11 **Plotke A.J.** Imperial spies invade Russia: The British Intelligence Interventions. 1918. London: Greenwood Press, 1993. P. 1.

12 Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918, Russia. Washington. 1932. Vol. 2. P. 614.

13 National Archive of United States (NAUS). Record Group 120. Roll 1. Cable 437. P. 1.

14 Белый Север. 1918-1920 гг.: Мемуары и документы. Архангельск, 1993. Вып. 1. Сост., автор вступ. статьи и комментариев В.И. Голдин. С. 7.

15 Гражданская война на Мурманске глазами участников и очевидцев: Сборник воспоминаний и документов. Мурманск, 2006. С. 218-219.

16 Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918, Russia. Washington, 1932. Vol. 2. P. 477-484.

17 NAUS. Record Group 120. Roll 9. File 193. P. 1.

18 См.: **Быков А.В., Панов Л.С.** Дипломатическая столица России. Вологда, 1998. С. 6-14.

19 Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918, Russia. Washington, 1932. Vol. 2. P. 16, 36.

[20] Ibid. P. 21-22, 224.

[21] Ibid. P. 548.

[22] **Ward J.F.** New Light on the American Expedition to Russia of 1918. Lubbock, 1931. P. 33-34.

[23] NAUS. Record Group 120. Roll 20. File. 337. P. 1.

[24] Quartered in Hell: The Story of the American North Russian Expeditionary Force, 1918-1919. / Ed. by D.N. Gordon. Missoula, 1982. P. V-VI.

[25] **Stoessinger J.G.** Nations in Darkness: China, Russia and America. N.Y., 1971. P. 116.

Винсен Буле

Образ СССР и войны на Восточном фронте во французской коллаборационистской прессе (на примере газеты «Я повсюду»)

Хорошо известно, что в условиях «тотальной войны» как фашисты и их союзники, так и советское правительство отводили важное место работе с пропагандой, транслируемой при помощи прессы, радио и кинематографа[1]. Но в случае с фашистскими и коллаборационистскими СМИ речь шла также об обосновании политики массового уничтожения советского народа как немецкими, так и вспомогательными войсками и полицейскими формированиями. Даже если страницы прессы, радиоэфир и видеоматериалы редко говорили непосредственно о совершаемых на Восточном фронте убийствах, нацисты и их пособники использовали средства массовой информации, чтобы создать в общественном мнении все условия для поддержки, хотя бы пассивной, таких действий.

Говоря о фашистской и коллаборационистской печатной прессе, нужно отметить, что она редко создавалась на пустом месте. Чаще всего ее органы возникали на основе уже существовавших до войны периодических изданий антисемитских и антикоммунистических изданий. Франция не была здесь исключением. Нападение нацистской Германии и ее союзников на СССР предоставило французским коллаборационистам прекрасную возможность оправдать политику сотрудничества с Рейхом. Для этого нужно было восстановить довоенную антисоветскую пропаганду. «Я повсюду» – это еженедельная газета, которая начала издаваться в 1930 году и просуществовала на протяжении всего периода оккупации. В положительно настроенных по отношению к нацистам кругах это издание имело сильное политическое и интеллектуальное влияние. Изучить образ СССР, сталинского режима и войны на Восточном фронте весьма важно для осознания идеологических основ французского коллаборационизма.

Введение:

Антисоветские и антикоммунистические настроения в довоенной Франции

В период оккупации дискурс коллаборационистской прессы в адрес Советского Союза имел прямые истоки в антикоммунистических и антисемитских настроениях, выраженных в речи значительной части довоенных СМИ в разной степени интенсивности. Эти настроения основывались на двух важнейших элементах: антикоммунизме широкой части общества в межвоенный период и репрессивном законодательстве коллаборационистского правительства.

Уже в 1919 году, еще до создания Французской Коммунистической Партии (ФКП), Октябрьская революция представлялась во Франции в крайне негативном свете[2]. Антисоветские и антикоммунистические настроения значительно усилились с 1938 года, когда ФКП отказалась признать Мюнхенский сговор и поддержала всеобщую забастовку 30 ноября 1938 года[3]. Кроме того, ФКП, а вместе с ней и СССР, становятся объектом нападок со стороны представителей либеральных и правящих кругов с целью дискредитировать бывшее правительство Народного фронта[4]. Распространяется миф о всемирном заговоре, возглавляемом Коммунистическим Интернационалом[5]. В итоге, после подписания пакта Молотова-Риббентропа ФКП и коммунистические газеты запрещаются[6].

Законодательство правительства Виши является вторым элементом дискурса коллаборационистских СМИ о Советском Союзе. 27 августа 1940 года отменяется закон о диффамации и расовом оскорблении. Таким образом, в прессе появляются антисемитские публикации.

В данной статье исследуется образ СССР, сформированный на страницах одной из крупнейших французских коллаборационистских газет «Я повсюду» («Je suis partout»). В довоенные годы «Я повсюду» уже являлась

одной из наиболее влиятельных газет ультраправого толка. Ее тираж насчитывал от 40 до 80 тыс. экземпляров. Жорж Бидо (*Georges Bidault*), сотрудник христианско-демократической ежедневной газеты «Л'Об» («l'Aube»), отмечал: «Часть правящей буржуазии, в особенности молодежь, окажется под влиянием жестокости и дерзких выражений, звучавших со страниц одной газеты, литературный талант сотрудников которой никогда не ставился под сомнение». «Дерзкие выражения» носили, по сути, ультраконсервативный характер, связанный с четко выраженным антисемитизмом, и со второй половины 1930-х годов не замедлили эволюционировать в фашизм.

1. «Я повсюду»: краткое описание общественно-политических целей издания

1.1. От крайнего консерватизма до фашизма

С момента создания газеты в 1930 году становятся очевидными антикоммунистические и антисоветские взгляды ее редакции. Ультраконсервативно настроенный основатель и издатель газеты Артэм Файяр имел политические убеждения, близкие к монархистскому и антисемитскому движению *Action Française* (Французское действие)[7].

Первый номер газеты вышел в свет 29 ноября 1930 года. Ультраправый историк и публицист Пьер Гаксот (*Pierre Gaxotte*) был главным редактором и автором статей от редакции с самого начала существования газеты. Он исполнял эти функции вплоть до 1939 года. Во время Первой мировой войны он был личным секретарем главного идеолога движения *Action Française* Шарля Мораса (*Charles Maurras*). В 1930 году Гаксот написал книгу о французской революции, в которой отстаивал контрреволюционную точку зрения.

Точнее определилась политическая позиция газеты с приходом в редакторский коллектив трех людей, сыгравших ключевую роль в ее существовании: Робера Бразийака (Robert Brasillach)[8], Люсьена Ребатэ (*Lucien Rebatet)*[9] и Пьер-Антуана Кусто (*Pierre-Antoine Cousteau*). Вместе с Пьером Гаксотом они были идеологическими руководителями газеты вплоть до 1940 года, а после его ухода во время так называемой Странной войны возглавили это издание, ставшее главным коллаборационистским и фашистским органом во Франции.

В сентябре 1942 года Робер Бразийак опубликовал настоящий манифест фашизма, в котором он называл «семь интернационалов», представляющих опасность для его родины: «Коммунистический Интернационал[10], социалистический интернационал, еврейский интернационал, католический интернационал, протестантский интернационал, масонский интернационал и финансовый интернационал» (№ 582, 25 сентября 1942 года).

Начиная со второй половины 1930-х годов фашистские идеи уже звучали на страницах газеты. В глазах редакторского коллектива европейские страны делились на три категории: националистические страны, «слабеющие» демократические государства и те страны, где демократия боролась с национализмом. В мае 1936 года Пьер Гаксот писал:

«Если раньше было время, когда государства в своем развитии стремились к демократии, то сейчас они стремятся к фашизму. Парламентская и близкая к социализму демократии являются пережитком прошлого и существуют лишь в некоторых очень отсталых странах или в странах с очень низким культурным уровнем». (30 мая 1936 года)

В ноябре того же года Кусто выступил против «торжественных дураков демократии», к которым он причислил А.Ф. Керенского и П.Н. Милюкова. В качестве альтернативы демократии «Я повсюду» предлагала перспективу «национальной революции»:

«Весь общество-политический строй нуждается в переделке, и такую перестройку мы называем национальной революцией». (4 февраля 1938 года)

Это выражение станет после поражения французской армии в 1940 году лозунгом правительства Виши. Неудивительно, что в таких условиях марксизм стал важнейшей мишенью для авторов газеты. Гаксот объявил:

«Мы являемся упорными врагами классовых теорий. Мы неприемлем любую диктатуру, как пролетариата, так и капитализма».

Естественно, что антикоммунизм был главной линией редакции «Я повсюду». Поль Шак, с 1934 года глава исторического департамента Главного штаба флота и с 1941 года президент Комитета антибольшевистской борьбы, был одним из сотрудников газеты. Он будет расстрелян в 1945 году после окончания войны.

1.2. Политические модели коллаборационистских журналистов

«Я повсюду» использовала примеры идеологий многих европейских фашистских тече-

ний в качестве политических образцов. Такими моделями стали бельгийский рексизм, испанский франкизм и румынская «Железная Гвардия». «Я повсюду» выражала радость, когда «Железная Гвардия» получила на выборах 17% голосов и 66 мест в Парламенте в 1937 году. Однако в отношении нацисткой Германии в 1930-х годов газета занимала настороженную позицию. В помещенных на ее страницах статьях высказывалось как восхищение совершенным гитлеровцами «национальным возрождением», так и беспокойство по поводу немецких империалистических притязаний на Францию.

Во время войны на смену им пришли другие модели. Государства, воюющие против Советского Союза, или политические единицы, коими себя считали националистические объединения, сражающиеся против Красной Армии, ставились в пример редакцией «Я повсюду». Речь идет, главным образом, о Финляндии и об Украине.

1.2.1. Финская модель

Большинство французских коллаборационистских изданий создали в обществе героический образ Финляндии во время Зимней войны. В дальнейшем эта страна являлась важным элементом их риторики. Примером тому служит статья Пьера-Антуана Кусто, опубликованная 30 мая 1942 года:

«Финны остались прежними с тех времен, когда Черчилль в 1940 году выражал свою радость по поводу их сопротивления большевизму. Они не изменили своих учреждений. Это государство является примером демократии среди стран Оси. Президент Совета министров г-н Рангелл[11] – социал-демократ, партия которого связана с Третьим Интернационалом […]. Это не еврейская демократия […]. 10 декабря 1939 года финны оказались лицом к лицу, без всякой помощи, перед Россией: три с половиной миллиона человек против коалиции в 180 миллионов прекрасно вооруженных индивидов. Сейчас на их стороне Германия и европейская элита. Но они продолжают все ту же войну, войну западной цивилизации с марксистским варварством, войну, в которую первыми вступили финские солдаты. "Большевики, – сказал президент Рюти в октябре 1941 года, – это бандиты с большой дороги, которых нужно до конца истребить, чтобы в Европе наступил мир". Армия истинно демократической Финляндии по определению является, прежде всего, белой армией. Независимость страны была отвоевана у красных и может быть поддержана только борьбой с красными»[12].

Таким образом, Кусто отстаивал концепцию «войны-продолжения» – название, данное финнами конфликту с Советским Союзом, в котором они выступали на стороне нацистов. К тому же, автор обращается к заявлению президента Финляндской республики с 1940 по 1944 год, в котором он призывал к истреблению «большевиков» «до конца». После Кусто делится впечатлениями от своей поездки в Финляндию в 1936 году:

«Ужас перед большевизмом был основным чувством, объединявшим в единой цели все общественные классы и все партии. Все помнили, что уже двадцать пять раз за всю историю русские захватывали Финляндию и что во время последнего нападения в 1919 году марксисты совершали неслыханные зверства[13]. Все также думали о финнах, в неслыханных мучениях живущих в Карелии, которых неудачный договор вынудил находиться под игом Москвы. Чтобы увидеть в истинном свете советское варварство, не нужно было ехать за тридевять земель. Начало этой борьбы находится в Финляндии, там о нем знали». (№ 565)

Кусто не только приветствовал антирусскую и антисоветскую внешнюю политику финского правительства, но также превозносил политический режим этой страны. По его мнению, Хельсинки создали модель «социального» государства, не марксистского и не капиталистического, не исключающего наличия собственности и частной выгоды.

1.2.2. Националистическая Украина Петлюры

Украина являлась еще одним политическим примером. Позиция редакции «Я повсюду» по отношению к украинским националистам менялась с течением времени. Довоенный период характеризовался, скорее, скептицизмом и даже враждебностью по отношению к этому движению. Но с июня 1941 года украинцы, сражавшиеся против Советского Союза, стали настоящими героями колонок газеты.

Русские белоэмигранты, близкие к издателям «Я повсюду», сначала относились к представителям Украины довольно настороженно. На страницах фашистской газеты то и дело появлялись материалы, показывавшие противоречия между великорусским

и украинским национализмом. Последний удостаивался весьма сдержанных, скептических статей. Так в 1938 году Люсьен Ребатэ в репортаже из Вены выражает свою обеспокоенность созданием немцами в австрийской столице Украинского легиона (11 августа 1938 год)[14].

Пьер Брежи, сторонник белогвардейцев, эмигрант из Одессы и журналист «Я повсюду», опубликовал вместе с князем Сергеем Оболенским в 1939 году памфлет «Украина – русская земля»[15], направленный против сепаратистских и националистических тенденций украинцев. Авторы также выступили с критикой пришедшего на некоторое время к власти после раздела Чехословакии пронемецкого правительства Закарпатской Украины и поддержали политику Венгрии в этом регионе.

Нападение нацистов на СССР в корне изменило мнение редакторов «Я повсюду» об украинских националистах. Меняется даже тон «исторических» статей о французской интервенции на Украину на стороне белогварцейдев в 1919 году: Петлюра и его армия понимаются с тех пор как сторонники «еще не оформленного фашизма». Вдобавок «Я повсюду» благосклонно отзывается о царившем в рядах Петлюры антисемитизме:

«[Французы] были совсем не осведомлены о политической ситуации в России. По причине плохой информированности они приняли сторону добровольцев [Деникина] против украинцев. Это было абсурдно. Добровольцы были прекрасными солдатами и ярыми патриотами, но они оставались привязанными к устаревшим формам правления. Они были реакционерами в чистом виде. По ошибке или обоснованно, но "мужики" ожидали, что у них отберут земли, а этого они не желали никаким образом. Петлюра же, будучи в равной степени антибольшевиком, как и добровольцы, был еще и антисемитом, антикапиталистом и антипарламентаристом. Он хотел для Украины устройства, которое можно назвать "неоформленный фашизм". Большевики считали его капиталистом, как и все остальные. Для добровольцев он был украинским сепаратистом, предателем, еще более опасным, чем большевики, постоянно говорившие, в свою очередь, о разделении России. Однако, хорошо это или плохо, но именно с опорой на реальную силу украинской армии, с поддержкой добровольцев и при помощи поляков экспедиционный корпус, столь же малочисленный, как и наш, мог рассчитывать на судьбоносный результат».

Антисемитизм, антикапитализм, национализм и антипарламентаризм сторонников Петлюры – это то, за что ратовали члены редакции «Я повсюду». Украина и Финляндия, граничащие с СССР, представляются, таким образом, антимоделями по отношению к позорному коммунистическому строю.

2. Образ СССР в «Я повсюду» в довоенные годы

В довоенные годы советское государство часто становилось объектом внимания «Я повсюду». Первый из ряда специальных номеров газеты был посвящен именно СССР. Издатели хотели показать «неизбежный крах» коммунистического государства. В номере за 1931 год Пьер Гаксот писал:

«В нашем исследовании мы уделили особое внимание Советам. Обо всех происходящих в России событиях с 1917 года мы узнавали только из коммунистических источников: книги, речи, газеты, журналы, данные статистики… Вследствие этого нами был сделан вывод, что сами советские материалы наводят на мысль о неминуемом смертном приговоре стране Советов». (№ 56, 26 декабря 1931 года)

Внимание «Я повсюду» привлекают два эпизода, пришедшиеся на 1930-е годы: франко-советский пакт 1935 года, активно атаковавшийся редакцией, и третий «московский процесс».

2.1. «Я повсюду» против франко-советского договора о взаимопомощи 1935 года

Уже в 1933 году газета яростно выступала против дипломатических переговоров о заключении соглашения между Францией и СССР. На страницах «Я повсюду» утверждалось, что такой договор вовлечет Францию в войну с Гитлером. 13 декабря 1933 года Пьер Гаксот написал статью под следующим заглавием: «Все на войну по поводу франко-советского союза». В то время, когда французское и советское правительства были близки к тому, чтобы подписать договор, Гаксот утверждал в статье от редакторов от 20 апреля 1935 года:

«Для нас сейчас есть даже не два, а три возможных решения: можно помогать Москве, можно помогать Берлину, а также можно не мешать Берлину и Москве ссориться, пока ситуация не изменится. И нам не надо в это

вмешиваться. Не надо нам обязывать себя вести войну по причине необходимости оказания помощи. Мы не должны быть обязаны посылать на смерть тысячи молодых французов из-за того, что поляки вошли в какую-нибудь деревню Мамоновщина или немцы – в какой-нибудь городок Сейшторышки»[16].

Договор был подписан 2 мая 1935 года. Два дня спустя «Я повсюду» высказала мысль, что Франция стала инструментом в руках «Интернационала и славизма».

Франко-советский пакт регулярно становился объектом пылких нападок. 21 марта 1936 года Пьер Гаксот писал:

«Чем больше нас поддерживают Советы, тем скорее от нас отвернутся англичане. И чем скорее мы станем союзниками советского государства, тем вероятнее мы будем расходиться с Лондоном, Брюсселем, Варшавой, Белградом. Франко-советский договор идет на пользу Германии и склоняет англо-саксонские страны на сторону Гитлера. Этот союз обрекает нас на то, что мы окажемся лицом к лицу с Германией в полном одиночестве».

Редакторы газеты считали, что такой договор служил вспомогательным элементом прихода к власти Народного Фронта. Например, Андрэ Шамсон (André Chamson), директор левого еженедельного журнала «Пятница» («Vendredi») представлялся как агент советской разведки, а его издание – как «русский еженедельный журнал на французском языке» (22 августа 1936 года). После того как Народный Фронт распался, Гаксот подвел «итоги» его деятельности. Он обвинил «поддержанный и восхваляемый некоторыми правыми продажными типами договор с Советским Союзом».

Но распад Народного Фронта не означал прекращения обличительных статей в адрес договора 1935 года. В апреле 1938 года Кусто проанализировал внешнеполитическую программу Франции и призвал расторгнуть франко-советский пакт, укрепить союз с Польшей и подписать военную конвенцию с Великобританией. То есть «Я повсюду» выступала за создание антисоветских альянсов.

2.2. Сталинские репрессии

Журналистов «Я повсюду» сильно интересовали сталинские репрессии, в особенности «московские процессы». Они видели в этом переломный момент в существовании в СССР, то есть конец влияния «старых большевиков», в особенности евреев. Газета считала «московские процессы» признаком антисемитизма. Кусто писал:

«Московский диктатор убивает тех жидомарксистов, которые совершили революцию 1917 года. Из 16 расстрелянных в августе 1936 года 12 были евреями. Вот настоящий погром». (20 января 1937 года)

В тех же выражениях Кусто описывал чистку, провозглашенную народным комиссаром внутренних дел Г.Г. Ягодой:

«Для этого человека, происходивший из грубого и несчастного народа [Сталин], понятие “родина” имело определенный смысл, смысл, который никогда не заключался в нем и который оно не могло иметь для Троцких, Радеков или Ягод. Сталин так ничего и не понял в марксизме, кроме того что надо бросать бомбы в почтовые конвои при царях и – в более позднее время, когда у власти встала новая каста военных, патриотов и профессиональных антисемитов, – что существуют интеллектуалы из старой большевистской когорты, которые должны быть лишены гражданства». (29 августа 1936 года)

Третий «московский процесс» происходил со 2 по 13 марта 1938 года. Говоря об этих событиях, Кусто описывал Сталина в иронических терминах:

«Если бы г-на Сталина не было, его нужно было бы срочно выдумать. Дорогой, великий господин Сталин! Пусть он заботится о себе для нас, чтобы не простудиться, пусть сначала дает попробовать свой борщ вышколенным мужикам, прежде чем прикоснуться к нему губами, пусть удваивает охрану, покидая стены Кремля. Самое большое несчастье, которое может с нами произойти сейчас, это смерть г-на Сталина. Поскольку великое дело диктатора еще не завершено. Еще осталось несколько большевиков, сохранивших головы на плечах. Например, Валлах-Меер Литвинов, Молотов, Калинин, Ворошилов и Буденный. Конечно, их осталось лишь горстка, но…». (11 марта 1938 года)

Итак, мы видим, что «Я повсюду» рассматривала «московские процессы» как месть «старой России», представленной, главным образом, военными, «жидо-большевиками», пришедшим к власти после 1917 года. Эта версия, конечно, была ошибочной. С таким подходом журналисты «Я повсюду» не смогли также проанализировать чистки, происходившие в армии в 1937 года. Резюмируя комментарии корреспондентов по поводу репрессий в Красной Армии, можно сказать,

что чаще всего они представлялись как «разборки термидорианцев» (19 июня 1937 года).

Можно сказать, что во второй половине 1930-х годов «Я повсюду» придерживалась не только антикоммунистической, но и открыто фашистской, антисемитской линии. Редакция распалась после войны и мобилизации. В феврале 1940 года Пьер Гаксот прекратил сотрудничество с «Я повсюду», и с 7 июня 1940 года газета перестала издаваться. По инициативе Алена Лабре и Шарля Леска в феврале 1941 года ее снова начали издавать на оккупированной зоне с целью защиты идей коллаборационистов. Номер «498 бис» датирован 7 февраля 1941 года. Робер Бразийяк, будучи военнопленным, был освобожден в апреле 1941 года. Он стал главным редактором газеты. В период оккупации ее тираж значительно возрос. Сначала он достиг 100 тыс., потом – 150 тыс. экземпляров в 1941 году, 250 тыс. в 1942 году и почти 300 тыс. в конце оккупации. Влияние издания на общественное мнение коллаборационистской Франции было определяющим.

Нападение Германии на СССР радостно приветствовалось всеми коллаборационистами. «Я повсюду» настаивала на справедливости этого действия.

3. Хронология и типология статей

Статьи и сообщения, посвященные СССР и войне на Восточном фронте с июля 1941 по август 1944 года печатались в газете довольно часто. При их подсчете за весь период мы находим 69 статей и 46 кратких информационных сообщений. По годам они распределялись следующим образом:

Месяцы	Количество статей о СССР	Количество кратких сообщений
Июль 1941 г.	3	3
Август 1941 г.	1	4
Сентябрь 1941 г.	1	2
Октябрь 1941 г.	4	1
Ноябрь 1941 г.	2	3
Декабрь 1941 г.	0	1
Январь 1942 г.	0	0
Февраль 1942 г.	1	0
Март 1942 г.	3	0
Апрель 1942 г.	3	2
Май 1942 г.	2	2
Июнь 1942 г.	2	0
Июль 1942 г.	1	6
Август 1942 г.	1	2
Сентябрь 1942 г.	1	0
Октябрь 1942 г.	0	2
Ноябрь 1942 г.	1	1
Декабрь 1942 г.	2	0
Январь 1943 г.	0	0
Февраль 1943 г.	4	0
Март 1943 г.	1	0
Апрель 1943 г.	5	0
Май 1943 г.	0	1
Июнь 1943 г.	1	4
Июль 1943 г.	10	0
Август 1943 г.	5	0
Сентябрь 1943 г.	1	0
Октябрь 1943 г.	1	0
Ноябрь 1943 г.	2	4
Декабрь 1943 г.	3	1
Январь 1944 г.	2	0
Февраль 1944 г.	0	3
Март 1944 г.	2	3
Апрель 1944 г.	1	1
Май 1944 г.	0	0
Июнь 1944 г.	0	0
Июль 1944 г.	1	0
Август 1944 г.	0	0

Мы замечаем, что в некоторые периоды газета более охотно печатала статьи об СССР и войне на востоке, чем в другие. Летом и в начале осени 1941 года были весьма популярны призывы к «крестовому походу против большевизма», сообщения, предвещавшие «неизбежное» падение Советского Союза. Когда Красная Армия остановила продвижение немцев, а также после контратаки советских войск под Москвой зимой 1941 года, тема, связанная с СССР, полностью исчезла на какое-то время со страниц газеты. К ней вернулись в конце весны 1942 года. Далее, после очередного затишья, связанного с разгромом фашистов под Сталинградом, журналисты «Я повсюду» часто упоминали советское государство на протяжении 1943 года с двух точек зрения: в рамках тезиса о необходимости защитить «Европу» от захвата ее Красной Армией, а также в свете репортажа, сделанного Пьером-Антуаном Кусто и Робе-

ром Бразийяком весной 1943 года, главным образом, с территорий Прибалтики и Белоруссии. В первые месяцы 1944 года наблюдается сокращение количества статей о международной обстановке в целом. «Я повсюду» больше интересуется гражданской войной во Франции и призывами к установлению настоящего фашистского правительства в Париже.

Нам представляется важным рассмотреть различные сюжеты, связанные с войной Германии и СССР. В основном они подразделялись на два вида: «описание» Советского Союза и «террора» евреев и коммунистов, разразившегося на территориях стран до оккупации их нацистами, и, собственно, военная обстановка.

4. СССР как «тюрьма народов»

Советский Союз регулярно представлялся газетой как «тюрьма народов». Из статей «Я повсюду» следовало, что захват его территорий фашистами дал проживавшим там меньшинствам возможность освободиться. Первый командующий «Легиона французских добровольцев против большевизма» Роже Лабонн был в этом смысле одним из самых любимых героев для газеты[17]. В статье, написанной им самим 14 июля 1941 года, «СССР – колосс на глиняных ногах» он утверждал:

«Сегодня из 180 миллионов жителей большевистского государства как минимум 80 миллионов не являются представителями доминирующей расы и мечтают только об одном: о национальной эмансипации […]. Особенно на Украине. Когда еврей Шварцбард победил гетмана Петлюру, продолжая разряжать в него свой браунинг, когда тот уже упал на землю, то за недостатком информации общественное мнение приписало это преступление иудейскому сообществу, которое, к тому же, потратило немалые суммы, чтобы обеспечить безнаказанность единоверцу, который, как говорилось, совершил его, будучи в негодовании от погромов в Малороссии. К тому же, нашлись бессовестные, напуганные или подкупленные судьи, оправдавшие страшного убийцу, бывшего не кем иным, как настоящим большевистским палачом. А на самом деле нужно было просто уничтожить человека, который олицетворял собой украинский дух независимости, живущий вот уже два века, как заметил Вольтер в своей "Истории Карла XII", и возродившийся с созданием свободной конституции в 1917 году, проявившийся в постоянных мятежах в районе Днепра, вследствие чего местные гарнизоны было необходимо заменить дивизиями, состоявшими исключительно из великороссов. На Кавказе, особенно в Грузии, те же тенденции жестоко подавлялись. Таким образом проявлял свою власть гениальный отец народов, ставший эдаким московским шовинистом, как это происходило с англичанином Парнеллом, сторонником отделения Ирландии, и с хорватом Кошутом, главой мадьярского движения за независимость. Наконец, в Туркестане, когда после неудачных попыток возглавить движение за независимость туркестанцев в ферганских горах был убит Энвер-паша, стали происходить многочисленные восстания, топившиеся одно за другим в крови по славной традиции большевиков. Но желание к самоопределению не было сломлено. Глава повстанцев, Мустафа Чокаев, переехал в Париж. […] Россия под Сталиным […] – это совокупность наций, которых национализм безвозвратно обрек на разложение».

В статье о «еврее Литвинове», вышедшей 4 сентября 1941 года (№ 528), тот же Роже Лабонн писал, что СССР навесил «самое необыкновенное и самое жестокое ярмо, какое только мог, на более чем 90 миллионов украинцев, кавказцев, туркестанцев, находившихся формально в оппозиции к доминированию расы москвичей». Спустя месяц анонимный автор опубликовал статью с описанием приема, оказанного украинцами немцам:

«Украинцы, которых на протяжении веков связывали с немцами тесные узы, приняли, к тому же, немецкие войска с облегчением, поскольку те принесли им освобождение от режима этого крестьянского народа. Произносились цитаты из писем, направленных главе Германии через местных епископов. Хорошо также было то, что везде церкви были снова переданы служителям культа, а святые дары, ранее спрятанные в тайниках в течение четверти века, вернулись в церкви, христианская религия была восстановлена». (№ 532, 4 октября 1941 года)

18 апреля 1942 года Роже Лабонн написал еще одну статью в том же духе, упоминая вместе с «украинским легионом»[18], с которым против партизан сражался ЛВФ[19], еще и «татарский легион», а также «грузинский легион»:

«Украинцы, кавказцы, туркестанцы считают сейчас выступающих в союзе европей-

цев своими освободителями и сражаются на их стороне с явным энтузиазмом. Уже существует татарский легион, родные и двоюродные братья участников которого были силой согнаны в жуткие военные формирования и затем брошены на передовую во время зимнего наступления, без страха перед тем, что это обернется настоящей бойней. Есть и грузинский легион, […] есть украинский легион, вместе с которым мы сражаемся против партизан и который насчитывает сегодня более 100 000 человек». (№ 559)

Присутствие в немецкой армии легионеров из Грузии, которых считали «потомками Прометея», было особенно значимо в глазах Пьера-Антуана Кусто, который писал в статье от 7 августа 1942 года:

«Несмотря на яростное сопротивление, Грузия, территория которой была урезана [в 1922 году] в результате действий Красной Армии, была в буквальном смысле отдана на разграбление бандитам-уголовникам, чекистам-евреям, отличавшимся неслыханной жестокостью. [...] Сегодня, после двадцати лет дикого притеснения, народ прометеев увидел, как пробиваются ростки его свободы. Не вызывает сомнений, что они заранее относятся к европейской армии лучше, чем к русским, которые со свойственной им глупостью путали защиту бесчеловечного режима с защитой родины. Даже если кавказцы не надеются на полную автономию, они не могут не радоваться европейцам. Ведь хотя они выносили без особого ропота бремя власти царей-иностранцев, но давление большевиков пережить не могли. И все, абсолютно все для них лучше, чем большевизм». (№ 575)

Идет ли речь об Украине или о Грузии, мы видим в этих текстах противоречия. Редакторы «Я повсюду» легко перескакивают от обличений «жидо-большевистской диктатуры», Советского Союза к критике в адрес «Москвы» и России в целом. Подобная двойственность характерна для националистического дискурса, который мы видим, например, у украинских националистов. Весь русский народ сам по себе объявлялся варварским племенем.

5. Образ русского народа

Колонки «Я повсюду» пестрели русофобскими, этноцентристскими, эссенциалистскими и зачастую расистскими клише. Особенно богаты «общими местами» были статьи, содержавшие описание территории. Посмотрим, например, на репортаж Робера Бразийяка. Весной 1943 года он писал:

«Это был первый контакт с загадочной землей. Эта монотонная равнина, прорезанная лесами, полями, болотами […]. Я почувствовал присутствие чего-то чужого, неизвестный запах, быстро наступающую грусть. Я пересек уже десяток этих лесных деревень, вдоль которых идут не то тропы, не то рытвины, которые здесь называются дорогами […]. Должно быть, Россия не слишком изменилась со времен XIX века. […] Россия даже в нашем понимании была настоящим романтическим уголком прошлого века, с ее святыми проститутками, преступниками с душераздирающей судьбой, с ее танцорами и бородатыми пророками. И одновременно это была Россия, какой мы ее знаем из кино, и Россия, где царят мятежи, еврейский марксизм, убийства, где читают странное евангелие, источающее преступления и прозелитизм». (№ 623, 16 июля 1943 года)

В следующем номере Бразийяк писал о «нищих деревнях, городах, разрушенных войной, дремучих лесах, где ходят мрачные орды, – все это наполняло нас весьма сложными чувствами»[20] (№ 624, 23 июля 1943 года).

«Я повсюду»20 регулярно печатала материалы, написанные членами ЛВФ. Тексты пестрели антирусскими клише, усиленными обличительными высказываниями в адрес власти, узурпированной евреями. Приведем фрагмент из текста «добровольца» Этьена Дэспаньо:

«Вид моего ружья заставил разбежаться выводок грязных детей. Только у одной девочки пятнадцати лет был человеческий взгляд. [...] Русские спят на толстом матрасе, служащим прибежищем для блох, уютно себя чувствуя наверху, [на печке]. Я попробовал – но меня победили блохи и жара, и мне потребовалось вечером упасть на солому и мечтать о Франции. [...] Вареная в воде курица была съедобной, но это же русская курица… Она была очень жесткой. Я узнал, что курица – это "kouritsa", но с десятком "р" в слове. [...] И мне пришлось засыпать на соломе, которую положил к моим ногам этот практически идиотический мальчишка, сфабрикованный своими отцом и матерью по советским, то есть, по жидо-коммунистическим нормам. […] Сотни тысяч людей также вынуждены были вести животный образ жизни, посколь-

ку над ними властвовал еврей». (№ 550, 14 февраля 1942 года)

Таким образом, солдат ЛВФ соединяет антирусский расизм с антибольшевизмом. На страницах газеты «Я повсюду» русские в целом представлены как уже «варварский» народ с ярко выраженными азиатскими чертами. Поэтому их появление в «Европе» должно вызывать опасения. В связи с этим «Я повсюду» проводил расистскую идею о том, что русские не были, в итоге, «чисто славянским» народом. 28 июля 1941 года в отзыве на немецкий военный пропагандистский фильм о Красной Армии говорилось как об «азиатской», составленной из «остатков от монгольских кланов, соратников Чингисхана, которые не изменились за прошедшие столетия и лица которых остались такими же со времен Средневековья» (№ 522). Так же, в тех же терминах, Люсьен Ребатэ описал русских, с которыми пересекся в 1943 году в Берлине:

«Конечно, я узнаю в них расу русинов, уже известных мне по Буковине, Галиции. Только там она казалась мне более мрачной, более грубой. Коренастый мужик на коротких лапах с маленькими и светлыми глазами, часто с выдающимися скулами – уже монголоидный признак. Он заставляет нас задуматься, насколько мала Европа». (№ 601, 12 февраля 1943 года)

И если русские, эти «угрюмые лица, эти желтые злодеи, это сборище обезьяноподобных существ» (№ 532, 4 октября 1941 года) были наполовину азиатами, то не нужно удивляться их манере поведения. Опубликованная в 1941 года статья осуждала «убийства» евреев, которые были совершены русскими и шли вразрез с «рациональным» антисемитизмом немцев:

«Каждый раз при входе в населенный пункт, немцы спрашивали, где живут евреи, и создавали для них гетто. Это делалось в целях поддержания элементарного порядка. Однажды они оказались в городке, где, по их сведениям, проживало пять тысяч евреев. "Где они?" – "Мы их убили этой ночью, узнав, что вы приближаетесь". […] Они хладнокровно убивают пять тысяч человек, возможно из-за желания понравится их победителям, о приходе которых они даже не мечтали. Дикость. Дикость, проявление самых животных черт – вот они, основные признаки большевизма». (№ 532, 4 октября 1941 года)

Русские военнопленные описывались как существа, лишенные человеческой реакции. Их чувства были примитивными, как у домашних животных. Говорилось о «быстро завоеванном доверии». Также писалось, что:

«Ужасный запах, доносившийся из первого барака, в котором мы оказались, дал нам понять, что тут никак не заботятся о гигиене. […] Только трое или четверо самых бодрых и крепких ходили туда-сюда между нарами, следя за изнемогавшими, чтобы не упустить случая завладеть их одеждой». (№ 635, 8 октября 1943 года)

В более глобальном масштабе, по словам Роже Лабонна, русские ценности отличались до противоположного от ценностей, защищаемых Западом и на Западе. В статье, опубликованной в 1942 году, он писал, насколько в России больше остального уважали «ложь», а, значит, «дьявола»:

«Игнатьев[21], царский премьер-министр, с гордостью носил прозвище "Отец лжи", данное ему турками. Западный государственный деятель посчитал бы себя обесчещенным, если бы ему нацепили подобный ярлык. А здесь очевиден тот факт, что высокопоставленный русский человек своим хвастовством дает нам понять, какая пропасть лежит между психологическими особенностями его нации и нашей. [Россия состоит из] равнин, покрытых саваном и лесами, в которых нет птиц. Все это так отличается от нашей милой деревни. […] Родившаяся на этой бездушной земле большевистская религия является религией ненависти, бог которой – новый Молох. Он заменил христианского бога любви, китайского Будду. Он похож на бога езидов – этой странной секты, которая живет на берегах Тигра и Евфрата и чья работа заключается в поклонении дьяволу. Конечно, теоретически дьявола в СССР не почитают, но на практике делается именно это [...]. И никакого намека на рыцарское отношение. Пленные подвергаются жестоким пыткам […]». (№ 559, 18 апреля 1942 года)

Говорилось, что в тех краях не имели ни малейшего представления о цивилизации. В сентябре 1943 года «Я повсюду» напечатала рассказ француженки или бельгийки, которую наняли переводчицей к французским рабочим, направленным в Польшу. Она ездила в Киев, после чего написала:

«Для славян, как и для арабов, цивилизация на самом деле значила совсем не то, что можно было бы подумать с первого взгляда. Искусство, литература, промышленность, система управления – сначала кажется, что

все это соответствует западным принципам. Но потом начинаешь понимать, что нет такого общественного слоя, в жизнь которого были бы интегрированы эти признаки цивилизации. Не всегда также можно сказать, что элита в полной мере дорожит ими и считает правила цивилизации своими главными ценностями, хотя формально выказывает к ним уважение […]. Культурный уровень [у славян] значительно ниже, чем у западных людей. Общее понятие культуры им чуждо. […] Ноги в России являются самым практичным и надежным средством передвижения. Там спокойно могут отправиться по своим делам или за покупками из Полтавы в Киев. И так около 350 км, босиком, с башмаками за спиной, буханкой хлеба и двумя огурцами в тканевом узелке, в одной и той же толстой стеганной куртке и зимой, и летом, даже когда в тени 40° тепла». (№ 633, 24 сентября 1943 года)

Итак, получается, что русские – это не европейцы и не славяне, как мы могли заметить, поскольку их черты лица, их мораль, то есть религия, были «азиатскими». Подобная подача материала предназначалась для того, чтобы оправдать идею необходимости «крестового похода» не только против большевизма, но и против русских. Значит, война на территории Советского Союза была не только идеологической борьбой с коммунизмом. Она была также расистской войной против русского народа.

Подобное «естественное» варварство, усиленное «жидо-большевизмом», якобы приводило к закабалению, доведению до крайней степени бедности и рабства людей, живших на занятых фашистами территориях СССР.

6. Советское «варварство» на занятых фашистами советских территориях

Самые первые статьи, появившиеся в «Я повсюду» сразу после начала войны с СССР, были посвящены регионам и странам, «освобожденным» от советской власти: Прибалтике, Западной Украине, восточной Карелии. Их авторы всячески внушали читателям, что за несколько месяцев советское государство внесло в эти процветающие и «европейские» территории опустошение и разруху.

6.1.1. Описание прибалтийских стран

Статьи о Прибалтике появляются с 14 июля 1941 года:

«Согласно информации, полученной из Швеции, за большевизацией в прибалтийских странах последовала волна нищеты и беспорядка. Рижские моряки сообщили, что единственным продуктом, на который не распространяется карточная система, является алкоголь, к тому же еще и поддельный». (№ 520, 14 июля 1941 года)

Спустя месяц была представлена более полная картина ситуации в «освобожденной» Латвии:

«Сообщения из Риги свидетельствуют о крайней степени бедности, наступившей в Латвии после прихода Советов. После оккупации территории большевики стали использовать свои обычные методы. Самый большой крестьянский земельный участок не мог превышать тридцать гектаров, а благодаря странно растущей налоговой системе доходов с такой земли не хватало на то, чтобы рассчитаться с государственной казной. Понятно, что делалось это с целью формирования крестьянского пролетариата и подталкивания людей к переселению из деревни в город. Вместе с этим Советы навязали национализацию промышленных торговых предприятий, поставив командовать ими комиссаров, известных своими коммунистическими идеями и, по странному совпадению, еврейского происхождения […]. Отступая, советская армия оставила после себя только голод, ужас и горы трупов. Пострадают от их ухода только тупые горожане и ярые сторонники мирового еврейства». (№ 524, 11 августа 1941 года)

В репортаже о Риге Пьер-Антуан Кусто так описывал советский период в Латвии:

«Конечно, неправильно будет думать, что все литовцы, латыши и эстонцы ушли в подполье. Но жители стран, расположенных у берегов Балтийского моря, обладавшие определенным интеллектуальным уровнем, которые не сделали этого в качестве обычной меры предосторожности, покинули нас и уже не могут рассказать о советской оккупации. Для них этот процесс закончился в подвалах ГПУ, расположенных, вероятно, где-нибудь за Уралом, в каких-нибудь сталинских каторжных тюрьмах, где они подвергаются медленным и жестоким мучениям». (№ 623, 16 июля 1943 года)

Он описывает этот период как «золотой век» еврейского влияния в Латвии:

«Поскольку евреи совсем не были латышами… они, конечно, не могли сдержать радости [после входа советских войск в Ригу]. Как только советские блиндажи обосновались в еврейском квартале, началось насто-

ящее ликование. Жиды бросали сорванные цветы к ногам солдат. Некоторые целовали стальные корпуса танков. Ликовавшие не ошиблись в смысле этого захвата. Наступало их царство». (№ 624, 23 июля 1943 года)

Идея о процветании евреев при советской власти нашла отражение и в статье Кусто об Эстонии в составе СССР:

«В тени идеалиста Вареса-Барбаруса скрывался силуэт еврейки Шлефштейн, горбуньи с красными волосами, источенной сифилисом и ненавистью, этакой самки Марата, которая управляла ревельским ГПУ. Она не стеснялась принимать участие во всяческих действиях этой организации, лично истязала несчастных пленников, отданных в ее распоряжение, и садистски продлевала их агонию. Истинное лицо большевизма не Варес-Барбарус, а Шлефштейн. Ее оскал виден за ним, оскал этой еврейской мегеры, никак не насытящейся кровью, которую она каждый день проливает». (№ 626, 6 августа 1943 года)

Итак, советская «оккупация» Прибалтики описывалась как своеобразная лаборатория «жидо-большевистского» строя, как режим, от которого, согласно страницам «Я повсюду», Европу уберегла немецкая армия.

6.1.2. О Западной Украине

Информация о трупах во львовской тюрьме, обнаруженных в конце июня 1941 года, интенсивно печаталась в фашистских пропагандистских изданиях. «Я повсюду» не была исключением. Луи Дури писал 21 июля 1941 года:

«На истерические высказывания Москвы нужно отвечать детализированным изложением показательных фактов, характеризующих большевистский террор. Например, надо говорить о бойне, организованной большевиками во Львове и в Галиции. Они продолжают эту традицию. Коммунистическая партия, находящаяся в смертельной опасности, продолжает реагировать на это вспышками ярости, и количество жертв все еще растет». (№ 521)

Через неделю появилась новая анонимная статья, в которой говорилось о «лучшем немецком фильме», показывающем жертвы убийств, якобы совершенных сотрудниками НКВД:

«Когда немцы пришли во Львов, они уже знали, что найдут в тюрьмах несколько сотен убитых русскими украинских националистов. Очистка тюрем, выемка трупов – наверное, самые ужасные моменты этого фильма. Даже свидетельства красного террора в Испании были не такими жестокими. И это были те же люди в помятых и блестящих от крови рубашках, с босыми и бледными ногами, с кровавой грязью на одежде до самого пояса. И одеты они были так же: подпоясанные робы и куртки с воротом, поднятым до самого лица».

6.1.3. О восточной Карелии

Упоминания о восточной Карелии также служат для иллюстрации советского «варварства». Так происходит, например, в репортаже из Сортавалы, опубликованном 11 сентября 1941 года:

«Итак, Советы нашли более-менее пустой город, в котором были все условия для комфортной жизни. Тем не менее, они привнесли туда нравы сталинского рая: они разделили между собой квартиры, куда поселились несколькими семьями, вместо радиоточек был установлен громкоговоритель, из которого доносились заботливо составленные коммунистами официальные новости. Более того, русские построили в Сортавале бараки из красной филенки для своих служащих, с общими кухнями, лишенными элементарных условий для гигиены. К моменту входа финских войск в Сортавалу уровень нищеты и загрязненности города был неописуем». (№ 529)

6.1.4. «Уже и во время гражданской войны…»

«Варварство» советских войск было видно еще в эпоху Гражданской войны. Пьер Брежи, выходец из Одессы, писал о ситуации в своем городе на момент входа туда французского экспедиционного корпуса, 2 декабря 1918 года:

«Армейские банды врывались в квартиры, брали наугад заложников, не разбираясь, кто это был, и сажали в грузовики. Чаще всего уводили тех, кто был одет в чистую одежду. Мало кто вернулся живым. Голод и нужда царили в пораженном и оцепеневшем городе. […] Вдоль больших проспектов, некогда милых и оживленных, стояли сгорбленные и дрожащие от холода фигуры, кричащие время от времени: “Я хочу есть! Я хочу есть!” И возгласы этих несчастных перекрывались музыкой, которую играли чахлые военные, согнанные в ряды еврейскими комиссарами, несшие красные развивавшиеся на ветру флаги и зажавшие в руках револьверы. Они горланили: “Да здравствуют Советы!”.

В таких условиях мысли всех людей были направлены только на одно: найти еду и не быть расстрелянными». (№ 535, 25 октября 1941 года)

Мы видим, что расизм и антирусские клише были характерны также для антибольшевистских и антисемитских статей «Я повсюду». Эти элементы шли неразрывно друг с другом.

6.2. Крестьянин и «жидо-большевик»

В понимании «Я повсюду» коммунисты ассоциировались с евреями, и наоборот. Редакция утверждала, что русские стали жертвой пришедшей извне, выдуманной и воплощенной в жизнь евреями идеологии – коммунизма.

6.2.1. Евреи у власти

Обличение «еврейской власти» в Советском Союзе – еще одно классическое «общее место» антисемитов. 7 марта 1942 года Пьер-Антуан Кусто заявил:

«Большевизм – это еврейское предприятие. Большевизм – это уничтожение элиты и принижение общего уровня толпы. Большевизм – это нищета, большевизм – это война. Сегодня, как и вчера, большевизм как выражение еврейской ненависти к миру остается врагом номер один». (№ 553, 7 марта 1942 года)

В рассказе о революции 1917 года тот же автор пишет о Центральном комитете партии большевиков следующее:

«Это всего лишь двенадцать человек, большей частью евреи, принимающие дикие решения и наблюдающие, как встает заря чудесного расового реванша». (№ 537, 6 ноября 1941 года)

Некоторые деятели большевистского режима регулярно представлялись героями еврейского заговора. Так было с М.М. Литвиновым, которого Роже Лабонн квалифицировал как «доверенное лицо международного еврейства и англо-саксонского капитализма» (№ 528, 4 сентября 1941 года). Краткий вариант его биографии выглядел так: «Сын еврея из Белостока, приехал в Париж в 1906 году в попытке сбыть ценности, полученные в результате вооруженного налета на банк в Тифлисе» (№ 541, 4 декабря 1941 года). В подобной же манере писалось о И.М. Майском, советском после в Великобритании (№ 534, 8 октября 1941 года). Внушалась идея, что эти пришедшие к власти евреи мучили русский народ.

6.2.2. Тирания «жидо-большевиков» над русским народом

30 августа 1941 года бывший посол вишистской Франции в Москве Гастон Бержери, вернувшись на родину после германского нападения на СССР 22 июня, в таких выражениях описал Советский Союз: «Сто миллионов человек служат 16 миллионам госслужащим и полицейским. […] Русский народ – это не что иное, как стадо с автоматами» (№ 527). Конечно, понятие «тирания госслужащих» быстро раскрывается. «Госслужащие» на самом деле были евреями. Статья, напечатанная в апреле 1942 года, дополняет портрет системы государственной службы и экономики в СССР, как ее видит автор:

«Повсюду стоит печать азиатского и нервно-еврейского варварства. […] Аристократией, главная роль в которой отводится еврею, являются армия бюрократов и комиссары. Богатство – это счастье быть на теплом месте в качестве гражданского госслужащего или военного. Им под жилье были отведены единственные хорошие здания в Советском Союзе, в то время как остальные 150 миллионов деревенских жителей влачили свое жалкое существование, нищенствуя более, чем когда-либо, в этих колхозах или совхозах. Ложью были сами государственные учреждения. […] "Мужик", несомненно, находится на более низкой ступени развития, чем наш крестьянин во времена Карла Великого. Он живет в конуре. Он ест непригодную пищу: замороженную картошку, черный клейкий хлеб, который не переваривается, иногда добавляя к этому ломтик ветчины. [Красная Армия, напротив,] была хорошо одета, хорошо питалась и имела все необходимое. [Это] была армия, где расстрелы из браунинга были мерой наказания за те ошибки, которые во всех цивилизованных странах рассматривались как простительные». (№ 559, 18 апреля 1942 года)

2 марта 1942 года Тони Гедель опубликовал статью об ЛВФ, где обвинил Красную Армию в поджоге Смоленска при отступлении:

«Можно представить себе сатанинский смех какого-нибудь народного комиссара, вероятнее всего еврея, который, подобно новому Нерону, наблюдает с высокого холма, находящегося над городом к востоку от Днепра, за исполнением его приказаний»[22]. (№ 555)

Наконец, коммунизм описывался как:

«[…] Предприятие красных, родившееся в уме еврея Карла Маркса, с самых первых

дней жизни наткнувшееся на противоречия с самой природой человечества. Правительство СССР имело лишь одну цель: получить как можно больше рабочих рук на самых выгодных условиях. А поскольку мы знаем, что вся прибыль от капиталов советского государственного капитализма тут же шла на нужды военного сектора, чье развитие было залогом мировой революции, то русский рабочий не мог даже надеяться на то, чтобы получить хоть малую толику доходов даже от своих дополнительных усилий». (№ 580, 11 сентября 1942 года)

Подобная идея встречается в тексте Робера Бразийака от 1943 года:

«Нет, Советы ничего не сделали для крестьян в этой центральной части России. Тогда, когда они направили всю свою воинственную энергию сами понимаете куда, они позволили нищете процветать в стране. Давайте сравним немецкую и русскую деревни, и мы увидим, что получим при взгляде на эти якобы похожие режимы!» (№ 624, 23 июля 1943 года)

Он также добавляет в своей статье о Катыни:

«[Война] ведется не против русского народа, как мы уже двадцать раз говорили. На самом деле, она направлена на то, чтобы разбить и сдержать то, что проявило себя в хладнокровной и беспощадной дикости, имевшей место в Катыни». (№ 622, 9 июля 1943 года)

Итак, аргументация авторов «Я повсюду» строится на двух элементах. С одной стороны, это нецивилизованность русского народа. С другой – русский народ мучается под игом евреев. Вместе эти идеи служат оправданием для «европейского крестового похода» против большевизма и во имя защиты «европейской цивилизации».

6.3. Европейская борьба против варварства

Начался «европейский крестовый поход» против «полуазиатских» славянских народов и «жидо-большевизма» – это было основной линией редакции «Я повсюду» с июня 1941 года и до конца существования газеты. В первое время после начала войны эта тема больше развивалась коллаборационистской прессой, чем немецкими пропагандистскими изданиями. Например, иллюстрированная газета «Сигнал» («Signal»), издававшаяся Отделом пропаганды Вермахта, подхватывает ее лишь с августа 1942 года[23]. В редакторской заметке от 20 июня 1942 года, в преддверии годовщины нападения фашистов на СССР, Робер Бразийяк писал:

«22 июня 1941 года цивилизация подняла оружие против варварства. Год назад ранним утром человек, пробудивший Германию ото сна, приказал своим солдатам прорваться за границы варварства и, как он сам сказал, "начать мистерию" [...]. И поля вновь окрасились в зеленый цвет, зазвонили доселе молчавшие колокола церквей на Белой Руси, Украине, в Прибалтике. И вот в самом начале лета немецкая армия, на расстоянии двенадцати сотен километров от отправной точки увидела перед собой обетованные земли расцветающего будущего. Было бы безумием, если бы французы оказались столь забывчивы и непонятливы, чтобы не догадываться о том, что эта годовщина касается и их тоже, что это не только немецкий праздник. [...] Великолепная фраза из "Mein Kampf": повторить древний поход тевтонских рыцарей на восток [...]. Они пошли с оружием в руках, чтобы вместе защитить европейскую цивилизацию. Они оружием защищают от большевизма все стороны цивилизации и все великие народы, чьи страны внесли вклад и стали движущей силой для развития человечества. Они выступили на защиту как французской, так и немецкой, итальянской, испанской и, позволю себе сказать, не боясь шокировать нашу галльскую аудиторию, английской цивилизации. То есть борьба была не ради плутократии банкиров, не во имя поддержки чахнущего в шуме "трущоб" пролетариата, а ради Шекспира, ради того, из чего состоит комфортная жизнь, ради мира в английской деревне, ради человеческого общества, которое так часто приветствовало канцлера Гитлера, – ради всего того, что так мечтает разрушить в суицидном бреду ужасный садизм Уинстона Черчилля. Да, хотим мы этого или нет, но Германия взяла оружие ради Флоренции, как и ради Парижа, даже ради Лондона, как и ради Мадрида, ради Брюсселя, как и ради Лиссабона». (№ 568)

Ясно, что этот «европейский крестовый поход» проходил под руководством Германии для применения на практике идеологии национал-социализма. Это рождало некоторые противоречия. В своей статье Бразийяк провозглашал одновременно «европейские» масштабы конфликта и борьбу за «жизненное пространство» на Востоке для немцев.

Также стоит отметить еще одно различие между «Я повсюду» и «Сигналом», а также

немецкой пропагандой. Немецкая военная пресса писала о союзниках весьма размыто, в то время как «Я повсюду» отводила информации о них место в отдельных репортажах или кратких сообщениях. Так, в газете появлялись статьи о бельгийцах, литовцах, латышах, эстонцах и грузинах.

Аргументом в пользу «европейского крестового похода» могла стать поездка Пьера-Антуана Кусто по Германии и далее в Рейхскомиссариат Остланд, осуществленная весной 1943 года. Первую свою остановку он сделал в немецкой столице, где встретил солдат Власова: «По первому взгляду понятно, что эти светловолосые высокие юноши атлетического телосложения, сбежавшие из советского ада и завербованные в Русскую освободительную армию, были прирожденными солдатами» (№ 621, 3 июля 1943 года). Сравним это лестное описание с картиной «азиатских орд», которые представляла собой Красная Армия. «Настоящие славяне», представленные почти как «арийцы», были на стороне нацистской Германии. Также Кусто видел Леона Дегрелля, командира «Легиона Валлония»[24], отзывавшегося о красноармейцах как о детях или почти как о животных. Налицо расистские и русофобские предрассудки, характерные для всей европейской коллаборационистской среды:

«Мы прошли 260 км за пять дней, шли в полном вооружении, падая от усталости. Русские так быстро отступали, что задача стояла двигаться быстрее них. Приходилось заставлять их вступать в бой, чтобы победить или хотя бы забрать их оружие и боеприпасы. Отставшие от армии прятались в лесах, не зная, нужно ли им продолжать борьбу или сдаться. Этим несчастным так забили головы тем, что мы будто бы убиваем пленных, что они боялись приблизиться к нашим кордонам. Однако как-то раз в лесу я оказался среди многих сотен русских. Они поднимали вверх руки, выходя отовсюду. Ясно, что они ждали возможности сдаться в плен, и мое появление и было этой возможностью. Но что мне было делать с таким количеством людей? Нам пришлось идти дальше. Мы не могли обременять себя таким количеством пленных. Напрасно я пытался убедить их самим пойти к нашим войскам, оставшимся позади. Они категорически отказывались из страха перед партизанами. Им нужно было наше сопровождение. Так они могли оправдаться тем, что были захвачены в плен. И тогда я придумал. У меня в кармане был старый номер "Настоящей страны" ("Pays réel"). Я думал применить его в другой ситуации. Но я разорвал эту старую газету на маленькие части и раздал каждому пленному, повторяя: "Документ! Документ!" И тогда русские, почувствовав себя в безопасности, отправились к нашим частям, размахивая обрывками газеты со статьями, которые они принимали за самый надежный пропуск. Что с ними стало дальше, я не знаю…»

Продолжая поездку, Кусто встретил в «Митау» (Елгава, Латвия):

«[…] латышских служащих и солдат из отряда самообороны, одетых в короткие зеленые брюки и в разных куртках цвета хаки, шедших вдоль железных дорог [...]. Целый год большевики хозяйничали в стране. Этого было достаточно, чтобы народы Прибалтики осознали в полной мере смысл этой войны и оказывали Вермахту всяческую помощь, а не вредили ему». (№ 622, 9 июля 1943 года)

Он писал, что Рига пестрела плакатами «Гитлер – освободитель» и «К оружию». Он также уточнял: «Никто не срывал эти плакаты. Ни на одном из них нет ни малейших следов, свидетельствовавших о несогласии жителей с тем, что там написано». В латышской столице Кусто также встретил испанских солдат из «Голубой дивизии» (№ 623, 16 июля 1943 года). Видел он и гетто. Так автор описал латышских солдат, охранявших его:

«Рижские евреи жили, по сути, как настоящие военнопленные. Для них не делалось исключения, им не разрешалось выходить с территории. И к ним не применялось ненужной грубости. Их собрали в старом еврейском квартале города. Предварительно оттуда выселили всех арийских жителей. Квартал обнесли двойной стеной и колючей проволокой. Вокруг стояли патрули из латышских солдат, вооруженных пушками[25] и привязанными к поясу гранатами, при этом, надо сказать, весьма добродушных и, в целом, малочисленных. В нескольких километрах от заграждений стояли также вооруженные подразделения милиции. И вот так нарыв был локализован и большой город был полностью свободен от евреев».

Также Кусто видел политических представителей латышских коллаборационистов. Он встречался с директором департамента культуры и общественных дел при латышском «самоуправлении» Жанисом Унамсом, который рассказал о коллаборационистской политике в Латвии следующее:

«Как только мы узнали, что между Германией и СССР началась война, мы сразу организовали добровольческие соединения, чтобы атаковать русских. Латышский легион создавался по образцу этих соединений. Теперь у нас две дивизии на Восточном фронте, что, в общем, совсем неплохо для такой маленькой страны, как наша. Ими командует генерал Бангерскис, бывший генерал русской армии, один из лучших офицеров армии Колчака в период Гражданской войны 1918–1920 гг. Он также два раза был министром обороны Латвии».

Взял интервью Кусто и у представителя православной церкви профессора Грима, рассказавшего о работе по христианизации под протекторатом нацистов:

«Эти попытки не принесут результатов, если в Европе воцарится большевизм. Если немцы потерпят поражение, марксистское варварство вновь загонит христианство во тьму».

Наконец корреспондент «Я повсюду» прибыл в Таллин. Его статья о столице Эстонии появилась 6 августа 1943 года (№ 626). В ней Кусто рассказывал о встрече с Хяльмаром Мяэ:

«От красных нас освободила Германия. Ее армия защищает нас от самой страшной опасности, которую когда-либо знала цивилизация. В этих условиях нет времени для разговоров. Наша задача ясна: мы должны во всем сотрудничать с защитниками Европы. Что касается будущего нашего народа, нашей независимости, – все это зависит от нас. Наша судьба в наших руках. Она будет такой, какой мы ее создадим, принимая участие в общей борьбе. Гарантия нашего права на независимость – 20 000 эстонских легионеров, сражающихся на Восточном фронте. Что еще надо обсуждать? К чему размениваться по мелочам по поводу того, что может быть или чего не может быть в будущем? Я ничего не знаю о том, что будет, и на данный момент меня интересует только настоящее. Реально только настоящее, только то, что происходит здесь и сейчас, диктует нам наши задачи, независимо от того, что нам нравится или о чем мы мечтаем. Реальность – это большевизм. И все, слышите, все, абсолютно все лучше, чем большевизм».

Несколько статей были посвящены сражавшейся против СССР Румынии, оккупированной Транснистрии и Одессе. Специалистом по румынскому вопросу в «Я повсюду» был Пьер Вирту. 23 июля 1943 года он опубликовал статью под названием «Румыния в войне». В ней он оправдывал участие маршала Антонеску в агрессии против СССР:

«Маршал отправил нацию на войну, поскольку для нее это был вопрос жизни и смерти. Россия всегда была для Румынии ужасной опасностью. При царской или при коммунистической власти, она никогда не оставляла своих империалистических притязаний, и та настойчивость, с какой она пробивалась к свободным морям, – тому доказательство. Устье Дуная в Транснистрии – это путь в Босфор. И правительство в Бухаресте знает, что существование великой независимой Румынии невозможно, если русские находятся в устье Дуная или в Стамбуле. Если славянская волна побьет латинскую волну, то триумф русских будет представлять огромную угрозу. Страна прекрасно отдает себе в этом отчет. Она по опыту знает, что такое власть Москвы – всеобщее снижение уровня жизни, денационализация, ликвидация элиты. Тем самым война против коммунистов должна быть для них не чем иным, как дополнительным театром войны с Россией». (№ 624)

Наконец 31 марта 1944 года в № 659 «Я повсюду» встречается упоминание о грузинских солдатах, чьи соединения находились в Нормандии:

«Известно, что многие русские, угнетенные режимом большевиков, пошли сражаться на стороне немецкой армии. Постепенно они образовали новую армию, часть которой находилась на Восточном фронте, а часть – во Франции. Ею командуют офицеры той же национальности, что и они. В Котентане, например, находятся грузины, которые защищают французские берега.

На прошлой неделе грузинские солдаты впервые выполнили маневры совместно с действующей армией, тяжелой и легкой артиллерией. Результат был показательным. Несмотря на языковые трудности, грузины ни секунды не колебались и точно выполняли все, что от них требовалось. Действительно, они – прирожденные воины, и они не забыли жестокость, с которой СССР сокрушил их несчастную страну во время предыдущей войны.

Их состав довольно разношерстный: крестьяне и студенты, неграмотные и грамотные. Когда кому-нибудь из них задаешь вопрос, как дела у его родных, он отвечает: "Не знаю. Мой отец исчез в Сибири уже давно". И так

почти всегда. Некоторых из них взяли в плен с тем, что у них было. Некоторые до сих пор пользуются бывшим у них тогда оружием, наравне с более совершенным, выданным им немцами.

Но грузины не были бы грузинами, если бы не пели и не плясали каждый раз, когда опускается ночь и заканчивается их служба. Их хоровое пение производит сильное впечатление. Певцы подыгрывают себе на самодельных инструментах. Танцоры окружены зрителями. Один из них одет в женский костюм. Им хлопают в такт. Танец убыстряется. Крики становятся громче. В одной небольшой группке людей воскресает вечная Грузия. Новая армия, не забывшая ни в чем свои традиции, не спит на берегах Ла-Манша».

«Я повсюду» поддерживала идею европейской войны одновременно против большевизма, евреев и Советского Союза. Редакция газеты уделяла много внимания союзникам Германии, прибалтам, грузинам, бельгийцам и испанцам.

7. Эволюция дискурса о военной судьбе СССР и Красной Армии

Дискурс о военной судьбе Советского Союза и Красной Армии в статьях газеты напрямую связан с успехами и поражениями немецко-фашистских войск. Четко видны два периода его эволюции. Первый из них включает в себя военные события вплоть до начала Сталинградской битвы. Он характеризуется уверенностью в успехе фашистской армии и в том факте, что СССР находится на краю обрыва. Второй этап отличается крайне осторожными высказываниями по поводу военной ситуации во время Сталинградской битвы, а с 1943 года всячески подчеркивается угроза вторжения советской армии в Европу.

7.1. Перед Сталинградской битвой

С июля по декабрь 1941 года статьи газеты одна за другой убеждали читателей в неминуемости падения СССР. 7 июля Дросэ утверждал, что «Советы не представляют собой мощную военную державу» и приветствовал прекращение дипломатических отношений между вишистской Францией и СССР в таких выражениях: «Порвав с Москвой, адмирал Дарлан[26] совершил мудрый и здоровый политический акт. Он принял решение еще до того, как победы немецкой армии стали очевидны. Его выбор был сделан тогда, когда судьба армий была неясна» (№ 519). Тут подразумевалось, что поражение СССР неизбежно. 18 октября 1941 года Бразийяк писал о «потрясающих новостях с Восточного фронта: разгром России, долгожданное окончание большевистского империализма» (№ 534). В №№ 1 и 15 от ноября 1941 года краткие сообщения давали знать о прекращении поступления помощи от американцев в Россию (№№ 536 и 538).

Остановка продвижения немецких войск под Москвой заставила редакцию «Я повсюду» искать другие выражения. Во-первых, существенно изменилось то, что ситуация на Востоке перестала быть объектом основного интереса газеты с декабря 1941 по апрель 1942 года. Только 25 апреля 1942 года Пьер-Антуан Кусто опубликовал текст, в котором говорилось, что «это зима, а не русские, помешала продвижению вперед немецкой армии и стеснила проведение военных операций» (№ 560). Он даже вообразил, что «снежная буря застигла немецкую армию на тех позициях, где лед остановил их неумолимое продвижение. Была корректировка линии фронта, да. Но никакого заметного отступления». По словам коллаборационистов, Германия просто собирала свои силы. 30 мая 1942 года Роже Лабонн писал:

«Напрасно [легионеры] говорят: мы видели при отступлении с позиций дороги, переполненные дивизиями с новым вооружением, которые направляли без устали на фронт; бесконечные поезда, грузовики, машины и танки, сопровождавшие колонны кавалерии и артиллерии. Также остается только улыбаться рассказам дурачков, утверждающих, что Германия и ее союзники, истощив людские ресурсы и материалы, будут этим летом лишь игрушкой в руках нового Атиллы, последней мыслью или последней надеждой умных или вероломных людей [...]. Значит, наплевать на память, опыт и примеры недавнего прошлого, когда три долгие зимы Германия, сражаясь со всей французской армией, да к тому же еще с миллионом англичан на Западном фронте, могла держать Россию на почтительном расстоянии и заставить ее подписать Брест-Литовский мир в 1917 году. И по всем разумным рассуждениям невозможно, чтобы она не смогла выстоять в 1942 году, когда нет никакой серьезной опасности на западе, когда на ее стороне находятся Италия, Румыния, Венгрия, Хорватия, Словакия, Финляндия, не говоря уж об испанских, прибалтийских,

украинских, кавказских и других легионах [...]. Советы, конечно, знают это, испытывая страх перед готовящимся сильнейшим ударом, вызванным нападением, на который их истощенная зимними атаками армия будет не в состоянии ответить. Они забрасывают Лондон и Вашингтон паническими сигналами SOS, трубя в трубы и крича о необходимости открыть наступление на западе. […] Но те глухи, одержимы и ничего не слышат. Они продолжают прогнозировать победу Сталина, как ранее они предсказывали победу эфиопов, испанских республиканцев, китайцев и т.д. [...] [Победа над Россией] достигается путем изучения истории и психологического анализа. Оба этих учителя укажут безупречное решение тем, кто умеет пользоваться их советами. Они говорят нам, что Россия всегда была дерзкой в военном плане, но никогда не была постоянной. Она могла сменить лагерь, заключить новый альянс в самый последний час, когда, казалось бы, партия была уже сыграна. […] Россия теряется, когда видит пред собой решительного врага, который держит ее за горло или даже за лодыжку, как это было с франко-английской армией в Крыму в 1853 году, с японцами при Мукдене в 1905 году, с немцами на Припяти в 1915 году [...]. Постоянство точки зрения не присуще характеру славян как с дипломатии, так и в частной жизни. Большевистская революция, несмотря на жестокость, не смогла изменить состояние души нации с убеждениями столь же прочными, сколь мимолетными, столь же яростной, сколь сиюминутной. Эта нация, солдаты которой удивили наших во время китайской экспедиции переходами от одной крайности в другую. Они всячески выставляли свою ярую набожность, бесконечно крестясь, и они же отдались адским богам коммунизма, повинуясь палке атеистов комиссаров. Прежде чем ставить все на борьбу с советской страной, демократический мир проштудировал анналы российской истории, проанализировал истинные причины революции 1917 года, вспомнил, как видели независимость инородцы, принесшие эту идею, оценил желание крестьян прибрать к рукам собственность бояр. Большевизм поднялся по лестнице, состоящей из злободневных обещаний, из которых ни одно не было выполнено. Но какова бы не была их пассивность, те, кто помог им получить власть, также могут внезапно их бросить. История там изобилует внезапными восстаниями, возникающими тогда, когда правительство, казалось бы, является властителем их судеб. В общем, это тот момент, описанный Достоевским, когда гигант открывает удивленному миру свои глиняные ноги». (№ 565)

На примере этой статьи мы видим, что редакция газеты нашла во Франции забытого легионера ЛВФ и заказала ему статью, в которой были бы изложены размышления по поводу того, почему поражение СССР было очевидным, несмотря на поражение фашистов под Москвой. Лабонн основывал свои рассуждения на следующих псевдонаучных аргументах, повторявшихся в разном порядке: неугасимая мощь немецкой армии, исторические примеры и расистские русофобские клише. Наконец, он повторяет идею о том, что режим большевиков не был популярен в народе и что Октябрьская революция – это большой обман. Редакция «Я повсюду» считала, что нашла тому подтверждение в военной кампании фашистов летом 1942 года. И еще один «специалист» по коммунизму взял в руки перо. Речь идет о Гастоне Бержери, который был послом вишистской Франции в СССР с апреля по июнь 1941 года[27]. Он писал по поводу наступления немцев со стороны Кавказа:

«Даже не представляя того, что угроза может идти со стороны Кавказа, большевики все силы вложили в развитие автотранспорта, оставив без внимания другие способы передвижения. Сеть железных дорог была в плачевном состоянии, коневодство было уничтожено коллективизацией. В то время как немцы организовали долговременные взаимозаменяющиеся предприятия, СССР не предложил ничего подобного, поэтому сейчас он находится в плачевном состоянии, особенно после того как лишился доступа к нефтяным районам». (№ 572, 17 июля 1942 года)

В том же ключе написано краткое сообщение от 7 августа 1942 года под названием «Советский рай», в котором говорилось, что в СССР не хватает товаров первой необходимости, тракторов, лошадей, а также отмечалось, что «потеря месторождений железа, нефти и угля означала конец советской военной мощи» (№ 575, 7 августа 1942 года). В 1942 году не слышно было таких эсхатологических высказываний, как в 1941 году. Но «Я повсюду» все еще была убеждена в том, что полный крах СССР уже приближается. 16 октября 1942 года краткое сообщение ин-

формировало, что «Сталин привел к ожидаемому концу судьбу Красной Армии, ведь командующие ею евреи в течение пятнадцати месяцев видели только поражения» (№ 585, 16 октября 1942 года).

7.2. Начало 1943 года

Тон изменился с началом битвы за Сталинград. Мужество защитников города удивило редакторов. 13 декабря 1942 года Кусто писал: «Большевики дают нам доказательства того, что их оборонительные возможности еще сильны, и мы ошибались, недооценивая их. Мы все меньше сомневаемся в силе Красной Армии» (№ 594 13 декабря 1942 года).

С тех пор тон повествования кардинально меняется. В конце 1942 – начале 1943 года «Я повсюду» выработала линию, которой она придерживалась до августа 1944 года: если Красная Армия захватит Европу, то варварство установится повсюду. Поэтому нужно, чтобы все объединились во избежание бойни, которую, несомненно, устроят коммунисты. Уже 3 июля 1942 года Дорсэ высказал подобную мысль:

«После победы большевиков на континентальной части Европы, эта часть земли будет полностью очищена от "фашистов", "тоталитаристов", "национал-социалистов" и т.д. Конечно, под словом "очищена" […] надо понимать испанский смысл, когда не пощадили мелкий и средних горожан, помещиков, владельцев заводов, кармелиток, крестьян, вялых рабочих, коммерсантов и т.п., как не пощадят их и русские». (№ 570)

Все больше и больше подобные слова раздавались со страниц газеты по мере приближения поражения немцев под Сталинградом. Чаще всего они стали появляться после капитуляции фон Паулюса. 24 декабря 1942 года Анри Монжуа писал:

«Ставкой в этой битве титанов является судьба континента и Франции [...]. Повторим, что победа большевизма будет означать начало наплыва варварства на Европу, разрушение западной цивилизации, хаос и еврейскую диктатуру, как это было при Бела Куне». (№ 595, 24 декабря 1942 года)

В феврале 1943 года главный идеолог газеты Пьер-Антуан Кусто сделал эту версию официальным мнением редакции. Он призывал разрушить союз стран антигитлеровской коалиции путем подписания соглашений с Германией и Великобританией против СССР:

«Невозможно, чтобы англичане, у которых есть мозги (а таковых можно найти), не отдавали бы себе отчет в том, что они окажутся в опасности вместе со всей Европой, если Сталин одержит победу […]. Что же начнется, если большевики заменят солдат Вермахта?! Европа может такое сделать, стать единой, без нейтральных стран, без трений, стать компактной Европой, которая пройдет красным блоком от Лиссабона до Владивостока, преодолев все хитрости джентльменов из Сити […]. Большевики могут одержать победу в одиночку. В одиночку они установят мир, не разбирая больше, кто им союзник, а кто враг. Это принесет некоторое утешение. Но оно будет недолгим, поскольку нам придется смириться и наблюдать, как в долгой жидо-марксистской ночи разрушается Запад». (№ 601, 12 февраля 1943 года)

Итак, по словам Кусто, война еще не проиграна. Он все больше прятался за географическими аргументами, не желая извлекать военные уроки из второго переломного момента в войне Советского Союза против фашистских захватчиков:

«На этой неделе они отбили Краснодар, Ростов и Ворошиловград […]. Мы не преуменьшаем их успехов. Но не нужно впадать в другую крайность и торопиться с выводами, что исход войны на Востоке в ближайшее время будет решен [...]. Зимой, когда кардинально меняются все условия, там, в степи, когда вся механика оказывается парализованной холодом, каждый человек на счету. Большевики могут пользоваться элементарным преимуществом в численности». (№ 602, 19 февраля 1943 года)

Открытие общих могил в Катыни оказалось благоприятным событием для коллаборационистов, которые пытались использовать его в пропаганде в качестве иллюстрации варварства коммунистов, ожидавшего Европу. В июне 1943 года два корреспондента «Я повсюду» поехали с репортажами в Восточную Европу. Пьер-Антуан Кусто, проехав через Берлин, направился в Прибалтику. Робер Бразийяк посетил Катынь и 9 июля опубликовал статью «Я видел рвы Катыни»:

«Испорченное мясо, падаль, кишащая червями, вонь конюшен, долго находившихся под замком, рвота, гниющая гангреной плоть, прокисшая еда – кажется, что все это смешалось в воздухе в горький запах [...]. Если падут западные границы, то красные пастыри будут спать бок о бок с богатыми

голлистами, а также с безвольными и убежденными коллаборационистами. И запах Катыни установится тогда и в Фонтенбло, и на Луаре». (№ 622)

Пьер-Антуан Кусто сослался также на свою статью о Берлине, опубликованную в предыдущем номере:

«Мне кажется, что этот калека принес себя в жертву, прежде всего, ради своей родины, но также для того, чтобы г-н Сталин не установил своего варварского ига на французской земле, чтобы французы не оказались семенем, брошенным во рвы Катыни. Ведь слушатели лондонского радио попадут туда в большем количестве, чем "убийцы фашисты"».

Во время поездки в Таллин Кусто видел двух солдат эстонского легиона и привел в статье их слова по поводу советского периода в стране:

«Единственный вопрос сейчас волнует меня. Действительно ли этого хочет Франция? Этого, со всеми вытекающими последствиями, с Марти у власти[28], с массовыми убийствами и реками крови? Это – идеал французов? Да, они правы, что хотят поражения немцев. Но если они считают, что смогут отказаться от большевизма, подрывая единственное, что нас удерживает от него, свою защиту от гигантского наплыва красных, то они совсем потеряли голову. Тем хуже для них. По крайней мере, мы выполняем свой долг. Пусть потом не говорят, что мы не предупреждали французов поберечься от смертельно опасных иллюзий. Между большевизмом и нами сейчас есть только Вермахт. Да, тем хуже для тех, кто этого не понимает». (№ 627, 13 августа 1943 года)

На самом деле, настоящим врагом нацизма был Советский Союз, который представлял собой политически связный организм с долгоиграющими целями, чего не было у союзников:

«В антифашисткой коалиции г-н Сталин – очень серьезный персонаж. Он знает, чего хочет […]. Г-н Сталин придерживается прекрасно сформулированной и хорошо изученной доктрины. Он знает решение всех проблем, которые повлечет за собой неотвратимое и сокрушительное падение либерального капитализма. Мы не сомневаемся, что эти решения будут жесткими, бесчеловечными, в то время как национал-социализм предлагает гуманные решения тех же проблем. […] Именно Красная Армия (не английская или американская) представляет главную угрозу для немцев – лучших солдат в мире. […] С октября 1917 года до рвов Катыни политика СССР представляет собой единую, на редкость четкую линию». (№ 628, 20 августа 1943 года)

Для Кусто и редакторского состава «Я повсюду» война закончится либо победой Германии, либо установлением «красного террора» в Европе. С конца 1943 года и в первые месяцы 1944 года крупных статей о СССР и Восточном фронте в газете не печатали. Однако множились профашистские и пронацистские декларации против «большевизма».

3 сентября 1943 года в статье «Надежда и фашизм» Люсьен Ребате писал:

«То, что мы знаем на сегодняшний день о красной России, красноречиво говорит о том, что любые планы по установлению европейского порядка, антидемократического и антимарксистского, не опирающиеся на поддержку Германии, а тем более направленные против нее, – это детский сон». (№ 630)

Через две недели Кусто дополняет эту мысль в редакторском предисловии под заглавием «*Фашистов* к власти!»:

«В фашистской (или национал-социалистической) Европе Франция должна быть фашистской (и*ли* национал-социалистической). Если, конечно, мы не хотим подставить шеи под топор убийц г-на Сталина». (№ 632, 17 сентября 1943 года)

И еще в январе 1944 года:

«На развалинах немецкого могущества войска красных наводнят всю Европу, наступит неописуемый хаос, а после установится безжалостный и жесткий "новый порядок", вдохновленный единственным Сталиным – Сталиным, который положит начало краху цивилизации». (№ 650, 28 января 1944 года)

Труды Ницше приводятся в качестве доказательства:

«Во многих своих работах Ницше не раз говорил об опасности, исходящей от России. Именно в этом контексте он рассуждал об этих новых "варварах" и объяснял: *"Я хочу сказать, что русская опасность* настолько реальна, что, спасаясь, Европа вынуждена будет объединиться, повинуясь единой и жесткой воле доминантной касты"». (№ 634, 1 октября 1944 года)

Вновь появившиеся статьи об ЛВФ были написаны в этой, уже не менявшейся, манере представлять войну. 27 августа 1943 года в бредовой статье, посвященной второй годовщине создания ЛВФ, Робер Бразийяк вспоминал первые недели операции «Барба-

росса», включая в текст религиозные и эсхатологические обороты:

«И они направились, как первые крестоносцы, вдохновляя голоса отцов-проповедников и воинов, в которых горел огонь веры. Они верили, они бросили свое копье так далеко, как могли, полностью считая праведным дело, которому служили». (№ 629, 27 августа 1943 года)

Как всегда под статьями об ЛВФ не ставилось даты. И в них содержалось еще меньше географических названий, чем раньше. Версальские казармы, где собирались добровольцы, описывались такими, какими они были в первые дни существования легиона. ЛВФ, как и мрачная «Французская милиция» Жозефа Дарнана[29], представлялась на страницах газеты как модель нацистской армии:

«В ЛВФ служит дисциплинированная и дружная французская молодежь. Их вдохновляет та же идея, что и Милицию: охранять Францию. Одни хотят защищать ее от внутреннего большевизма, другие – от внешнего, прекрасно расположившегося врага [...]. В восточноевропейском горниле сейчас выковывается новая, ультрасовременная французская армия». (№ 655, 3 марта 1944 года)

В одном из последних выпусков «Я повсюду», вышедшем 26 июля 1944 года, было напечатано сообщение полковника Пода, командующего ЛВФ, о втором непосредственном участии легиона в операции против регулярных войск Красной Армии у поселка Бобр в Белоруссии. Нацистская Европа в первые месяцы 1944 года описывалась, словно осажденная крепость. Именно в таком духе было выдержано краткое сообщение о действиях советских войск под Нарвой:

«Война дошла уже до границ Эстонии. Бой идет у Нарвы – крепости, которую построил когда-то Карл XII, чтобы сдерживать атаки Петра Великого. И снова восточное варварство сталкивается с Западом на этой земле, орошенной столькими потоками крови на протяжении вот уже двенадцати столетий. Не ожидая призыва, десятки тысяч эстонцев, латышей и литовцев бросились записываться добровольцами в немецкую армию. Но сейчас в армию берут всех годных к службе, это настоящая мобилизация». (№ 654, 25 февраля 1944 года)

Также встречались статьи о Финляндии после снятия блокады с Ленинграда:

«Большевики стремятся не “освободить” Ленинград, а перекрыть дыхание Финляндии, чтобы потом поглотить ее полностью». (№ 657, 17 марта 1944 года)

На протяжении второго периода войны с СССР, когда Красная Армия отвоевывала оккупированные советские территории, «Я повсюду» поддерживала идею о необходимости организации европейской самообороны с целью защиты фашистской Европы против варварства.

8. Поражение и процесс над редакцией «Я повсюду»

В августе 1943 года Робер Бразийяк объявил, что оставляет свой пост главного редактора. Все решили, что он был обескуражен свержением Муссолини. Но причины его смещения, без сомнения, носили личный характер: он упрекал Шарля Леска в чрезмерной авторитарности. Место Бразийяка занял Пьер-Антуан Кусто.

Приближение Красной Армии только усилило пыл нацистов из «Я повсюду». Газета поддерживала последний период нахождения у власти правительства Виши. В декабре 1943 года глава «Милиции» и оберштурмфюрер СС Жозеф Дарнан, известный организатор карательных операций против партизан, стал «главным секретарем отдела по поддержанию порядка», а 14 июня 1944 года, через неделю после высадки союзников на берегах Нормандии, – «государственным секретарем внутренних дел». Марсель Дэа стал «министром труда и социальной солидарности». Правительство Виши больше не было чисто коллаборационистским. Оно стало фашистским в полном смысле этого слова. А «Я повсюду» был печатным органом именно коллаборационистского государства. 7 января 1944 года было опубликовано интервью Жозефа *Дарнана*, озаглавленное «Ни одно преступление наших врагов не останется безнаказанным» (№ 647). Последний номер газеты вышел 16 августа 1944 года, когда американские войска были уже в Шартре, на расстоянии 90 км от Парижа, а в столице началось восстание. Люсьен Ребате и Пьер-Антуан Кусто сбежали из Парижа на следующий день. Редакция «Я повсюду» большей частью укрылась в Германии. Робер Бразийяк предпочел сдаться 14 сентября 1944 года. Он был осужден и приговорен к смерти. Его казнили 6 февраля 1945 года.

После победы над нацистами Пьера-Антуана Кусто и Люсьена Ребате арестова-

ли. Процесс над ними состоялся 19 ноября 1946 года. Им вынесли смертный приговор, но он не был исполнен. Попав под амнистию, они вышли на свободу, продолжив журналистскую деятельность и не оставив фашистских взглядов. Перед смертью, 17 декабря 1958 года, Кусто заявил, что ни о чем не жалеет и до сих пор оплакивает падение Германии.

Заключение

Изучив дискурс главной коллаборационистской и пронацистской газеты о Советском Союзе, можно сделать несколько выводов.

Во-первых, нужно сказать о соответствии этого дискурса общественному мнению во Франции. В заключении и в первых частях данной статьи было показано, что фашистские, то есть нацистские, идеи, представленные на страницах «Я повсюду», не были полностью чужды их читателям и не были полностью навязаны редакции извне. Их корни лежат в дискуссиях и заявлениях значительной части политического сообщества, произносимых еще в довоенное время.

Во-вторых, двойственная позиция газеты по отношению к СССР базировалась на опасном антикоммунизме, больном антисемитизме и четко оформленном фашизме редакции «Я повсюду». Главной ее целью было поддержать политическое, социальное и физическое истребление «жидо-большевизма», воплощением которого был СССР. Война на Востоке была не только политической и идеологической. Это была война цивилизаций. Нацистская Германия была щитом от «жидо-большевизма» и политической моделью. Необходимость альянса с Гитлером диктовалась не только политической выгодой в целях защиты от Красной Армии. Это был еще и естественный путь политического и идеологического сообщества, связанного единой европейской культурой с Берлином. Вторым элементом дискурса был эссенциализм, антиславянский расизм в целом и антирусский – в частности. Русские – это полуазиатский народ, не знающий цивилизации. Заметно, хотя и не ярко выражено, что русские, в понимании редакторов «Я повсюду», находились на расистской шкале нацистов примерно на одном уровне с евреями. Издатели даже иногда использовали эти аргументы в свою защиту. Тем не менее, содержание статей газеты представляется нам достаточно понятным.

Итак, какова была для редакторов «Я повсюду» цель войны на Востоке? Конечно, разгром большевизма, физическое истребление как евреев, так и всей Красной Армии, ***«комиссаров»*** и коммунистов, а также «азиатской» составляющей русского народа. Было также желание колонизировать Россию, подчинить русский народ немецким захватчикам. Колониальный дискурс, очевидный, например, при сравнении описания «славян» и «арабов» – один из важных элементов политики редакторов «Я повсюду».

В связи с этим «Я повсюду» служила для определенной группы европейцев средством активной политической поддержки нацистской политики уничтожения. ■

---

[1] **Hebey P**. La Nouvelle Revue Française des années sombres (Juin 1940 – Juin 1941): des intellectuels à la dérive. Paris, 1992.

[2] Советскую Россию обвиняли в «предательстве» союзников из-за отказа продолжать войну против войны. Более того, в результате законодательных выборов 1919 г. в Палате депутатов (нижней палате Парламента) оказалось подавляющее большинство представителей правых политических партий, как было после этого лишь в 1986 г. и в 1993 г.

[3] 432 газеты потребовали запрещения КПФ.

[4] **Becker J.-J., Bernstein S**. L'anticommunisme en France // Vingtième siècle: revue d'histoire. № 15. Juillet-septembre 1997. P. 17-28.

[5] Можно привести в пример Жака Барду (1874–1959), ставшего членом Сената в 1938 г. Он был автором серии антисоветских памфлетов: «Советы против Франции: в какой день разразится коммунистическая революция?», опубликованный в 1936 г., «Сталин против Европы: доказательства коммунистического заговора» 1937 г., «Я обвиняю Москву» того же года выхода, «Новый порядок: перед лицом коммунизма и расизма» 1939 г. Во время советско-финской войны он поставил вопрос о заключении союза с Германией против СССР, предложив разделить сферы влияния сторон следующим образом: Германия аннексирует Украину, Англия – Туркестан (**Koerner F**. Deux défenseurs de l'indépendance de la Finlande: Alexandre Varenne et Jacques Bardoux (décembre 1939-mars 1940) // Guerres mondiales et conflits contemporains. 2005. № 2. P. 3-13, n. 218). В период немецкой оккупации Барду был членом Национального совета – подобия марионеточного парламента вишистского режима. Барду был одним из первых, кто пытался приравнять коммунизм и нацизм. Его дневник был опубликован в 1957 г. В нем он писал: «Война, жертвами которой в

мае 1940 г. стали Франция и Англия, была не только немецкой, но еще и русской агрессией».

[6] Газета «Humanité» была закрыта 25 августа 1939 г., а КПФ объявлена вне закона 26 сентября 1939 г. Депутатов-коммунистов арестовали 7 и 8 октября.

[7] А. Файяр начал издавать в 1927 г. серию исторических монографий, печатая труды членов *Action Française* или близких к ним историков, таких как Жак Бэнвилль или Луи Рэйно.

[8] **Tucker W.S**. The fascist Ego: a political biography of Robert Brasillach. Berkeley, 1975; **Tame P.D**. La mystique du fascisme dans l'oevre de Robert Brasillach: prof. de Maurice Bardиche. Paris, 1986; **Louvrier P**. Brasillach: l'illusion fasciste. Paris, 1989; **Kunnas T**. Celine, Drieu, Brasillach et la tentation fasciste. Paris, 2005.

[9] **Belot R**. Lucien Rebatet : un itineraire fasciste. Paris, 1994; **Idem.** Lucien Rebatet ou l'antisemitisme comme evenement litteraire // L'antisemitisme de plume (1940–1944): la propagande antisémite en Franc sous l'Occupation; dir. P.-A. Taguieff, G. Kauffmann et M. Lenoire. Paris, 1999. P. 205-231.

[10] **Belot R**. Lucien Rebatet : un itinéraire fasciste. Paris, 1994; **Idem.** Lucien Rebatet ou l'antisémitisme comme événement littéraire // L'antisémitisme de plume (1940–1944): la propagande antisémite en Franc sous l'Occupation; dir. P.-A. Taguieff, G. Kauffmann et M. Lenoire. Paris, 1999. P. 205-231.

[11] Йохан Вильгельм Рангелл – премьер-министр Финляндии с 4 января 1941 по 5 марта 1943 г., член Национальной прогрессивной партии. К Третьему Интернационалу отношения не имел.

[12] Финская армия воспринималась представителями левого движения страны 1920–1930-х гг. как «белая армия», наследница той, которая участвовала в борьбе против «красных» во время Гражданской войны в 1918–1919 гг.

[13] Нет точных данных о жертвах Гражданской войны со стороны финнов с период с 27 января по 15 мая 1918 г. Считается, что «белые» уничтожили около 7 или 10 тыс. «красных», в то время как «красные» расстреляли примерно 1400–1600 «белых». Нужно иметь в виду 1500 солдат Красной армии, казненных финской и немецкой армиями в ходе конфликта. К тому же около 135 тыс. погибло от голода или испанского гриппа в лагерях для военнопленных после победы «белых» летом-осенью 1918 г.

[14] Текст опубликован под псевдонимом «Франсуа Дотюр».

[15] Опубликован издательством «Gallimard» на 240 страницах. Журнал «Annales de géographie» напечатал на это произведение следующую рецензию: «Авторы отрицают существование настоящего украинского национализма нигде на территории страны, кроме как в польской Галиции, считая, что Украина может и должна стремиться к гармоничному развитию в составе великой России» (Annales de géographie. Année 1939. Vol. 48. P. 526, n. 275-276).

[16] Выдуманные карикатурные названия.

[17] Роже Лабонн (1881–1966) – бывший военный атташе в Турции. В августе 1941 г. стал командовать легионом, но вскоре после возвращения во Францию ушел в отставку в марте 1942 г. Уехал в Германию, где был арестован в 1945 г. В 1946 г. был приговорен к пожизненному заключению.

[18] Имеются в виду семь украинских полицейских батальонов, а также Schutzmannschaf батальоны 201 и 208.

[19] Légion des Volontaires Français (LVF), «Легион французских добровольцев», далее – ЛВФ. – *Прим. ред.*

[20] Подобные клише встречаются в его статье, написанной неделю спустя: «Русская равнина все такая же унылая. Пейзаж не меняется: все те же болота, леса, голые поля. Время от времени виднеются стада черных и белых коров. Деревни встречаются редко и возникают внезапно из-за угла в виде двух-трех изб, новых или старых, но ничем не отличающихся от тех, что мы видели раньше». (№ 625, 30 июля 1943 г.)

[21] Павел Николаевич Игнатьев (1797–1879) – председатель Комитета министров Российской империи с 1872 по 1877 г.

[22] Антуан Гедель, так называемый Тони, родился 5 апреля 1916 г. в городе Ванн (Бретань). Он стал одним из лидеров молодежного крыла «Французской народной партии» и директором издаваемого ею еженедельника «Молодежь Франции» («Jeunesse de France»). В одном из номеров нацистской газеты «Позорный столб» («Le Pilori») он высказался за «отстранение» евреев от общества. 20 декабря 1945 г. его приговорили к 20 годам принудительных работ, но через несколько лет он попал под амнистию. Гедель продолжил работать журналистом, не скрывал своих крайне правых убеждений, под псевдонимом Жака Тэгли сотрудничал с фашистским еженедельным изданием «Rivarol», появившимся с 1951 г. (**Coston H**. Partis, journaux et hommes politiques d'hier et d'aujourd'hui. Paris, 1985. P. 185).

[23] **Saur S**. Signal et l'Union soviétique. Édition française. 1940–1944. Parçay-sur-Vienne, 2004. P. 73.

[24] Леон Дегрелль (1906–1994) – до войны руководил основным фашистским валлонским движением «рексизм». В июле 1941 г. он создал «Легион Валлония» для борьбы с СССР. В июне 1943 г. легион был включен в состав СС под названием «SS-Freiwillingen-Brigade wallonien». Дегрелль скрылся в Испании в 1945 г.

[25] Так в тексте. – Прим. ред.

[26] Глава французского коллаборационистского правительства с февраля 1941 г. по апрель 1942 г.

[27] Гастон Бержери (1892–1974) – представитель той части левоцентристского движения, которое из-за пацифистских соображений пошло на сотрудничество с ок-

купантами и влилось в крайнее правое направление. В 1933 г. он основал «Общественный фронт против фашизма, войны и за социальную справедливость». Из пацифистских же соображений он поддержал в 1938 г. результаты Мюнхенского сговора. В 1940 г. выступил за кандидатуру маршала Петена и за установление авторитарного режима. Бержери явился одним из авторов речи Петена 11 октября 1940 г., в которой тот оправдал политику коллаборационизма с нацистской Германией. Его судебный процесс состоялся в 1949 г., но он был оправдан. В 1951 г. он создал «Ассоциацию в защиту памяти маршала Петена».

[28] Андрэ Марти (1886–1956) – участник мятежа моряков французского флота, посланного в Черное море воевать с Красной армией в 1919 г. Был секретарем Интернационала в 1935–1945 гг. После 1945 г. он являлся одним из руководителей КПФ, пока не был выведен из Политбюро в 1952 г.

[29] Французская милиция – политическое и парамилитарное образование, созданное в вишистской Франции 30 января 1943 г., по официальной версии – для борьбы с «терроризмом». До освобождения Франции участвовала, совместно с Гестапо, в акциях против движения Сопротивления и евреев. – *Прим. ред.*

Эдвинс Эвартс

Некоторые аспекты повседневной жизни в Риге во время германской оккупации, июль 1941 – октябрь 1944 гг.

Рига как столица Латвии, центр «Остланда» и, наконец, самый большой город в Прибалтике упомянута во множестве различных источников, а также научных работ и воспоминаний, касающихся периода Второй мировой воины. По нашему мнению, самые ценные источники, характеризующие повседневную жизнь рижан во время войны, представляют собой доклады Рижского окружного комиссара Хуго Витрока генеральному комиссару Латвии Отто Дрекслеру. Материалы об отдельных сферах жизни рижан мы можем найти в различных рапортах немецких и местных учреждений. Интересную информацию дают и такие «открытые» источники, как газеты. Следует отметить, что только максимальный охват всех доступных для исследования материалов позволяет с уверенностью начертить общие контуры повседневной жизни рижан в период нацистской оккупации, а также насытить их детальными штрихами. В данной статье предпринята попытка показать важные обстоятельства существования „простого человека" в Риге военного времени, не претендующая на исчерпывающие подробности и выводы.

29 июня 1941 года, через неделю после нападения Германии на Советский Союз, немцы достигли предместий Риги, а 1 июля полностью овладели городом. Латвийская столица, по сравнению с другими городами, не очень пострадала от военных действий и сопутствовавших им разрушений. Самой заметной и обидной для рижан потерей была уничтоженная церковь Св. Петра, башня которой уже не украшала ансамбль Старого города. Рядом сгорели и Дом Черноголовых, ратуша с библиотекой и окружающие дома Комарина.

Уже на утро 1 июля Рижское радио транслировало гимн Латвии, вселяя в разных людей как уверенность в том, что период советского господства закончился, так и опасения за свою судьбу. В первые дни немецкой оккупации улицы Риги были полны людьми, которые желали узнать больше о событиях последних дней, и старались удостовериться, что с близкими ничего плохого не случилось. К памятнику Свободы возлагались цветы[1], на некоторых домах вывешивались латвийские флаги, бывшие государственными до августа 1940 года.

Численность жителей Риги в первый период войны быстро сократилась. Так, если в 1940 году здесь жило около 354.000 человек, то на 1943 год в Риге насчитывалось лишь около 304 тысяч жителей.[2] В числе больших, во многом невосполнимых потерь города – жертвы Холокоста и нацистских репрессий в отношении коммунистов, советских работников и прочих неугодных, а также беженцы в тыловые районы СССР и люди, предпочитавшие пересидеть военное лихолетье у родственников в сельской местности Латвии. При этом в Риге появилось немало немецких военных и чиновников. К примеру, в сентябре 1942 года «на постоянное жительство» в Риге было зарегистрировано 10854 немца из Германии, которые получали продовольственные карточки[3].

В качестве одного из первых неудобств рижане столкнулись с нуждой приспособиться к существенным изменениям в движении транспорта. Фактически остановилась работа всех видов городского общественного транспорта, ее восстановление происходило медленно. Так, например, в Риге вообще не ходили автобусы и таксометры[4]: соответствующие транспортные средства были реквизированы советской властью для нужд эвакуации, а оставшиеся конфисковал вермахт. Рижские мосты, которые вели в Задвинье, были разбиты, и чтобы попасть на другою сторону Даугавы, приходилось использовать спешно организованную паромную переправу, которая была максимально загружена. Первым был восстановлен понтонный мост – ресурсы на это тратились в интересах немецких войск. В конце июля 1941 года было восстановлено

и речное судоходство в Риге: пассажиров и грузы перевозили до острова Доле и города Елгава. В конце августа и в сентябре 1941 года судоходное движение восстановилось полностью. До конца сентября уже работали девять линий внутреннего пароходства, из которых семь соединяли Ригу по Даугаве с близлежащими местами.[5] Только в конце сентября общая ситуация с транспортным сообщением между городом и окрестностями стабилизировалась.

В Риге еще в начальный период Второй мировой войны все большее значение приобретал трамвай, что не в последнюю очередь было связано с нараставшим дефицитом топлива для автотранспорта. Согласно статистическим данным, в 1939 году по рижским уличным трамвайным маршрутам было перевезено 59,2 миллиона пассажиров, а в 1941 году выросло – 73,8 миллиона.[6] Но вскоре работа трамваев была ограничена из-за экономии электроэнергии: трамваи ходили только по утрам и вечерам, приспосабливаясь к ритму рабочего дня. Транспортные проблемы находили свое отражение в проявлениях народной иронии и сарказма, в которых обыгрывались образчики нацистской пропаганды. В частности, «новой Европой» местные острословы принялись называть дополнительные вагоны только со стоячими местами, присоединявшиеся к трамваям.[7]

В рижских пассажирских перевозках периода германской оккупации с 1941 по 1944 годы возрастала роль частных таксометров на конной тяге – дрожек. Для них были строго определенны цены за провоз, что вызывало большое недовольство у владельцев дрожек - даже были случаи, когда они под разными предлогами отказывались везти немцев, плативших только официальную таксу, в отличие от местных жителей. 5 октября 1943 года генеральный комиссариат по хозяйственной части в связи с перевозками частных лиц в городах заметил, что 1940 году в Латвии всего было 500 дрожек-такси, 400 из которых находились в Риге, а остальные в таких больших городах, как Лиепая, Елгава, Даугавпилс.[8] Нашли свою немалую нишу в услугах по перевозкам и фурманы. Так, в 1942 году в Риге были зарегистрированы 300 легких и свыше 100 тяжелых фурманов.[9]

Многие рижане новую власть встретили с надеждами на свободу и, по крайней мере, на отмену решений советской власти по национализации объектов торговли и промышленности. Однако вскоре их ждало разочарование в этих вопросах, подкрепленное приказами немцев по привлечению горожан к различным принудительным работам. Один из первых таких приказов касался использования труда неработающих рижан при очистке берегов Даугавы от тел павших солдат - в целях предотвращения возможной эпидемии.[10]

Постепенно в общественных настроениях горожан, многих из которых поначалу переполняли нотки антисоветского восторга и радужных надежд на жизнь при гитлеровцах «почти как при Улманисе», стали преобладать сомнения в истинных намерениях немцев. Нацистская Германия все ярче показывала свою настоящую суть. Во второй половине июля 1941 года вышел приказ снять латвийские национальные флаги[11], и на улицах Риги появились евреи, у которых была на одежде звезда Давида. Постепенно население узнавало о существовании Саласпилского концлагеря.[12]

Изначально многие жители были убеждены, что убивают только тех евреев, которые активно выступали за советскую власть. Однако, когда стало ясно, что евреев убивают только из-за их национальности, то начало проявляться и отрицательное отношение к такой политике нацистов (как правило – в форме глухого недовольства)[13], но страх перед репрессиями не давал действовать активно. Особенно явное непонимание вызывали те случаи, когда уничтожались знакомые люди.[14] Все попытки рижан из числа латышей или представителей других национальностей помочь евреям строго наказивались. В этих условиях лишь некоторые из них были готовы рискнуть, пойдя на запрещенные нацистами торговую сделку или бескорыстную помощь продуктами. К сожалению, были случаи, когда некоторые жители Риги использовали репрессии против евреев, чтобы заполучить (украсть) их имущество.

Уже в июле 1941 года рижским улицам поменяли названия. Все эти события вызывали у людей неудовольствие, но и одновременно определенный страх. Большинство рижан затронул запрет на собрания, который фактически ставил крест на проведении частных мероприятий. Также было запрещено шуметь по вечерам под угрозой репрессий.

Но общая ситуация в Риге, по сравнению с другими латвийскими городами, была относительно лучше. Здесь люди могли полу-

чить многие необходимые услуги. Например, в Риге, в отличие от Даугавпилса и Лиепаи, были доступны врачи узкой специализации, а также юристы всех профилей. В целом начальный период войны привел к росту удельной доли этих профессионалов в Риге, в отличии от провинции. Так, если в 1940 году в Рижском округе работали 75 % всех адвокатов, то 1942 году - 82 %.[15] Похожее происходило и в других специализированных отраслях.

Одна из проблем состояла в том, что даже на зарплату директора предприятия можно было купить только те продукты, которые были доступны по карточкам, введенным уже в начале сентября. В 1941 году недостающие продукты питания можно было неофициально приобрести в пригороде или же у знакомых в деревне. Так свое развитие получил черный рынок, где можно было достать почти все необходимые товары, хотя и по завышенным ценам.

Ситуация с продовольствием в Риге во время германской оккупации все время ухудшалась, что находило отражение в сокращении рациона и перечня продуктов, выдаваемых по карточкам. Кроме того, не было никакой гарантии, что люди и в прямь получат положенную норму товаров. В 1944 году норма продовольствия была снижена даже для больных. До окончания военных действий в Риге не хватало хлеба и мяса; в праздничные дни подвоз и распределение товаров заметно ухудшались. Недостачу этих важнейших продуктов питания не могла восполнить выдача дополнительных порций свежих овощей и пива.[16]

Черный рынок в Риге процветал. В первые два месяца германской оккупации этому сильно поспособствовал введенный немцами грабительский курс обмена рейхсмарок на рубли – 1 RM : 10 Rbl.[17], позволивший их офицерам и солдатам, наряду с прямыми реквизициями имущества, буквально опустошить местные магазины и вызвать в Риге острый дефицит товаров. В результате были открыты специальные магазины «только для немцов», снабжавшиеся расширенным ассортиментом товаров, причем в первоочередном порядке.

Со стороны немецкого Гражданского управления было сделано все возможное, чтобы не допустить процветания черного рынка. На подступах к Риге был введен контроль, выявлявший попытки ввоза на территорию города нормированных продовольственных товаров в целях перепродажи. У виновных обычно отбирали найденное и дополнительно наказывали их денежным штрафом. Но это, очевидно, не было достаточно серьезным наказанием, о чем можно судить по длинным спискам оштрафованных и регулярным угрозам применения карательных мер, публиковавшимся в прессе. Число торговцев-завсегдатаев черного рынка только возрастало. В этих торговых операциях участвовали и немцы, у которых за определенную денежную сумму местным жителям удавалось купить ту или иную дефицитную вещь. В рижских парках даже можно было тайно приобрести оружие и боеприпасы – как краденые у пьяных немецких солдат, так и нелегально продаваемые ими самими.

Контроль усиливался, но рос и уровень фантазии людей, везущих товары в Ригу. Повседневностью стали печальные курьезы, когда, например, в гробу пытались провезти свиную тушу.[18] Были отработаны и другие варианты неподконтрольной немецким структурам доставки пищи на столы горожан. Так, в конце 1941 - начале 1942 годов отмечались случаи отправки продовольственных посылок по почте или по железной дороге, в результате чего немцы начали перекрывать и эти каналы поставок.

Анализируя ситуацию в октябре 1942 года, немецкие оккупационные власти пришли к выводу, что жители не считают получаемые по карточкам продукты (стоимостью 10 рейхсмарок в месяц) основой своего пропитания, рассматривая их как своего рода добавку. При этом каждый, по возможности, старался покрывать свои нужды с помощью родственных и иных связей в сельской местности или на черном рынке. Лишь незначительную долю черного рынка можно отнести к собственно спекуляции как методу наживы – в большинстве случаев купля-продажа продуктов питания была рассчитана лишь на покрытие самых необходимых личных и семейных потребностей. Весьма заметной была миграция горожан по субботам и воскресеньям в сельскую местность Латвии, где не было недостатка в продовольствии. В этих походах за съестным, не поощрявшихся немецким командованием, принимали участие не только «рядовые» жители, но и около 15% должностных лиц, в частности, со справкой о болезни.[19]

Одна из важнейших проблем для горожан заключалась в том, что зима 1941-1942 годов была очень холодная, а дрова из-за военных

действий не были заготовлены в достаточном количестве. Надо иметь ввиду, что большая часть домохозяйств для отопления использовала именно дрова. В результате многим жителям приходилось экономить запасы топлива и мерзнуть по ночам.

Нехватка в Риге пищи и древесины для отопления повлекла за собой новые проблемы, угрожавшие жизни и здоровью горожан. В начале 1942 года из Латгалии в Ригу проникли нехарактерные для города со времен Первой мировой войны заболевания, в частности, разновидности тифа. Хотя в течение нескольких месяцев угроза эпидемии была устранена, все же полностью справиться с заболеваниями не удалось, поскольку, например, в Ригу постоянно приезжали немецкие солдаты, отгуливавшие свой отпуск с фронта в России. Также большую роль играло то обстоятельство, что Рига была перевалочным пунктом для беженцев и местом размещения нескольких отделений Шталага-350, где в антисанитарных условиях содержались и умерщвлялись советские военнопленные. Следует отметить, что для беженцев были оборудываны 16 мест, в которых можно было избавиться от вшей.

Для Риги военных лет характерна хроническая нехватка средств личной гигиены, прежде всего – мыла. Большое количество больных и дефицит медицинского персонала в 1944 году привели к тому, что врачи без гонорара «натурой» (продуктами или вещами) зачастую отказывались приезжать к больному на дом даже в случае серьезного заболевания. Несмотря на то, что в Риге работали восемь больниц и один санаторий, местные жители, как правило, не могли рассчитывать на их услуги, зарезервированные для нужд вермахта.

Осенью 1941 года стала проявляться еще одна темная сторона оккупации, которая касалась всех жителей, имевших детей школьного возраста. Уже в первые недели оккупации немецкая армия в Риге разместилась в школах, причем осенью вермахт эти здания не собирался покидать. Поэтому школы сами должны были решать вопрос о том, в каких помещениях восстановить свою работу.[20] Учащимся пришлось отказаться от таких занятий, которые были связаны с экспериментами и т.п. Также спортом заниматься можно было только при хорошей погоде. Единственное преимущество для родителей было в том, что в школах дети обеспечивались горячим обедом. Учеба в школах начиналась 12 октября. С каждым годом учебные заведения теряли все новые здания, которые переходили в пользование немецких оккупационных войск и учреждений. Так, в 1942 году вермахт забрал дополнительно одну гимназию и десять основных школ. С большими трудностями удалось получить обратно часть увезенных книг и другие учебные пособия.[21]

9 июня 1942 года рейхскомиссар Генрих Лозе констатировал, что люди становятся все более и более склонны перейти от пассивного сопротивления представителям оккупационных властей к прямым враждебным действиям. По мнению рейхскомиссара, признаки такого изменения в поведении местных жителей можно было увидеть в магазинах, но особенно среди водителей дрожек.[22] На это письмо 22 июня окружной комиссар Х. Витрок ответил, что такое поведение рижанин можно было наблюдать с апреля месяца, без учета пассивного неприятия, которое было повсюду. Он был вынужден признать, что столь плохое положение местного населения (по сравнению с немцами из рейха, находившимися в это время в Риге) в вопросах питания и заработной платы неизбежно приводит к подобным результатам, а также прийти к следующему выводу: «Рабочий люд, не получающий достаточно питания и одежды, теряет не только радость труда, но и становятся подозрительным и мятежным, и им легко при помоши пропаганды манипулировать, натравливать его на немцев".[23]

В конце 1943 года в Риге сильно повысился уровень уголовной преступности, особенно это касалось краж из магазинов и складов. Так, из 85 магазинов общества „Виениба" в 51 произошли кражи. Другой пример: с 1 по 15 ноября 1943 года в Риге было совершено 216 краж в 166 магазинах, из которых 140 имели продовольственный профиль. На этот факт можно было бы не обращать особого внимания, но в сложившейся тогда ситуации массовые кражи вызывали еще большую нехватку вещей, средств и продуктов, поскольку у лавочников зачастую просто не было возможности возместить украденный товар за счет новых поставок. Крали в основном тот товар, который распределялся по карточкам и пользовался повышенным спросом, выполняя функцию универсальной натуральной «валюты» во времена войны и расстроенной экономики – папиросы, водку, сахар, табак, стиральный порошок, хозяйственное и туалетное мыло, и т.п.

К тому же воров не пугали сравнительно небольшие наказания – 2 месяца тюрьмы, потому что отсидку можно было заменить денежным штрафом в размере нескольких сотен рейхсмарок, что для спекулянтов не составляло проблемы. Это было связанно с тем, что кражи, в основном рассматривали местные (латышкие) суды, которые не имели права присуждать более суровые наказания. Только в случаях более крупных краж подключался к делу немецкий Специальный суд, который мог применить даже смертную казнь. Характерно, что для лавочников нередко самый большой ущерб составляли разбитые окна, а не украденный товар. Было также немало сообщений о ложных кражах, когда торговцы находили для себя резоны притвориться, что их кто-то обоворовал.[24]

В 1944 году рижан все больше беспокоило приближение фронта, со всеми его опасностями для мирных жителей. Также и со стороны оккупационных властей было сделано немало, чтобы атмосфера накалилась. Немцы, реализуя лозунг о тотальной мобилизации, могли, например, внезапно окружить несколько кварталов Риги и обыскать дома и помещения в целях отлова потенциальных призывников, дезертиров и уклонистов.[25] Люди, попавшие в эти «сети», оказывались в незавидном положении, так как им перед отправкой в воинские части даже не давали попрощаться с близкими или хотя бы написать им весточку. Родственники долгое время могли не знать, куда и как пропадали их отцы, сыновья, братья или мужья.

В конце сентября 1944 года, с приближением фронта, в Риге было отменено положение «УК»[26]. Поэтому всех мужчин, которые своевременно не перебрались в Курземе или в Германию, призывали на военную службу. В городе немцы уничтожали все, что могло послужить подспорьем противнику. Это не спасло гитлеровцев - 13 октября 1944 года Рига была освобождена от них и оказалась в руках советской власти. У рижан началась новая жизнь со своими радостями и горестями, в которой преобладали уже совсем другие проблемы. ■

---

1 Straubs V. Trīs armijās: kāda vidzemnieka atmiņas (1939-1945). – Aizpute 2003. – 75. lpp.

2 Bundesarchiv zu Berlin (Федеральный архив Берлина, BA-B), R-91.f., Riga-Stadt 191. l.

3 BA-B, R-91. f.,Riga-Stadt-2. l.

4 Latvijas Valsts Vēstures arhīvs (Латвийский государственный исторический архив, LVVA), P-1106. f., 1. l., 10. apr., 76. lp.

5 LVVA, P-1016.f., 1. apr., 9.l., 2.-5.lp.

6 Там же, P-1106.f., 1.apr., 10.l., 73.-78.lp.

7 Latvijas suverenitātes ideja likteņgriežos: vācu okupācijas laika dokumenti, 1941-1945. – Rīga, 1990. – 77. lpp.

8 BA-B, R-92. f., 10149. l.

9 Liepiņš E. Rīgas auto – Rīga, 2005. – 103. lpp.

10 Zelmenis V. Zelta caune ozolā: 90 gadu gaitas un atziņas. – Rīga, 2001. – 110. lpp.

11 Zaļais A. Mana mūža atmiņas. – II.daļa. – ASV, 1996. – 61. lpp.

12 Zelmenis V. Zelta.., 113. lpp.

13 Ritums K. Kā es to redzēju. – Rīga, 2005. – 73.lpp.

14 Zaļais A. Mana mūža.., 62.lpp.

15 LVVA, P-822.f., 1.apr., 3.l., 31.lp.

16 LVVA, P-69. f., 1a. apr., 11.lp.

17 Aizsilnieks A., Latvijas saimniecības vēsture 1914-1945. – Stokholma, 1976. – 898.lpp.

18 „Cūka zārkā un sieviešu drēbēs" // Tēvija, 08.01.1942.

19 03.10.1942 Gebietskommissar Riga-Stadt. Lagebericht. – BA-B, R-91, Riga-Stadt, 2

20 Zelmenis V. Zelta.., 111. lpp.

21 BA-B, R-91- Riga Stadt, 2

22 LVVA, P-69, 1.par., 1.l., 168.lp.

23 LVVA, P-69. f., 1. apr., 1. l., 172. Lp.

24 BA-B, R-91,Riga Stadt, 24

25 Lasmanis U. Ko neparedzēja hercogs Jēkabs: divu okupācijas režīmu - padomju un fašistu radītie cilvēkzudumi Jēkabpils aprinķī, 1940-1965: piemiņai, patiesībai, apskaidrībai. – Rīga, 2005. – 176. lpp.

26 *Unabkömmlichstellung* – положение о бронировании на предприятиях отдельных работников, позволявшее им не быть призванными на военную службу в интересах рейха.

Проект фонда "Историческая память"

Издания серии

Актуальные страницы истории Восточной Европы. Документы и исследования

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ — Александр Дюков. Милость к падшим. Советские репрессии против нацистских пособников в Прибалтике — I

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ — Александр Дюков. Второстепенный враг. ОУН, УПА и решение «еврейского вопроса» — II

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ — Повседневность террора. Западная Украина, февраль–июнь 1945 года — III

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ — «Уничтожить как можно больше...» Латвийские коллаборационистские формирования на территории Белоруссии, 1942–1944 гг. — IV

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ — Л. Воробьева. История Латвии от Российской империи к СССР. Книга 1 — V

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ — Л. Воробьева. История Латвии от Российской империи к СССР. Книга 2 — VI

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ — В. Макарчук. Государственно-территориальный статус западно-украинских земель в период Второй мировой войны — VII

Моглинский лагерь: история одной маленькой фабрики смерти

Юрий Алексеев

Фонд содействия актуальным историческим исследованиям

Готовятся к выходу

- **Владимир Никольский, “Репрессивная деятельность органов государственной безопасности СССР на Украине”**
- **Сергей Назария, “Бессарабский вопрос”**

Документы

Франко-советские дипломатические отношения, 1939 – 1940: документы из французских архивов

Представленные в данном разделе документы являются ценным источником по истории франко-советских дипломатических отношений в период с 1939 г. по июнь 1940 г. История международных отношений в Европе в 30-х гг. XX в. и их влияние на начало Второй мировой войны – вопрос, которому посвящено множество научных работ. Однако тот период французской истории с момента начала этого конфликта и до оккупации страны Германией изучен мало и весьма односторонне. Чаще всего говорится, что Мюнхенские соглашения, советско-германский пакт о ненападении и Финская война привели к заметному ухудшению отношений между Францией и Советским Союзом. Однако дипломатическая переписка, хранящаяся в архивах Министерства иностранных дел Франции, открывают исследователям возможности для более глубокого исследования франко-советских отношений 1939-1940 гг.

С 1959 года дипломатические архивы издавались в серии под названием «Французские дипломатические документы». Переписка послов за 1936-1939 гг. была частично уничтожена в мае 1940 г. из страха перед подступавшими к Парижу немецкими войсками. Но даже среди этих фрагментов имеются неопубликованные документы, которые дополняют источниковую базу для изучения франко-советской дипломатии 1939 г. и так называемой «оттепели» между Францией и СССР.

На страницах нашего журнала публикуются пять документов из Архива Министерства иностранных дел Франции. Документы № 2, 5 были ранее опубликованы на французском языке в серии «Французские дипломатические документы».

Публикация подготовлена В. Буле. Перевод с французского О. Орленко.

Документ №1.

Проект советско-французского соглашения от 13 апреля 1939 г.

[Оргинал]

Paris-13 avril 1939

Avant-projet de pacte franco-soviétique portant le tampon des archives de la direction politique et commerciale complété au crayon de papier avec la cote « Z 619-35 ». Deux pages recto dactylographiées et annotées au crayon de papier.

[*porté au crayon à papier dans la marge supérieure:*] reçu au bureau d'ordre le 13 avril 1939

[*porté dans la marge à gauche, souligné:*] projet

avant-projet [barré]

Le Gouvernement de la République Française et le Gouvernement de l'Union des Républiques soviétiques socialistes,

Fidèles au désir, affirmé dans le Traité d'assistance mutuelle franco-soviétique du 2 mai 1935, d'affermir la paix en Europe, et considérant que cet état de paix se trouve grandement menacé dans les régions de l'Europe qui avoisinent les frontières occidentales de l'U.R.S.S.

Sont convenus des dispositions suivantes à l'effet de faire face aux circonstances actuelles :

Article 1er:

Au cas où la France se trouverait en état de guerre avec l'Allemagne, par suite de ses engagements envers la Pologne ou envers la Roumanie, l'U.R.S.S lui prêtera immédiatement aide et assistance.

Les deux Gouvernements se concerteront sans délai sur les modalités de cette assistance et prendront toutes les dispositions pour leur assurer pleine efficacité.

Article 2.

Le présent accord ne déroge en rien aux dispositions du Traité d'assistance mutuelle du 2 mai 1935 et de son protocole de signature. [*barré au crayon de papier*]

En foi de quoi, les soussignés dûment autorisés, ont signé le présent accord et y ont apposé leurs sceaux.

Fait à le 1939
en double exemplaire

[Перевод]

Париж 13 апреля 1939 года

Предварительный проект франко-советского соглашения со штемпелем архивов политического и торгового управления, дополнен от руки карандашом с пометкой «Z 619-35». Две лицевые страницы, напечатанные на машинке и снабженные пометками карандашом.

[*написано карандашом в верхнем поле листа:*] получено 13 апреля 1939 года

[*написано карандашом в левом поле листа и подчеркнуто:*] проект
предварительный проект [зачёркнуто]

Правительство Французской Республики и Правительство Союза Советских Социалистических Республик,

Верные стремлению укрепить мир в Европе, как это было подтверждено в советско-французском договоре о военной взаимопомощи 2 мая 1935 года, считающие, что мир в европейских регионах и регионах, граничащих с восточными границами СССР, находится под угрозой.

Выработали следующие положения с целью противостоять нынешним обстоятельствам:

Статья 1:

В случае если Франция окажется в состоянии войны с Германией вследствие своих обязательств в отношении Польши и Румынии, СССР незамедлительно окажет ей помощь и поддержку.

Правительства двух стран безотлагательно разработают порядок данной помощи и предпримут все мер

Статья 2.

Настоящее соглашение ни в чем не противоречит положениям Договора о взаимопомощи от 2 мая 1935 года и протокола его подписания. [*зачёркнуто карандашом*]

В удостоверении чего, нижеподписавшиеся уполномоченные лица, подписали настоящее соглашение и приложили к нему свои печати.

Составлено в дата 1939
в двух экземплярах

Archives du Ministère des affaires étrangères, série Z Europe, dossier 980, fol. 187-188

Документ №2.

Внутренний меморандум отдела МИД Франции «Европа» по поводу пакта Молотова-Риббентропа от 1 октября 1939 г.

[Оргинал]

Note du département
Paris, 1er octobre 1939

A. Buts que s'est vraisemblablement proposés l'URSS en signant avec le Reich le pacte du 23 août
1 Pousser l'Allemagne à l'agression
2 Profiter de la situation pour atteindre, d'accord avec l'Allemagne, les objectifs qui avaient été recherchés tout d'abord par le moyen d'une entente avec les Alliés (domination de fait sur la côte balte ; annexion des territoires blanc-russien et ukrainien de Pologne)
3 Affaiblir les puissances belligérantes par une guerre prolongée

Observations :
a- Il n'y aurait pas, dans cette hypothèse, « revirement » de la politique soviétique : les buts resteraient les mêmes, seuls les moyens différeraient
b- Pour l'URSS, l'Allemagne demeurerait le danger principal. L'URSS ne pourrait, semble-t-il, permettre en fin de compte une victoire allemande sur les Alliés, qui livrerait la Russie au Reich et amènerait la fin du régime stalinien.
c- La phase actuelle de la politique soviétique –collusion avec l'Allemagne- ne tendrait donc, l'URSS ayant atteint ses buts de guerre, qu'à soutenir le Reich juste assez pour qu'il puisse matériellement et moralement résister longtemps et pour que la guerre se prolonge.
La phase finale comporterait la défaite de l'Allemagne.

B- Possibilités d'actions basées sur ses hypothèses
1) En s'associant à l' « offensive de paix » allemande (déclaration germano-soviétique du 28 septembre), l'URSS qui désire par hypothèse voir la guerre se prolonger, n'a fait qu'un geste sans portée ; elle ne s'est d'ailleurs engagée à l'égard du Reich qu'à une « consultation réciproque » au cas où les Alliés poursuivraient les hostilités.
2) Nous devons donc éviter d'agir de telle sorte que l'URSS soit, malgré elle, contrainte à une alliance avec l'Allemagne ; il y a donc lieu de maintenir le contact avec Moscou, contact que les autorités soviétiques paraissent vouloir conserver (entretien maréchal Vorochilov-général Palasse du 23 septembre). A cet effet, il faudrait :
a- renvoyer sans tarder notre ambassadeur à Moscou. Cette décision soulèvera sans doute certaines réactions dans l'opinion publique et parlementaire française. Il est nécessaire de passer outre. Le retour de M. Naggiar sera en effet immédiatement interprété à Moscou comme la preuve de notre décision de ne pas rompre les ponts avec l'URSS. Sa seule annonce suffira à laisser ouvertes aux yeux des Soviets des perspectives qu'ils ont intérêt à ne pas voir se fermer.
b- faire représenter immédiatement par M. Naggiar à M. Molotov :

- qu'aucune véritable opposition d'intérêts n'existe entre l'URSS et nous ; que notre écrasement par l'Allemagne ne rapporterait rien à la Russie ; qu'en restant neutre dans le conflit actuel, l'URSS, qui a déjà réalisé ses buts de guerre, peut les consolider à moindres frais.

- C'est en effet l'Allemagne et non point l'Angleterre ni nous-mêmes que menace une extension de l'influence russe dans la Baltique. Nous avons été les alliés d'une Russie qui en avait le contrôle exclusif. Nous n'avons jamais songé à le lui disputer.

- En ce qui concerne la Pologne, ses frontières orientales n'avaient pas été tracées à Versailles. La ligne Curzon, au contraire, ne s'écartait pas sensiblement de la ligne tracée à Moscou le 29 septembre. Les Alliés seraient donc à envisager, à la signature de la paix, un nouvel aménagement de la frontière russo-polonaise sur les mêmes bases si, en contrepartie, ils avaient acquis l'assurance que l'URSS n'avait prêté aucune assistance militaire, directe ni indirecte, à l'Allemagne et n'avait pas intensifié, au-delà de la normale, les échanges commerciaux avec le Reich.

Si ces ouvertures étaient accueillies, sans doute pourrions-nous, assez rapidement, envisager l'ouverture avec l'URSS de négociations économiques placés sur le même plan que celles que nous poursuivons avec les autres pays neutres. L'envoi à cet effet à Moscou d'une mission présidée par une personnalité importante pourrait exercer une influence marquée sur l'évolution des rapports de la France et de l'Angleterre avec l'URSS en fonction du conflit actuel.

Observations :

1) Les contacts pris par M. Naggiar ne constitueraient pas une négociation à proprement parler ; il s'agirait de conversations destinées à prévenir [ici prévenir : dans le sens d'empêcher] la soudure germano-russe et à faciliter à l'URSS la transition de la phase actuelle de sa politique à la phase finale (défaite de l'Allemagne).

2) Il faut tenir compte du fait que, si Moscou désire sans doute voir se prolonger la guerre, un important facteur local joue en sens inverse : il va de soi, semble-t-il, que le maintien prolongé de l'URSS de plusieurs millions d'hommes constitue pour le régime un danger croissant (révolution ou coup d'état militaire) dont les dirigeants soviétiques doivent nécessairement se préoccuper.

[Перевод]

Нота департамента
Париж, 1 октября 1939

А. Цели, которые, наверняка, поставил себе СССР, подписывая 23 августа пакт с Рейхом

1. Спровоцировать агрессию Германии

2. Воспользоваться ситуацией, чтобы, по договоренности с Германией, достигнуть тех целей, которые раньше предполагалось осуществить при помощи соглашения с союзниками (фактическое доминирование в Прибалтике, аннексия белорусских и украинских земель в Польше)

3. Ослабить воюющие стороны путем поддержания длительной войны

Наблюдения:

a – Из этого предположения не следует делать выводов о «переломе» в советской политике: цели остаются прежними, меняются только средства

b – Для СССР Германия представляла наибольшую опасность. Скорее всего, СССР не мог позволить Германии одержать победу над союзниками, поскольку с этом случае он остался бы один на один с Рейхом, что привело бы к падению сталинского режима

c – Данная стадия советской политики – соглашение с Рейхом- будет означать только то, что пока СССР преследует свои военные цели, он будет поддерживать Рейх настолько, чтобы тот смог долго сопротивляться и чтобы война длилась дольше.

На заключительном этапе предполагается поражение Германии.

В. Варианты действий, исходя из вышеизложенных предположений

1) В случае «угрозы мирному существованию» территорий, находящихся в сфере интересов Германии (немецко-советская декларация от 28 сентября), СССР сделает лишь ничего не

значащий жест, поскольку, исходя из высказанного выше предположения, он стремиться поддержать длительную войну; к тому же, в случае, если союзники продолжат военные действия, по отношению к Рейху он обязывался предоставлять лишь «двусторонние консультации».

2) Поэтому мы должны быть осторожными и не действовать так, чтобы СССР был вынужден, сам того не желая, пойти на союз с Германией; есть возможность поддержать контакт с Москвой, и кажется, что советское правительство хочет этого контакта (беседа маршала Ворошилова с генералом Паласом 23 сентября). Поэтому нужно:

а- незамедлительно отправить нашего нового посла в Москву. Несомненно, это решение вызовет определённую реакцию в общественном мнении и во французском парламенте. Но нужно через это пройти. Возвращение г-на Нагьяра будет, на самом деле, тут же воспринято Москвой как доказательство нашего решения не рвать отношения с СССР. Даже только заявления об этом намерении будет достаточно, чтобы держать открытыми в глазах Советского Союза те перспективы, которые они не хотят терять.

b- сразу дать знать г-ну Молотову через г-на Нагьяра:

- что между нами и СССР не существует никаких серьезных противоречий; что в случае, если Германия нас разгромит, то это не будет иметь никаких последствий для России; что, занимая нейтральную позицию в этом конфликте, СССР может с наименьшими потерями укрепить уже реализованные им военные цели.

- именно Германия, а не Англия и не мы, мешает распространению русского влияния в Прибалтике. Россия имеет эксклюзивное право осуществлять контроль в этом регионе, а мы являемся союзниками России. И мы никогда не думали оспаривать в неё это право.

- что касается Польши, то её восточные границы не были зафиксированы в Версале. Линия Керзона не имеет значительных отличий от линии [границ Польши], выработанной в Москве 29 сентября. Поэтому союзники могут предусмотреть в будущем пересмотр русско-польской границы на этой основе при подписании мира, в случае, если СССР даст гарантии того, что не будет предоставлять военную поддержку Германии, прямую или непрямую, а также не будет интенсифицировать сверх нормы торговые отношения с Рейхом.

Если по этим вводным пунктам нам удастся договориться, то мы, без сомнения, довольно быстро можем рассмотреть возможности занять открытую позицию по отношению к СССР в области налаживания экономических отношений на тех же условиях, что и с другими нейтральными странами. Исходя из этого, отправка в Москву миссии, возглавляемой важной персоной, могла бы оказать заметное влияние на развитие отношений между Францией, Англией и СССР в условиях настоящего конфликта.

Наблюдения:

1) Контакты, завязанные г-ном Нагьяром, не являются собственно переговорами; их целью была попытка предупредить немецко-русское сближение и облегчить СССР переход от настоящего этапа его политики к финальному (поражение Германии).

2) Нужно также иметь в виду, что если Москва, без сомнения, хочет видеть продолжающуюся войну, то важный локальный фактор будет играть против неё: он идет от того факта, что для СССР длительное содержание при оружии нескольких миллионов человек может представлять опасность для режима (революция или переворот), которой советские власти должны будут непременно заняться.

Papiers 1940. Reconstitution Fouques-Duparc 77.

Документ № 3.

Докладная записка политического руководителя министерства иностранных дел Эмиля Шарвериа, 28 мая 1940 г.

[Оргинал]

Paris-28 mai 1940

Compte-rendu de l'entretien du 28 mai 1940 entre le directeur des affaires politiques et commerciales Émile Charvériat et le chargé d'affaires de l'ambassade soviétique à Paris, Nikolaj Nikolaevitch Ivanov, au sujet de l'envoi de Pierre Cot comme ambassadeur de France à Moscou. Deux feuilles dactylographiées au recto portant le tampon des archives de la direction des affaires politiques et commerciales « Direction politique. Classement série Z carton 607 dossier 4 » et dans la marge supérieure « 1 ex. Z 619-1 ».

[*en-tête:*] le directeur politique
[*date:*] 28 Mai 1940
[*destinataire:*] Ambassade de France à Moscou A. s. [au sujet] de M. Pierre Cot
[*titre:*] Note

M. Ivanoff, Chargé d'Affaires p. i. de l'U.R.S.S est venu exposer au Directeur Politique ce qui suit:

Quelques coups de téléphone venant, pense M. Ivanoff, du Cabinet du Ministre, ont été adressés dernièrement à l'Ambassade au sujet de la délivrance à M. Pierre Cot d'un visa d'entrée en U.R.S.S.

M. Ivanoff a indiqué que l'ancien Ministre de l'Air jouissait « de beaucoup de respect et d'estime » de la part des personnalités dirigeantes de Moscou. En conséquence, le Chargé d'Affaires de l'U.R.S.S. pensait que si le Gouvernement français songeait à envoyer M. Pierre Cot à Moscou, comme Ambassadeur, cette désignation serait très favorablement accueillie. Il y avait, a jouté le Chargé d'Affaires, quelque sentiment de méfiance entre les deux pays. Si, en France, une politique plus franche est envisagée, M. Pierre Cot peut faire beaucoup pour améliorer les relations entre la France et l'U.R.S.S. où depuis longtemps sa figure est connue.

Les suites des campagnes de presse déclenchées contre l'U.R.S.S. par la guerre de Finlande ont fait beaucoup de mal. Or, maintenant, la paix avec la Finlande est faite et un Ministre de Finlande accrédité à Moscou. Au surplus, M. Ivanoff ne pense pas que la France ait des objections contre l'établissement des Russes en Baltique.

Le choix des personnalités n'est pas indifférent pour l'amélioration des relations entre Nations. La désignation des relations de M. Pierre Cot rencontrerait l'estime des dirigeants de l'U.R.S.S.

M. Charvériat a mentionné que le projet de voyage de M. Pierre Cot avait été, au moins momentanément, abandonné; il (a) a toutefois remercié M. Ivanoff de sa communication dont il lui (b) a demandé si elle correspondait à un avis personnel ou s'il convenait d'y voir davantage. Après quelque réticence, M. Ivanoff a répondu que, bien qu'il ne fût pas possible à des autorités étrangères de conseiller un choix à un Gouvernement, sa communication avait un caractère officiel puisqu'il était lui-même Chargé d'Affaires ./.

(a) *et barré remplacé par ; il*
(b) *lui ajouté au crayon de papier en interligne*

[Перевод]

Париж-28 мая 1940 года

Протокол переговоров, состоявшихся 28 мая 1940 года между руководителем политических и коммерческих дел Эмилем Шарвериа и поверенным в делах советского посольства в Париже Николаем Николаевичем Ивановым по поводу направления Пьера Кота в Москву в качестве посла Франции. Два печатных листа с печатью архивов управления политическими и коммерческими делами «Политическое управление. Серия Z папка 607 дело 4» и в верхнем поле листов «1 ex.Z 619-1».

[*вверху:*] начальник политического управления
[*дата:*] 28 мая 1940 года
[*адресат:*] Посольство Франции в Москве [по поводу] г-на Пьера Кота
[*название*] Докладная записка

Г-н Иванов, временный поверенный в делах СССР, прибыл, чтобы изложить политическому директору следующее:

В последнее время посольство получило несколько телефонных звонков, как думает г-н Иванов, из кабинета министра, по поводу выдачи г-н Пьеру Коту въездной визы в СССР.

Г-н Иванов подчеркнул, что бывший министр авиации пользуется «большим уважением и авторитетом» у советских руководителей. Следовательно, временно исполняющий обязанности дипломатического представителя СССР полагал, что если французское правительство пожелает направить г-на Пьера Кота в Москву в качестве посла, то это назначение было бы очень хорошо воспринято. В прошлом, добавил поверенный в делах, между двумя странами было некоторое ощущение недоверия. Если во Франции собираются строить более открытую политику, г-н Пьер Кот может сделать многое для улучшения отношений между Францией и СССР, где он давно известен.

Развязанная прессой компания против СССР из-за войны в Финляндии, сыграла плохую роль. Тем не менее, сейчас уже заключен мир с Финляндией

и финский министр аккредитован в Москве. К тому же, г-н Иванов не думает, что у Франции были бы возражения против размещения русских в Прибалтике.

Подбор кадров играет далеко не последнюю роль в налаживании добрых отношений между народами. Назначение на должность г-на Пьера Кота было бы одобрено руководителями СССР.

Г-н Шарвериа упомянул, что проект приезда г-на Пьера Кота был, по крайней мере, временно отменен; он (a), тем не менее, поблагодарил г-на Иванова за сообщение и задал ему (b) вопрос, выражает ли оно его личное мнение или за ним стоит нечто большее. После некоторого колебания, г-н Иванов ответил, что хотя не возможно советовать иностранным властям в выборе правительства, его сообщение носило официальный характер, поскольку он сам являлся временно исполняющий обязанности дипломатического представителя ./.

(a) **и** *зачеркнуто и заменено на* **он**
(b) **ему** *вписано между строк карандашом*

Archives du Ministère des affaires étrangères, série Z Europe, dossier 889, fol. 323-324

Документ № 4.

Телеграмма французскому послу в Греции с информацией о проезде через Афины нового французского посла в СССР, 4 июня 1940 г.

[Оргинал]

Une feuille dactylographiée au recto portant le tampon « E » (« envoyé ») et celui des archives de la direction des affaires politiques et commerciales « Direction politique et commerciale. Classement série Z carton 607 dossier 4 ».

[*en-tête:*] Affaires Étrangères. Ampliation. Chiffrement. Z. Télégramme au départ
[*date:*] Paris, le 4 Juin 1940, à 17 h 20
[*destinataire:*] Ministre français Athènes – 371
[*objet:*] Voyage de M. Labonne

Urgent

M. Labonne qui vient d'être chargé de notre ambassade à Moscou arrivera sans doute à Athènes demain 5 Juin à bord d'un avion Devoitine 338, immatriculé FAQBP - pilote Maurens; radiotélégraphiste Glouze, mécanicien Gombard.

Veuillez en aviser les autorités helléniques ./.

[*signé :*] Diplomatie. P.o. Lagarde

[Перевод]

Один печатный лист с печатью «E» («отправлено») и с печатью архивов управления политическими и коммерческими делами «Политическое и коммерческое управление. Серия Z папка 607 досье 4» и в верхнем поле листов «1 ex.Z 619-1».

Архивы министерства иностранных дел, серия Z Европа, досье 880, п.325

[*вверху:*] Иностранные дела. Копия. Шифровка. Z. Телеграмма
[*дата:*] Париж, 4 июня 1940 года, в 17.20
[*адресат:*] Французский министр Афины – 371
[*тема:*] Прибытие г-на Лабонна

Срочно

Г-н Лабонн, который был только что назначен в наше посольство в Москве, точно прибывает в Афины завтра 5 июня на борту самолета Devoitine 338, с опознавательными знаками FAQBP, пилот – Моренс, радиотелеграфист – Глуз, механик – Гомбард. Известите об этом греческие власти ./.

[*прдписано :*] Дипломатия. П.о. Лягард

Archives du Ministère des affaires étrangères, série Z Europe, dossier 880, fol. 325

Документ № 5.

Внутренний меморандум заместителя отдела «Европа» о черновом варианте инструкций для нового посла Франции в СССР

[Оргинал]

Note du sous-directeur d’Europe
Instructions pour M. Labonne
Paris, 5 juin 1940

Le gouvernement soviétique a marqué au cours de ces dernières semaines, par différentes voies, son désir de reprendre avec les gouvernements français et anglais les contacts politiques pratiquement interrompus depuis le commencement du conflit.

Ces avances ont été faites sous une forme extrêmement prudente et enveloppée. Différentes indications recueillies notamment par nos représentants à Belgrade ou des états baltes confirmaient cependant ces dispositions du gouvernement soviétique. Le fait, d’autre part, que ce dernier se soit refusé à une mission officieuse auprès de lui de personnalités françaises ou anglaises et ait déclaré qu’il n’entrerait en rapport qu’avec des envoyés officiellement accrédités tend à montrer qu’on attache à Moscou assez d’importance à des conversations éventuelles, pour ne vouloir les envisager qu’avec

des interlocuteurs officiellement mandatés ad hoc et qualifiés pour parler au nom de leurs pays respectifs.

Les raisons de cette attitude russe sont aisées à discerner : elle dérivent avant tout de la peur que l'Allemagne inspire à la Russie, peur accrue par les dernières victoires allemandes, qui font redouter aux dirigeants soviétiques que le Reich, ayant triomphé de la France et de l'Angleterre, ne se retourne vers l'Est pour y poursuivre, au détriment de l'URSS, ses visées d'expansion auxquelles l'Allemagne n'a jamais pu sincèrement renoncer. D'où le désir, chez ses dirigeants, de ne ménager en Occident la possibilité de corriger le déséquilibre inquiétant des forces alliées et des forces allemandes.

C'est en s'inspirant de cette situation et en vue d'exploiter les ressources, si faibles soient-elles, qu'elle peut offrir, que les gouvernements français et anglais ont respectivement décidé l'envoi immédiat à Moscou de sir Stafford Cripps et de M. Eirik Labonne.

Il ne faut pas se dissimuler que les possibilités d'action qui s'offriront à notre ambassadeur seront, au début du moins, extrêmement ténues et que toutes nos chances d'entamer avec les Russes une conversation politique quelconque dépendront des réponses qu'il sera autorisé à apporter à certaines questions préjudicielles qui lui seront, directement ou indirectement, posées.

Le gouvernement soviétique n'admettra jamais en effet de poursuivre des échanges de vues politiques avec la France et l'Angleterre s'il n'a pas auparavant la certitude que les Alliés n'entendent pas remettre en cause les résultats acquis par lui depuis le mois de septembre dernier. Toute réticence de notre part à ce sujet le confirmerait immanquablement dans sa position aux côtés de l'Allemagne, qui lui a normalement garanti ses conquêtes, et dont il ne voudra jamais risquer de provoquer le mécontentement en se rapprochant de puissances qui ne lui offriraient même pas les mêmes assurances.

Non seulement le succès de M. Labonne à Moscou, mais même les possibilités pour lui d'entamer une conversation quelconque avec M. Molotov, sont donc conditionnés par le fait de savoir s'il sera ou non autorisé entendre, dès son premier entretien :

1 Qu'aucun intérêt français n'est mis en cause par les positions occupées par la Russie dans la Baltique

2 Qu'en ce qui concerne la Pologne, l'attitude de la France ne diffère pas de celle de l'Angleterre, tel que lors Halifax l'a suggeré quand il a rappelé, le 26 octobre dernier, devant la Chambre des lords, que « l'action du gouvernement soviétique a consisté à porter les frontières russes à la ligne qui était substantiellement celle recommandée à l'époque de la conférence de Versailles par lord Curzon ».

Il y aurait le plus grand intérêt à ce que cette position pût être adoptée par M. Labonne dès son arrivée à son poste, et sans attendre d'y être amené, soit par l'exemple de l'Angeleterre, soit par des circonstances qui feraient douter de notre sincérité.

Si le Ministre donne son accord, un projet d'instructions dans ce sens sera immédiatement préparé pour notre ambassadeur.

Ce dernier a dû arriver aujourd'hui à Athènes. Il serait désirable qu'en se rendant à son poste notre ambassadeur pût prendre un contact prolifique avec M. Massigli et les dirigeants turcs. Aujourd'hui plus que jamais, le chemin de Moscou passe par Ankara.

[Перевод]

Нота заместителя директора «Европы»
Инструкции для г-на Лабонна
Париж, 5 июня 1940

В последние недели советское правительство различными способами показало желание возобновить контакты с французским и английским правительствами, прерванные практически полностью с момента начала конфликта.

Первые шаги были сделаны в чрезвычайно осторожной и закрытой форме. Однако, различные сведения, собранные. Главным образом, нашими представителями в Белграде и в Прибалтике, подтверждают данные намерения советского правительства. С другой стороны, тот факт, что оно отказалось принимать официозную миссию, состоящую из французских или английских представителей, и заявило, что вступит в отношения лишь с официально аккредитованными посланниками, показывает его желание иметь дело только с лицами, офи-

циально посланными для установления отношений в качестве представителей соответствующих стран.

Легко понять позицию русских: прежде всего она происходит из страха перед тем, что Германия повернется против России, страха, возросшего в свете последних побед Германии. Советское руководство задалось вопросом, не пойдет ли Рейх после успехов в войне против Франции и Англии на Восток и не станет ли в ущерб СССР реализовывать свои экспансионистские цели, от которых Германия напрямую никогда не отказывалась. Отсюда нежелание ее лидеров создать на Западе возможность для корректировки дисбаланса, опасного как для сил союзников, так и для Германии.

Принимая во внимание эту ситуацию и желая использовать вышеизложенные возможности, как бы малы они не были, французское и английское правительства одновременно решили в ближайшее время оправить в Москву сэра Стаффорда Криппса и г-на Эрика Лабонна.

Нужно иметь в виду, что варианты действий, которые представятся нашему послу, будут, по крайней мере вначале, весьма эфемерными, и что все наши шансы стабилизировать с русскими политическую ситуацию во многом будут зависеть от ответов, которые он, согласно инструкциям, должен будет дать на некоторые преюдициальные вопросы1 (прямо или скрыто их ему зададут).

На деле советское правительство никогда не начнет обмениваться мнениями в политических вопросах с Францией и Англией, если не будет заранее уверено в том, что союзники не намерены оспаривать результаты, достигнутые им в сентябре прошлого года. Любые недомолвки с нашей стороны немедленно склонят его в сторону Германии, которая и дала ему гарантии [неприкосновенности] его завоеваний и недовольство которой оно никогда не захочет вызывать, сближаясь с державами, не давшими ему таких же гарантий.

Не только успехи г-на Лабонна, но даже сама возможность начать какой-либо диалог с г-ном Молотовым, будут зависеть от нашей осведомленности по поводу данных тому инструкций. Нужно ли ему услышать при первой встрече:

1.Что позиции России в Прибалтике не противоречат никаким интересам Франции.

2. Что в вопросе с Польшей позиция Франции не отличается от позиции Англии, а она, в свою очередь, высказана Галифаксом 26 октября прошлого года перед Палатой лордов и заключается в том, что «действия советского правительства имели целью перенести русскую границу на линию, собственно, рекомендованную во время Версальской конференции лордом Керзоном».

Мы очень заинтересованы в том, чтобы г-н Лабонн принял такую же позицию с момента прибытия на пост, не дожидаясь, пока его на нее наведут или Англия, или обстоятельства, которые могут заставить сомневаться в нашей искренности.

Если министр даст свое согласие, то проект инструкции для нашего посла, составленный в таком ключе, будет немедленно подготовлен.

Последний должен прибыть сегодня в Афины. Желательно, чтобы по прибытии на свой пост наш посол вступил бы в тесный контакт с г-м Массигли и турецким правительством. Сегодня так, как никогда, путь в Москву лежит через Анкару.

Papiers 1940. Reconstitution Fouques-Duparc, 83

[1] Т.е. вопросы, которые предлагается решить до начала переговоров. – *Прим. ред.*

Серия фотоальбомов "Забытые кадры"

Историки Баир Иринчеев и Денис Жуков представляют серию уникальных фотоальбомов «Забытые кадры», посвященных событиям советско-финской и Великой Отечественной Войны.

В альбомах использованы фотографии, сделанные во время войны солдатами и офицерами финской и германской армий. Лишь малая часть – фотографии военных корреспондентов. Все фотографии публикуются впервые. Часть фотографий обнаружена в ходе изысканий в Национальном архиве Финляндии.

Эти фотоальбомы помогут современному читателю глубже осознать трагедию, постигшую нашу страну в 1941 году. Эти альбомы – дань уважения предыдущим поколениям, нашим отцам, дедам и прадедам.

Альбомы рассчитаны на широкий круг читателей.

Альбом «Гибель дворцов: нацистская оккупация Ленинградской области 1941-1944»
Баир Иринчеев и Денис Жуков.

ISBN 978-5-93768-047-2
64 страницы. Мягкая обложка, 122 черно-белых фотографии
сопровождающие тексты на русском и английском

В этом альбоме собраны фотографии, сделанные немцами в блистательных пригородах северной столицы – Петергофе, Пушкине, Павловске, Гатчине. В альбом включены уникальные кадры гибели Большого дворца в Петергофе и Екатерининского дворца в Пушкине. Некоторые фотографии позволяют развеять мифы об участи Екатерининского дворца, Большого дворца в Петергофе и статуи Самсона – символа Петергофа.

Альбом «На Ленинград: наступление Группы Армий Север в 1941 году»
Коллекция Дениса Жукова

ISBN 978-5-93768-048-0
64 страницы, мягкая обложка, 128 черно-белых фотографий
сопровождающие тексты на русском и английском

В альбоме собраны фотографии солдат и офицеров Вермахта в ходе их продвижения от Пскова и Острова к пригородам Ленинграда. Фотографии фактически являются иллюстрациями к недавно вышедшей книге Алексея Исаева «Иной 1941-й. От границы до Ленинграда».

Альбом «Финляндия: ответный удар. Карельский перешеек 1941 год»
Баир Иринчеев

ISBN 978-5-93768-044-8
64 страницы, мягкая обложка, 130 черно-белых фотографий
сопровождающие тексты на русском и английском

В альбоме представлены фотографии финских солдат и офицеров во время наступления финской армии летом 1941 года на Карельском перешейке. Большое количество ранее не j публиковавшихся фотографий Выборга, Приозерска, Зеленогорска и других известных мест Карельского перешейка.

Альбом «Финская война: забытые кадры»
Баир Иринчеев

ISBN 978-5-93768-039
192 страницы, 16 цветных, твердая обложка,
338 иллюстраций, чертежей, карт.
сопровождающие тексты на русском, английском, финском, шведском.

Впервые в одном альбоме собраны ранее не публиковавшиеся фотографии, чертежи и карты укреплений Линии Маннергейма, координаты бункеров на местности и произведения искусства о советско-финской войне. Все это делает альбом уникальным пособием для каждого, кто интересуется этой малоизвестной войной.

По вопросам приобретения обращаться к Баиру Иринчееву
bair@bair-travels.com

Дискуссии

«Атмода» сквозь «перестройку»: сюжеты латвийской (анти)советской истории в период распада СССР

2 апреля 2011 года в офисе фонда «Историческая память» состоялся международный круглый стол «Латвия в 1990-1991 годах: "Interregnum" или двоевластие?» В мероприятии приняли участие представители латвийской стороны – депутаты Сейма Николай Кабанов и Игорь Мельников, – а также российские эксперты: руководитель исследовательских программ фонда «Историческая память» Владимир Симиндей; представитель Института научной информации по общественным наукам РАН, кандидат исторических наук Юлия Щербакова; руководитель Центра изучения России, Украины и Белоруссии Института всеобщей истории РАН, доктор исторических наук Александр Шубин; руководитель Российско-Балтийского центра Института социологии РАН, главный научный сотрудник Института экономики РАН, доктор социологических наук Ренальд Симонян.

Участники круглого стола обсудили появление и деятельность параллельных структур власти и госуправления в Латвии в период с 4 мая 1990 по 22 августа 1991 года, дали правовую оценку методам легитимации и уровням легитимности союзных и республиканских органов на территории Латвии в 1990-1991 годах, провели дискуссию о правомерности использования в современной латвийской историографии и политической публицистике терминов «восстановленная независимость» и «антигосударственная деятельность» применительно к событиям переходного периода.

Российские и латвийские участники круглого стола детально проанализировали месяцы двоевластия и дни «безвластия» в Латвии, череду публичных «окриков» из Москвы и подбадривающих кулуарных заявлений «отцов перестройки» в адрес руководителей Атмоды – латышского «национального возрождения», – а также эксцессы на пути предрешенной независимости Латвии – предрешенной не столько в Риге, сколько в Москве и Вашингтоне, у берегов Мальты и в Рейкъявике и, наконец, в Вильнюсе и Таллине. В ходе дискуссии также подчеркивалось решающее значение московских событий 19-21 августа 1991 года, до сих пор получающих полярные характеристики в историографии и политической публицистике: государственный переворот отчаянных заговорщиков или неудачная инсценировка ГКЧП «без президента Горбачева, но с ведома главы государства»?

Важные сюжетные линии развития ситуации в Латвии были очерчены гостями из Риги, поделившимися также интересными подробностями и оценками. В них, как представляется, содержится немалый потенциал для дальнейшей дискуссии. С учетом того, что многие аспекты кристаллизации латвийской независимости еще не введены в научный оборот, редакция посчитала полезной публикацию докладов двух депутатов Сейма Латвии – Николая Кабанова и Игоря Мельникова.

Всесоюзный референдум и вселатвийский опрос: легитимность и политические последствия

1991 год был последним годом пребывания Латвии де-факто в составе Советского Союза. В отличие от большинства бывших союзных республик, к этому времени на территории Латвии существовали параллельно две системы власти и управления. Как это ни парадоксально, советская система тяготела к форме, озвученной за 70 лет до этого в ходе Кронштадтского восстания: «Советы без коммунистов». В свою очередь, Коммунистическая партия Латвии (как тогда выражались, «на платформе КПСС») сохраняла лишь часть идеологического контроля, сотрудничая с Вооруженными Силами СССР, дислоцированными в республике, а также с

определенной частью сотрудников МВД, КГБ и Прокуратуры Латвии. В политическом пространстве также были активны лояльные единому Союзу общественные организации – в первую очередь, Интернациональный фронт трудящихся Латвийской ССР.

Краткую оценку юридической ситуации на весну 1991 года автор попросил дать консультанта фракции «Центр Согласия» Сейма Латвийской Республики, магистра международного права Сергея Кристапсона:

«Почти за год до этого, 4 мая 1990 года Верховным Советом ЛССР была принята Декларация о независимости. "За" тогда проголосовали 178 депутатов из 201 (при квалифицированном большинстве в 2/3 или 172 депутата). Напомним, что Верховный Совет 1990 года был избран в результате выборов в 201 одномандатном округе, где впервые была обеспечена возможность выдвигать несколько кандидатов. Данный орган являлся легитимным представителем населения Латвии, соответственно, его решения не требовали дополнительного подтверждения.

Декларацией о независимости, которая в тот момент, по сути, являлась конституционным нормативным актом, было восстановлено действие Конституции Латвийской Республики 1922 года. Правда, до принятия новой редакции Конституции, действующими признали только четыре статьи Конституции 1922 года, для изменения которых требовалось проведение всенародного референдума. Преамбула и текст Декларации были составлены группой юристов, на основании действующей в международном праве теории континуитета. Декларация предполагала также переходный период до полного восстановления (de facto) независимости. Однако не были обозначены конкретные сроки данного переходного периода, что впоследствии послужило объектом критики как со стороны юристов, так и со стороны политиков.

Таким образом, правовая база для восстановления независимости была создана, и для ее усиления не требовалось проведение референдума или плебисцита. Более того, в 1991 году в Латвии не существовало нормативной базы для проведения каких-либо референдумов. Была Конституция 1922 года, предусматривавшая возможность народных референдумов, но для полного осуществления данного права был необходим специальный закон, а его на тот момент не существовало. Проведение референдума по закону 3 апреля 1990 года «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» было невозможно по разным причинам. Тут и противоречие Декларации о независимости, которая признала не имеющей силу Декларацию 21 июля 1940 года о вступлении Латвии в СССР, и проведение референдума в присутствии Вооруженных Сил СССР, и боязнь не собрать 2/3 голосов (всенародный опрос 3 марта 1991 года не собрал 2/3 голосов), и то, что данный закон ставил ряд условий для "уходящей" страны, например гражданство "всем, которые того пожелают" и т.д.»[1]

Стоит сделать вывод, что проведение опроса было своеобразной импровизацией ad hoc. Это подтверждает признание первого председателя Народного фронта Латвии, в описываемое время – вице-спикера Верховного Совета Дайниса Иванса:

«Литовцы внезапно такой [опрос] устроили у себя на земле. Так же на подобный шаг решились эстонцы. Не оставалось ничего иного, как следовать за ними, хотя в демографических условиях Латвии плебисцит мог оказаться неудачным. Однако это была единственная возможность не принимать условия игры Москвы. Референдум Горбачева нужно было опередить»[2].

Между тем, в Верховном Совете ЛР в это время трудились две стратегические группы. Одна из них — во главе с Айварсом Эндзиньшем и Романсом Апситисом — готовила новый Основной закон. Вторая, руководителем которой был бывший сотрудник КГБ ЛССР, юрист-«независимец» Юрис Боярс, разрабатывала законодательство о гражданстве. К весне-лету 1991 года документы вчерне были готовы. В любом случае, они были бы адекватнее механически восстановленной Сатверсме (Конституции) 1922 года и совокупности граждан Латвии, как ее мнили радикалы из Конгресса граждан.

Параллельно в Латвии шло формирование собственных силовых структур. 25 февраля 1991 года все функции Штаба добровольных стражей порядка, зарекомендовавших себя в «баррикадные дни», были переданы вновь созданному Департаменту общественной безопасности (ДОБ). Он не был структурой МВД, но непосредственно подчинялся Совету Министров ЛР, представляя собой зародыш одновременно спецслужб

[1] Личная беседа автора с С. Кристапсоном. 22.03.2011.
[2] **Īvāns D.** Gadījuma karakalps. Rīga, 1994.

и вооруженных сил. Начальником ДОБ был назначен отставной советский офицер Янис Башкерс, заявивший, что в его функции будет входить как гражданская оборона, так и обучение применению спецсредств «стражами порядка». Глава правительства Иварс Годманис заявил, что «подобная реформа будет содействовать созданию единой системы обеспечения общественного порядка». На самом же деле это была параллельная не совсем лояльной милиции и занимающему двоякую позицию КГБ сеть на случай «Дня Д».

12 февраля председатель Верховного Совета ЛР Анатолий Горбунов и секретарь ВС ЛР Имантс Даудишс подписали «Решение о проведении опроса жителей Латвии». Формулировка предложенного опроса была следующей: «Выступаете ли вы за демократическую и государственно независимую Латвийскую Республику?» Предполагалось два варианта ответа: «Да» и «Нет». Интересно, что при проведении выборов изобретать велосипед не стали. В «Памятке общественным наблюдателям», подписанной председателем Центральной опросной комиссии Гунарсом Блумсом и руководителем Канцелярии Верховного Совета Латвийской Республики Марисом Стейнсом (и спустя 20 лет занимающим аналогичную должность в Сейме ЛР!), указывалось, что опрос производится в соответствии с Законом о выборах местных советов народных депутатов Латвийской ССР. Соответственно, оставалась той же самой «нарезка» избирательных округов и технические детали. В «Памятке» постоянно упоминается термин «гражданин» в отношении голосующих. Следовательно, тогдашний электорат априори рассматривался как совокупность граждан Латвийской Республики! Разумеется, кроме указанных в пункте 7 «граждан, не прописанных на территории участка», бюллетени которым выдавать не полагалось[3]. А уже накануне голосования М. Стейнс призвал «народных депутатов всех уровней» принять участие в работе комиссий по проведению опроса, сославшись при этом на статью 92 Конституции Латвийской ССР[4].

Однако граждан уже тогда начали делить на «хороших» и «плохих». Продолжал активную деятельность Конгресс граждан, признававший легитимность подданства только по состоянию на 17 июня 1940 года. Один из его лидеров, заграничный латыш Паулис Клявиньш, впрочем, призывал быть политически гибкими:

«Задача Конгресса граждан Латвийской Республики – объединять правовых граждан Латвии и их потомков. Эту задачу невозможно выполнить, узурпируя права Сейма и все силы посвящая контролю и направлению деятельности Верховного Совета. Таким образом можно только стать смешными – как упертой секте политических фундаменталистов»[5]. Конгресс граждан в итоге раскололся по отношению к опросу: к примеру, член президиума Элмарс Веберс заявил, что в силе остается заявленный еще 1 февраля бойкот данной идеи, а официальный представитель КГ Иво Киршбаумс провозгласил обратное[6].

В парламенте, избранном по советским законам, и без Конгресса граждан хватало ура-патриотов. Уже тогда известный своим национал-радикальным азартом депутат Верховного Совета Юрис Добелис поднял скандал на 49-м участке опроса в Курземском предместье Риги. В этом районе, населенном преимущественно русскоязычными, Добелис обнаружил, что «многие комиссии образованы практически из представителей одного трудового коллектива» (очевидно, имелось в виду крупное предприятие союзного подчинения «Радиотехника»).

«Констатировано, что на многих комиссиях их участники ведут агитацию против независимости Латвии. Конкретные лица будут установлены и будут наказаны в соответствующем порядке», – заявил Добелис[7].

Стоит отметить, что одновременно с названием «Курземское предместье» существовало еще и прежнее – «Ленинградский район». И его райсовет – единственный в Риге – поддержал проведение союзного референдума 17 марта. За что, отметим, забегая вперед, и был распущен после окончательного выхода Латвии из СССР.

Накануне республиканского референдума волна этнической мобилизации достигла апогея. 2 марта высшее должностное лицо Латвийской Республики – председатель Верховного Совета Анатолий Горбунов – находился в Копенгагене. Вероятно, это была гарантия от всяких неожиданностей – ведь

[3] Diena. 26.02.1991.
[4] Diena. 01.03.1991.
[5] Diena. 27.02.1991.
[6] SestDiena. 02.03.1991.
[7] Diena. 01.03.1991.

20 января 1991 года Горбунов случайно попал в эпицентр противостояния ОМОНа и МВД ЛР (омоновцы брали штурмом здание министерства напротив), выбираясь под обстрелом из гостиницы «Ридзене», где проходила его встреча с маршалом Сейма Польши. Из далекого Копенгагена бывший секретарь ЦК КПЛ по идеологии Анатолий Валерьянович Горбунов призвал голосовать за независимость, потому что «не видит другой возможности, как выжить латышскому народу»[8].

В тот же день, 2 марта, депутат Верховного Совета Роландс Рикардс заявил, что новый Закон о гражданстве «надо принять в ближайшее время». Он говорил лишь о недопустимости двойного гражданства – и в то же время ссылался на договор Латвийской Республики и РСФСР, который «предусматривает получение гражданства по свободному выбору человека». Всего в Латвии проживало около 2,69 млн постоянных жителей, из них 1,7 млн «уже являлись гражданами» (признание концепции Конгресса граждан!). А далее Рикардс сделал удивительное заявление: «Те граждане СССР, которые 3 марта придут и проголосуют за [...], несомненно являются потенциальными гражданами ЛР, так как своим отношением подтвердят лояльность нашему государству»[9]. Но при этом никакого механизма фиксации выбора, разумеется, не предполагалось – голосование ведь было тайным!

Противодействие сторонников сохранения СССР также присутствовало. Депутат Верховного Совета от фракции «Равноправие» Анатолий Барташевич 2 марта заявил:

«Нынешние политические дельцы умело используют молодежь на баррикадах, в протестах против Союзного договора, умалчивая, что его отсутствие ведет к неизбежному развалу экономики, резкому сокращению рабочих мест, сводит на нет социальную защиту молодежи. Вот почему у меня есть все основания 3 марта вычеркнуть в бюллетене слово "да". Ведь в моей семье – два сына»[10].

Беспокойство депутата за детей вполне объяснимо. Но смутные времена прошли, и Михаил Анатольевич Барташевич стал успешным предпринимателем в родном городе Резекне, а Александр Анатольевич с 2009 года является мэром этого города.

Весной 1991 года из запасников были извлечены ветераны пролетарского интернационализма. Так, член Союза журналистов СССР Т. Ридзинь писал в газету «Советская Латвия»:

«Я верю в латышский народ, его славные революционные традиции. Отдельные личности могут разложиться. Народ – никогда! У него хватит здравого смысла, чтобы в день проведения опроса 3 марта сказать "нет"».

Товарищ Ридзинь глубоко ошибся. Революционные традиции если и были воспроизведены, то совершенно в ином ключе.

В опросе 3 марта приняли участие 87,6% допущенных к голосованию, «за» проголосовали 73,7%, «против» – 24,7%. По крупным городам проценты несколько отличались: в Риге они, соответственно, были 60,7 и 37,4%, в Даугавпилсе – 51,3% и 39,9%. Явка в последнем городе, самом «русскоговорящем» в республике, была существенно ниже, чем в сельских районах Латвии – 63,3 и 93,1%. В провинции только 13,1% голосовавших вычеркнули «да».

«Даугавпилс занимает пока весьма специфическое место на политической карте Латвии. Здесь у сторонников государственного социализма и казарменного интернационализма имеются сильные позиции, сравнительно слабы пока силы, ориентированные на восстановление независимой и демократической Латвии», – комментировал тогда ситуацию сотрудник Даугавпилсского педагогического института, социолог Валерий Меньшиков. Однако он же описывал такой факт:

«Стараясь любыми средствами сохранить силу и принципиальное содержание своей власти, наша бюрократия маневрирует, обращаясь к популизму. Так, на одном избирательном участке Даугавпилса депутат республиканского парламента резко критиковал правительство за медленные темпы конверсии собственности и предлагал незамедлительно приватизировать 70% государственной собственности в течение 4 лет»[11].

Какая же «разруха в головах» была тогда у политического класса, если подобные радикально-рыночные, вполне в духе «Чикагской школы», предложения оценивались как популизм! Надо полагать, и неназванный депутат, и его избиратели были немало разочарованы тем, как к 1995 году Латвия выполнила и перевыполнила вышеуказанные показатели...

[8] Diena. 02.03.1991.
[9] Diena. 02.03.1991.
[10] Советская Латвия. 02.03.1991.
[11] SestDiena. 23.02.1991.

Кстати, в первую очередь это ударило по Даугавпилсу – ведь 62% продукции в городе производили предприятия союзных министерств.

Прошло две недели – и «империя наносит ответный удар». По постановлению Верховного Совета СССР в воинских частях Министерства обороны, МВД, КГБ СССР образовывались участковые и окружные комиссии референдума, которым было разрешено включать в дополнительные списки членов семей военнослужащих этих частей, а также других граждан, которые были лишены возможности голосовать по месту жительства.

К союзному голосованию 17 марта актив КПЛ и Интерфронта также сумел создать свою инфраструктуру. Штабы референдума о сохранении СССР создавались в Рижском горкоме и райкомах партии. В Риге участки располагались в школах (преимущественно в русскоязычных Московском и Ленинградском районах, тогда как в «латышском» Кировском районе – ни в одной); Доме офицеров Прибалтийского военного округа и окружном Университете марксизма-ленинизма; на ряде предприятий союзного значения – Латвийском морском пароходстве, военных заводах «Коммутатор», «Арсенал». Для сравнения, в Мадонском районе удалось создать только два участка – в райкоме партии и районном Доме офицеров, а в Валкском районе только один – в Доме культуры торфяного завода в поселке Седа, на 90% русскоязычном анклаве посреди латышской глубинки. Один участок в Лимбажском районе располагался на бумажной фабрике в поселке Стайцеле, один – в Салдусском районе , также в райкоме КПЛ[12].

«Референдум Горбачева 17 марта можно считать несостоявшимся», – оценил потом результаты голосования Дайнис Иванс. До силового противостояния не дошло, но во многих местах избирательные комиссии выдворялись из помещений, им отключали свет. В свою очередь, активисты союзного референдума использовали агитационные машины Прибалтийского ВО.

Данные были официально опубликованы Центральной избирательной комиссией СССР только 30 марта. Всего в Латвии на союзном референдуме проголосовало 436 738 человек, из них 95,1% выступили за сохранение СССР. Так как в союзном голосовании участвовали и военнослужащие частей ПрибВО, призванные в армию из других республик, то определить точное соотношение русскоязычного населения, поддержавшего СССР, становится весьма затруднительным.

Вернемся к оценке голосования 3 марта. Как считает С. Кристапсон: «По форме опрос жителей 3 марта 1990 года практически был консультативным референдумом. Не являющимся обязательным и не исключающим из процесса принятия решения законодательную власть, как в случае обычного референдума, но оказывающим (по крайней мере, в демократических странах) сильное влияние на принятие окончательного решения по какому-либо вопросу. Поэтому, в Конституционном законе "О статусе Латвийской Республики" от 21 августа 1991 года Верховный Совет ЛССР ссылается и на результаты опроса»[13].

По-разному подходили к тактике тогдашние соратники. «Мы, латыши, пришли к власти», – говорит ныне бывший депутат Верховного Совета от НФЛ Арнолдс Берзс. И поясняет, что все было сделано в соответствии с рецептами... Владимира Ильича. Ведь именно Ленин утверждал, что «нейтрализованные на предыдущем этапе революции больше не союзники, но противники». «Между прочим, они по-прежнему наши противники!» – говорит А. Берзс о тех, кто стал в независимой Латвии «негражданами»[14].

Дайнис Иванс в своей книге «Воин поневоле» критикует действия политической элиты начала 1990-х: «Я считаю, что своих сторонников из среды нелатышей на референдуме 3 марта, а еще больше во время баррикад, нельзя забывать, недооценивать. Новой государственной реальности не нужно было становиться поводом невыполнения обещания, данного в критический момент, превращения бывших союзников в противников. Внешне чудесная свобода Латвии была достаточным основанием большему либерализму во внутренней политике»[15].

Почему же Латвийская Республика отреклась от широко заявленного сочетания «полной» независимости и демократии «для всех»? Думается, важную роль сыграли события августа 1991 года, понимание того, что правительство Годманиса реально не управ-

[12] Советская Латвия. 13.03.1991.

[13] Личная беседа автора с С. Кристапсоном. 22.03.2011.

[14] DDD. 13.03.2011.

[15] **Īvāns D.** Gadījuma karakalps. Rīga, 1994.

ляет ситуацией. Ведь не благодаря мужеству и отваге борцов в Риге — а из-за бездарности союзного руководства — не случился триумф ГКЧП.

Осенью того же 1991 года были развернуты радикальные рыночные реформы, предполагавшие в латвийском случае не только приватизацию общесоюзного и республиканского имущества, но и реституцию довоенной недвижимости. А перспектива вновь получить оппозиционную партию с потенциальным ресурсом в 30-35% избирателей правящий Народный фронт не впечатляла – ведь только что были запрещены Компартия и Интерфронт. Поэтому и созрело очередное конъюнктурное решение, на сей раз о лишении политических прав около 700 тыс. постоянных жителей Латвии.

Сейчас это число уменьшилось вдвое, но по-прежнему составляет существенную внутриполитическую проблему Латвии — спустя почти 20 лет ее независимости де-факто.

Николай Кабанов

Латвийская милиция в процессе противостояния республиканского и союзного руководства (1990-1991)

Двадцать лет назад я был начинающим сотрудником МВД Латвии. Тогда я не занимался политикой, но, как гласит парафраз известной поговорки, «она занялась мной». По стечению обстоятельств я оказался в самом эпицентре событий 1991 года — мне довелось охранять председателя Совета Министров Латвии Иварса Годманиса и его семью в юрмальской резиденции. Уже спустя многие годы мне захотелось мысленно вернуться в то время и понять, в первую очередь для себя, как могло получиться, что люди, носившие одну и ту же форму с гербом Советского Союза, дошли до взаимного кровопролития. Двадцать лет назад Латвия вследствие действий безответственных политиков была на грани гражданской войны. Но то, что мы все же удержались от окончательного братоубийства, во многом является заслугой руководства и личного состава МВД.

Для начала хотелось бы восстановить основную хронологическую цепь событий.

Сентябрь 1990 — март 1991 года. По всей территории Латвии за сравнительно короткий период прогремели 26 взрывов, и только в пяти случаях была выявлена связь с криминальными структурами. На причастность к другим взрывам проверялись лица, не подпадающие под юрисдикцию Латвии — бойцы Рижского ОМОН, переданного к тому времени Вильнюсской дивизии ВВ, работники КГБ, военнослужащие спецподразделений Советской Армии. Первыми были взорваны памятники латышским легионерам – на кладбище Бутка в поселке Цоде Бауского района, в поселке Джуксте Тукумского района, в поселке Яунпилс Тукумского района на горе Саулиши. Однако направленность других экстремистских выходок давала основания полагать, что подобные инциденты могли быть связаны и с деятельностью радикальных элементов «латышского лагеря».

12 декабря 1990 года в 3 часа 10 минут прогремел взрыв у здания общественно-политического центра Центрального комитета Коммунистической партии Латвии (КПЛ) в Риге на улице Кр. Вадемара, 5 (ныне Дом Конгрессов).

В ночь на **18 декабря 1990 года** прогремело 3 взрыва: в 2:45 брошенная через ограду взрывчатка взорвалась на территории военной прокуратуры Рижского гарнизона, на улице Вайнедес; в 2:55 прогремел взрыв у здания Московского, Кировского и Рижского райкомов Компартии Латвии на улице Даугавпилс, 31. Около 3 часов прогремел взрыв на Бривибас, 38, напротив здания Кабинета министров, в 13 метрах от памятника В.И.Ленину.

21 декабря 1990 года в 23:22 прогремел взрыв на территории Рижского Высшего военно-политического училища имени Бирюзова на Эзермалас, 6.

26 и 27 декабря 1990 года прогремело четыре взрыва, попытки взрывов были зафиксированы также 14, 16 января, 12 февраля, 5 и 6 марта. Человеческих жертв не было. Создавалось впечатление, что необходим был повод для возможности введения в Латвии прямого президентского правления СССР.

2 января 1991 года. Вооруженные бойцы ОМОН захватывают Дом печати. У работников типографии и редакции отбирают удостоверения, обыскивают служебные помещения и их самих. Бывшие в то время министр МВД

Латвии Алоиз Вазнис, первый заместитель председателя Кабинета Министров Илмарс Бишерс и первый заместитель Верховного Совета Дайнис Иванс прибывают на место происшествия, но ОМОН не пропускает их в Дом печати.

В 13:40 три бойца ОМОН нападают на оформляющих документы по преступлению работников уголовного розыска, рвут служебные удостоверения, отбирают фотопленку, обстреливают их служебную автомашину.

8 января 1991 года. Министр МВД Латвии Алоиз Вазнис направляет письмо Министру МВД СССР Борису Пуго, в котором подробно излагает все действия ОМОН и высказывает мнение, что единственным выходом было бы расформирование этого подразделения.

13 января 1991 года. В 4:00 по Латвийскому радио звучит обращение Народного Фронта Латвии (НФЛ) к народу с призывом собраться всем на Домской площади в Риге, чтобы поддержать Литву, где в ночь на 13 января танками был окружен Литовский парламент, заняты телевидение, радио, телеграф.

В 6:00 на Домской площади начинает собираться народ. На набережной Даугавы проходит манифестация, в которой принимают участие несколько сотен тысяч человек.

Министр земледелия Дайнис Гегерис призывает для сооружения баррикад транспортировать в столицу груженые бревнами автомашины, а также тяжелую сельскохозяйственную и строительную технику.

14 января 1991 года. Министр МВД Латвии Алоиз Вазнис получает ответ на свое письмо, адресованное министру МВД СССР, подписанное первым заместителем министра Б. Громовым. В письме говорится, что причиной создавшейся напряженной ситуации в республике является общественно-политическая обстановка, и для ее разрешения нужен взвешенный, профессиональный подход. Также готовятся предложения о правах СССР и союзных республик. Прокуратура рассмотрит противоправные действия отдельных работников ОМОН.

В Риге у зданий Верховного Совета, Совета Министров, Латвийского радио, Латвийского телевидения, Международной телефонной централи и мостов Брасса и Вецмилгравис сотни человек сооружают баррикады.

В 14:50 у моста в районе Вецмилгравис, где расположена база ОМОН, его бойцы обстреливают машины защитников баррикад.

В 18:45 у моста Брасса бойцы подразделения ОМОН нападают на защитников баррикад, обстреливают машины, забрасывают их найденными в них бутылками с зажигательной смесью.

В 20:00 ОМОН у моста Вецмилгравис вновь обстреливает автомашины.

15 января 1991 года. В ночь на 15 января ОМОН нападает на Рижский филиал Высшей Минской школы милиции по ул. Зеллю, 7, избивает курсантов, похищает (в интерпретации нападавших – «изымает») оружие: два гранатомета, пять пулеметов, 42 автомата, 4 снайперских винтовки, 215 пистолетов, ракетницы.

На стадионе СКА проходит митинг Интерфронта. Комитет общественного спасения (КОС) сообщает о готовности перенятия власти: «По требованию трудового народа берет на себя ответственность за дальнейшую судьбу Советской Латвии, объявляет о переходе в руки комитета всей власти в государстве на период стабилизации ситуации, а также об отставке Верховного совета и правительства». КОС объявляет недействительной Декларацию о восстановлении государственной независимости от 4 мая 1990 года.

16 января 1990 года. В 15:40 ОМОН снова нападает на гражданских лиц у моста Вецмилгравис. В перестрелке ранен водитель Робертс Мурниекс; позже от полученных травм он скончался в больнице.

В 18:30 ОМОН нападает на защитников баррикад моста Брасса и избивает их.

17, 18, 19 января 1991 года. Защитники баррикад дежурят посменно, ночуя там же у костров. Организована доставка продуктов, оказывается медицинская помощь.

20 января 1991 года. Неизвестными лицами изнасилована жена офицера ОМОН. Ночью в Риге на улице Мартиня ОМОН задерживает микроавтобус «Латвия» с пятью охранниками общественного порядка, избивает их, надевает наручники и увозит на свою базу, после чего переправляет их в Витебский СИЗО (Белоруссия), где они будут находиться около двух недель.

В 21:09 дежурная часть Рижского управления МВД получает сообщение от МВД о том, что на здание министерства началось нападение. После этого связь с МВД прекращается.

В 21:12 Латвийское телевидение прерывает вещание вечерних новостей и начинает вести прямую трансляцию от здания МВД и его окрестностей, где на бульваре Райниса,

Бастионной горке и в Старом городе уже началась стрельба.

В 21:13 дежурный по ГУВД сообщает об этом начальнику Виктору Бугаю, который объявляет тревогу личному составу и сам прибывает на место происшествия.

В 21:15 народу сообщено о том, что нападавшие – это бойцы ОМОН. Жителей просят не покидать свои дома и не появляться в местах происшествий.

В 21:28 поступает сообщение от скорой медицинской помощи о том, что на Бастионной горке застрелено два человека.

В 22:04 появляются сообщения, что стрельба происходит на верхних этажах МВД. Связи с министерством до сих пор нет.

В 22:05 в оборудованный в Домском соборе медпункт привозят застреленного мужчину. Медики сообщают, что погибших несколько.

В 22:07 в дежурную часть приходят первые сообщения с места происшествия. Дежурный сообщает, что здание на бульваре Райниса окружено омоновцами. Их автомашины перегородили все ближайшие улицы. Идет прицельная стрельба.

В 22:18 возобновилась связь с МВД. Тут же и выяснилось, что в перестрелке в министерстве погибли два работника милиции – командир управления служебной охраны МВД, лейтенант милиции Владимир Гомонович и старший участковый инспектор милиции части Внутренних дел Центрального района города Риги, лейтенант милиции Сергей Кононенко. Есть еще жертвы: на Бастионной горке убиты учащийся Эдийс Риекстиньш, кинооператор студии Юриса Подниекса Андрис Слапиньш, смертельно ранен второй оператор студии – Гвидо Звайгзне.

Ранения в перестрелке получили милиционеры из Бауски, охранявшие здание – Янис Ясевич, Альгис Симанавичус, Ренарс Заляйс и Валерий Маркунс. Имеются и раненые среди участников баррикад и журналистов – журналист Российского ТВ Владимир Брежнев и венгерский журналист Ионош Федор.

21 января 1991 года. Председатель Верховного Совета Латвии Анатолий Горбунов отправляется в Москву, чтобы обсудить с президентом СССР Михаилом Горбачевым политическую ситуацию в Латвии.

22 января 1991 года. 20 полковников, 51 подполковник, 37 майоров и другие работники милиции пишут письмо Верховному Совету СССР и президенту СССР:

«Мы, работники учреждений внутренних дел, ветераны, требуем немедленно прекратить вооруженное вмешательство во внутриполитические дела Латвии. 20 января 1991 года вооруженная банда ОМОН МВД СССР захватила здание МВД ЛР – беспрецедентное нападение. Произошло кровопролитие, в котором пострадали работники милиции и жители города Риги. Убито четыре человека, десять – ранено. Требуем немедленно вывести ОМОН МВД СССР из Латвии и предать суду. С действиями ОМОН, который называл себя гвардией президента, окончательно была утрачена последняя иллюзия о союзном договоре. Тем самым окончательно укрепилось народное желание независимости, безусловного подчинения конституционно избранному правлению и парламенту Латвии».

24 января 1991 года. Создан Департамент общественной безопасности Совета министров Латвии.

27 января 1991 года. Время баррикад заканчивается.

Каждому пришлось сделать непростой личный выбор.

14 января всех руководителей РОВД Латвии вызвал к себе начальник милиции республики Петр Екимов. В кабинете был представитель из Москвы, и в его присутствии было сказано, что сегодня у нас есть возможность сделать свой выбор – на чью сторону встать. Многие коллеги, в особенности из Риги и Латгалии, все-таки сделали свой выбор в пользу милиции Советской Латвии.

Над Каугури, районом Юрмалы, где я сейчас живу, кружил вертолет, по радио сообщили, что захвачен учебный центр милиции. 14 января вечером милиционеры из «глубинки» отправились в Ригу, организовались по сменам, заняли свои посты. У нас были автоматы и пистолеты. Начальник конвойного полка ВВ Сапиров приказывал сдавать оружие.

Здание МВД после того как 20 января его занял ОМОН, быстро перешло под контроль военных. Все лестничные пролеты были заняты вооруженными десантниками Советской армии. Милиционерам, лояльным правительству Латвии, было приказано прибыть в помещения отделения милиции Ленинградского района в Пардаугаве. Там было сказано, что надо будет «взять» базу ОМОН. После длительных раздумий, к счастью, пришло осознание того, что это не совсем разумное решение. Но тревога была уже объявлена, и в Ригу съезжались дополнительные силы ми-

лиции. На рассвете приказали окружить Бастионную горку вокруг канала, чтобы можно было обследовать, кто и с чьей стороны стрелял. После обследования парка, не давшего однозначного ответа, милиции поручили охранять Совет Министров.

Хочется обратить внимание на то, что когда МВД СССР получило телеграмму нашего министра Алоиза Вазниса с просьбой разрешить использовать курсантов Рижского филиала Минской школы милиции для обеспечения общественного порядка, через несколько часов произошло нападение на этот филиал ведомственного учебного заведения. Действия ОМОН были полностью согласованы с Москвой. Курсанты после этого пытались добыть оружие, чтобы пойти в город и обстрелять омоновцев. Многие курсанты пострадали физически, и это побуждало их к мести.

Следует отметить, что в школе милиции училось много приезжих из Литвы, где также разворачивались «острые» политические события. А один парень из Белоруссии, мастер спорта по стрельбе, потребовал снайперскую винтовку. Большинство курсантов были противниками омоновцев. Интересно, что командир подразделения ОМОН Чеслав Млынник тоже учился заочно в этой школе милиции.

На одном из заседаний Сейма в 1997 году обсуждался вопрос о внеочередном присуждении гражданства ЛР (тогда действовали многие ограничения, «окна натурализации») начальнику управления ГУП Виктору Бугаю. За него вступился Иварс Гоманис:

«В январе 1991 года Бугай лично руководил работниками Рижской милиции, защищая Совет министров, его работников от провокаций, а также от враждебно настроенной демонстрации интерфронта у здания Совета министров. В январе 1991 года, когда здание МВД было захвачено, Бугай вел активные действия против деятельности ОМОН. Он лично организовал освобождение здания, также лично им было организовано освобождение заместителя министра МВД Индрикова. Бугай делал все возможное, чтобы милиция не перешла на сторону интерфронта и ОМОН. 29 января 1991 года в аудитории Университета произошла встреча действующего в то время правительства с работниками Рижской милиции. Бугай публично осудил преступные действия ОМОН, повлекшие за собой человеческие жертвы. Я приказал Бугаю выехать на окруженную базу ОМОН для переговоров о недопущении повторных провокаций и о выезде ОМОН из Латвии».

Вступился за Бугая и бывший министр внутренних дел Латвии Алоиз Вазнис. Он уверял, что Бугай был тем человеком, который 15 мая 1991 года обеспечил защиту здания Верховного совета, в 1991 году предотвратил введение военного положения в Риге, а также добился того, чтобы все работники милиции вышли из рядов компартии. В свою очередь, бывший замначальника Рижского ГУВД и министр внутренних дел Зиедонис Чеверс рассказал следующее:

«Именно Бугай был тем человеком, который в августе 1991 года во время путча на собрании милиции сказал: "Сейчас надо сделать выбор, на какую сторону встать. Делая свой выбор, помните, что вы живете в Латвии". За это он получил прикладом, и с собрания его выгнали как предателя».

Против предоставления гражданства Бугаю выступил, например, нынешний министр иностранных дел Гиртс Валдис Кристовскис, утверждая, что он все двери «открывал ногой». Гражданство полковнику Бугаю все же было предоставлено, с формулировкой: «За особые заслуги».

19 августа возле здания Рижского ГУВД стояла боевая машина десанта с развернутым на Управление МВД стволом. Оружие надо было сдать в сейф, иначе на нас «повесили» бы кражу оружия. Вдруг прозвучал выстрел со стороны кабинета Зиедониса Чеверса, замначальника ГУВД и будущего министра внутренних дел. Оказалось, что Зиедонис Чеверс неосторожно вертел в руках пистолет с досланным в ствол патроном. Следователи изъяли пулю из дверного проема, и через полтора часа в заключении было сказано: выстрел был произведен случайно. И это оказалось очень кстати и вовремя, потому что руководство Балтийского военного округа уже дало распоряжение об аресте Чеверса и конвоирования его в Москву. Так или иначе, без выстрела, пусть и случайного, защитники независимости в августе 1991 года не сдались. Это проводит примечательную аналогию с авторитарным переворотом Карлиса Улманиса 15 мая 1934 года, когда единственный выстрел произвел его оппонент – глава социал-демократической военно-спортивной организации «ССС» Бруго Калниньш. И он также выстрелил в воздух.

Игорь Мельников

Рецензии

Römer F. Der Komissarbefehl. Wehrmacht und NS-Verbrechen an der Ostfront 1941/42. Padeborn; München; Wien; Zürich: Ferdinand Schöningh, 2008. 667 S.

Разработанная Верховным командованием вермахта (ОКВ) и командованием сухопутных сил (ОКХ), подписанная главой ОКВ Вильгельмом Кейтелем[1] 6 июня 1941 г. «Директива об обращении с политическими комиссарами» (более известная как «Приказ о комиссарах») является одним из наиболее цитируемых германских документов Второй мировой войны. «Приказ», наряду с давшей зеленый свет разработке плана войны против СССР «Директивой № 21» за подписью Гитлера от 18 декабря 1940 г. изучается в рамках уроков истории в школах ФРГ.

С нормативной точки зрения «Приказ» – составная часть обширного блока подготовительных документов для будущей агрессии против Советского Союза. Он непосредственно связан с более ранним Указом «О применении военной подсудности в районе Барбаросса» от 13 мая 1941 г. Однако, «Приказ о комиссарах» все же можно назвать уникальным документом. Впервые в мировой истории еще до начала боевых действий, за две недели до первых выстрелов на советско-германской границе, верховное военное командование одной из сторон самостоятельно и добровольно подтвердило свою готовность совершать действия, прямо противоречащие признанным основам международного права[2], регламентировавшего на тот момент ведение войны и обращение с пленными военнослужащими. В первую очередь, это заключительный акт Второй Гаагской конференции «О законах и обычаях сухопутной войны» 1907 г. и Женевской конвенции об обращении с военнопленными 1929 г. Верхушка вермахта рекомендовала своим солдатам совершать военные преступления и преступления против человечности, приказывала уничтожать военнопленных противника, лишь исходя из принципа принадлежности к определенному роду войск или структурам, к политкомиссарам.

Существование данного «Приказа» никогда не скрывалось ни в послевоенной Западной и Восточной Германии, ни в СССР. Он не был политизирован либо инструментализирован в годы Холодной войны, вполне вписывался как в политику денацификации в ФРГ, так и в государственный антифашизм ГДР. Факт подписи под этим документом стал одним из краеугольных камней обвинения в адрес Кейтеля и Йодля на Нюрнбергском процессе и сыграл значительную роль при вынесении им смертного приговора. Вполне естественно, что «Приказ о комиссарах» не обходила вниманием и германская историография. Можно назвать ранние работы Генриха Улига, Гельмута Краусника, а также более поздний сборник Герда Юбершера и Вольфрама Ветте[3], вышедший уже в объединенной Германии. Тем не менее, до последнего времени отсутствовала объемная монография, целиком и полностью посвященная всем аспектам применения данного приказа, ставшим своего рода символом участия вермахта в преступных действиях нацистов в годы Второй мировой войны. Эту «нишу» заполнил труд Феликса Рёмера, доцента университетов в Киле и Майнце.

Указанная монография Рёмера является расширенным вариантом диссертации, которую автор защитил в Кильском университете в 2007 г. Монография состоит из семи крупных разделов. В первой части (введение) Рёмер обозначает проблематику и представляет степень изученности данной темы. Цитируя своих коллег, автор соглашается с ними в том, что исследованию преступлений вермахта в послевоенное время заметно мешали господствовавшие в ФРГ общественно-политические тенденции, которые базировались на отрицании «права победителей», попыткам «самореабилитации» и желании подвести «черту» под прошлым (S. 15). Далее автор справедливо отмечает, что еще одной серьезной преградой на пути фундаментального изучения «Приказа» было распространенное мнение об исключительной ответственности за преступления нацизма Гитлера и небольшой группы его сторонников, в то время как бывшие солдаты вермахта «получили» в глазах общества «оправдательный приговор» (S. 16). В центр своего внимания историк выносит вопросы исполнения «Приказа», возможности уклонения от его исполнения во фронтовых условиях, значение «образа врага» в лице «большевиков» при исполнении «Приказа», а также пытается определить психологичес-

кие и моральные последствия приведения в исполнение «Приказа» для военнослужащих на Восточном фронте. В введении историк демонстрирует читателю внушительный обзор первоисточников, которые послужили основой для создания монографии. Это архивные материалы в виде приказов, инструкций, докладных записок и сообщений, выпущенных командованием сухопутных сил Германии, управляющими службами ОКХ, отдельными подразделениями вермахта до уровня дивизии включительно а также малоизвестной историкам документации «отделов 1 Ц».[4] Автору удалось задействовать материалы практически всех соединений вермахта, принимавших участие в боевых действиях на Восточном фронте в 1941-42 гг. Необходимо отметить, что Рёмер крайне подробно анализирует типологию первоисточников и вопрос их аутентичности.

Во второй части своей книги автор изучает процесс подготовки войны против СССР на штабном и армейском уровне, готовность офицеров и генералов вступить в боевые действия с новым противником. На основе первоисточников, главным образом, протоколов совещаний, Рёмер приходит к выводу, что германский генералитет, равно как и офицеры Генерального штаба, полностью разделяли цели войны, поддерживали идеологические, стратегические, экономические и военные предпосылки нападения на СССР (S. 55). Данный вывод совпадает с консолидированной позицией большинства современных германских историков. Автор предоставляет читателю новые аргументы в пользу этого устоявшегося мнения, на отдельных примерах демонстрирует нежелание или ограниченную готовность большинства лиц, принимавших решения, «вернуться к старым правилам ведения войны» (S. 73). Показателен пример дебатов по определению понятия «партизан», в число которых предполагалось включить и мирных жителей, в том или ином виде оказывающих сопротивление вермахту, включая и вербальный. Мирному населению «запрещалось» оказывать вооруженное сопротивление германской армии. Наличие такого сопротивления лишало их защиты согласно предписаниям Гаагской конвенции 1907 г., что являлось грубым нарушением международного права (там же). Создав фундамент для оценки контекста возникновения «Приказа», Рёмер переходит к процессу создания «Приказа», дискуссиям и совещаниям по выработке окончательного текста документа. И в этом практическом процессе ключевую роль играли как антиславянские и расистские предрассудки авторов документа («русский – это полуазиат, нечувствительный к потерям»), так и «вполне хладнокровный военный расчет» (S.87).

В третьей части книги Рёмер прослеживает и реконструирует систему доведения «Приказа» до ведома штабов соединений вермахта, готовых к нападению на СССР. Автору удалось рассмотреть документацию штабов 199 подразделений вермахта различного уровня, начинания от командования трех групп армий и заканчивая корпусами и пехотными дивизиями (S.87). Согласно выводам историка и им лично разработанным критериям аутентичности подтверждения получения «Приказа», практически во всех случаях можно с уверенностью говорить о принятии во внимание данного распоряжения ОКВ. Более того, командиры корпусов и дивизий по собственной инициативе подготавливали приказы, в которых подчеркивалось значение данного документа и политики «фюрера» в отношении «большевиков и комиссаров» в целом. Рёмер приводит несколько соответствующих примеров на уровне командования танкового корпуса и кавалерийской дивизии (S.93). Возражения и сомнения в необходимости реализации «Приказа» автор относит скорее к прагматичным или тактическим соображениям, чем к аргументам гуманитарного характера.

В начале четвертой части книги историк представляет краткий обзор начала германского «блицкрига». Уже к концу лета план молниеносной войны и стремительного разгрома всей РККА потерпел крах. Война стала приобретать ожесточенный и длительный характер, что создавало качественно новые условия на Восточном фронте. Рёмер приводит факты, свидетельствующие о «необычайной физической и психической нагрузке» на немецких солдат, что нередко приводило к «падению мотивации». В некоторых пехотных соединениях офицерам лишь «ценой больших усилий удавалось удерживать солдат на позициях» (S.217, сообщение датировано серединой августа 1941 г.) Солдат морально подавляли враждебность населения, внутренняя неподготовленность к затяжной войне, необычный для них ландшафт (S.219-221). Активное сопротивление советских частей и как следствие высокие потери вермахта «обосновывались» репрессивными мерами политкомиссаров. Указанные факто-

ры вызвали радикализацию или, как говорит сам автор в заголовке одной из глав четвертой части, «варваризацию» войны, снисхождение на уровень варварства. Участились случаи казней советских и немецких военнопленных. Документально доказанные факты применения насилия в отношении пленных немецких солдат и офицеров идеально вписывались в образ беспощадного и «нецивилизованного» врага, подготовленный нацистской пропагандой еще в довоенный период. Они помогали придать «легитимность» исполнению «Приказа» и нередко носили название «акций возмездия» в отношении советских пленных (S.239). Отдельные подразделения называли расстрел советских военнопленных «соответствующим инструкциям» (S.247). Эскалация насилия со стороны военнослужащих вермахта становилась будничной, закреплялась во фронтовой повседневности (S.251). Переходя к вопросу непосредственного применения «Приказа», автор фиксирует случаи апеллирования командующих дивизиями и корпусами к «высокоморальному поведению немецкого солдата». Однако, даже издавая распоряжения об «обращении со сдавшимися русскими как с военнопленными», генералы не желали письменно запрещать расстрелы военнопленных как таковые (S.255). В обширной заключительной главе четвертой части книги историк рисует образ врага в лице политкомиссара, таким, каким его «видели» и «знали» большинство немецких солдат и офицеров, как он описывался в ведомственных инструкциях. Автор приводит два уровня восприятия комиссара: идеологическое клише «фанатичного большевика» и прагматичный образ политического организатора сопротивления пропагандистскими и насильственными методами, благодаря которому советские солдаты продолжают борьбу даже в безвыходных ситуациях. Эти стереотипы играют крайне важную роль для понимания отношения военнослужащих вермахта к советским комиссарам. Повсеместно происходило значительное преувеличение истинной роли комиссаров в структуре вооруженных сил СССР. По словами Рёмера, «немногие штабисты понимали, что советские солдаты сражаются не по принуждению, а по собственной воле и исходя из идеалистических мотивов». Лишь в некоторых немецких армейских документах лета-осени 1941 г. можно встретить такие выводы: «Русский солдат сражается не из страха, а за свои идеалы»; «Эти люди защищают свою страну против вражеского нападения»; «Нельзя обосновывать ожесточенное сопротивление исключительно суровыми мерами политкомиссаров и командиров. Имеет место быть любовь к родине и убежденность в правоте своего дела» (S.293). Но, в целом, в умах германского офицерства и генералитета комиссар по-прежнему оставался культивированным образом «носителя сопротивления» (S. 295).

В пятой части книги Рёмер анализирует применение «Приказа» на практике. Автор знакомит читателя с выверенной системой докладов о казнях политкомиссаров в соответствии с «Приказом» и фиксировании исполнения. Историк признает сохранившиеся докладные записки надежным источником получения информации, хотя и обнаруживает методом сверки некоторые неверные данные, которые были призваны показать «излишнюю продуктивность» данных воинских соединений в борьбе с «большевиками». Однако, такие случаи следует считать скорее исключением, чем правилом (S.347). При помощи диаграмм становится наглядной хронология применения «Приказа», пик которого приходится на июль 1941 г., а начиная с октября 1941 г. наблюдается спад (S.369-374). Автор повторно обозначает и уточняет рамки и условия выполнения «Приказа», психологические особенности ведения боевых действий на Востоке, динамику расстрелов в районах действий отдельных подразделений вермахта. Он не обходит вниманием и реакцию самих комиссаров на «Приказ», в частности, приводит показания пленных советских солдат, согласно которым политкомиссары срывают с себя знаки различия, скрываются бегством либо предпочитают покончить с собой. О судьбе, которая ожидает комиссаров в немецком плену, стало довольно быстро известно за линией фронта благодаря совершившим побег военнопленным и мирным жителям (S.411-412). Воплощение предписаний «Приказа» в жизнь не могло не вызвать новый виток насилия и меры возмездия с советской стороны. Уже в июле-августе 1941 г. несколько штабов танковых соединений сообщали о фактах массовых расстрелов пленных немецких офицеров, после того как стало известно о казнях политкомиссаров (S.413).

В шестой части книги автор демонстрирует процесс отхода командования вермахта от применения «Приказа». Зимой 1941 г. и особенно явственно весной 1942 г. стали раздаваться голоса об ограничении применения

«Приказа», а то и вовсе его отмене. Главным аргументом служили рост сопротивления советских частей и негативное влияние расстрелов политкомиссаров на положение на фронте. В начале мая 1942 г. Гитлер дал согласие на остановку действия «Приказа». В дневнике ОКВ сохранилась запись от 6.05.1942 г.: «С целью склонить окруженные советско-русские войска к переходу на сторону вермахта и капитуляции, фюрер приказал в качестве эксперимента сохранять жизнь советско-русским командирам, комиссарам и политрукам» (S.535). Прагматизм одержал верх.

В заключительной, седьмой части книги Рёмер подводит баланс своего исследования. Особого внимания заслуживает впервые установленное общее число политкомиссаров, казненных согласно «Приказу». С присущей автору осторожностью в оценках, он считает, что в 1941-42 гг. на Восточном фронте документально подтвержденными жертвами «Приказа» стали не менее 3.400 человек. В основном это были политкомиссары в действующей армии, примерно пятая часть жертв – гражданские политработники и сотрудники партийных органов. Более двух третей расстрелов было произведено непосредственно на передовой или вблизи линии фронта, остальные – в тылу и в лагерях для военнопленных. К этому числу, согласно историку, следует добавить случаи, в которых можно с высокой долей вероятности говорить о применении «Приказа». В итоге, около 4.000 советских граждан были казнены по «Приказу о комиссарах» (S.561-562). Если учитывать спорные случаи, то количество казненных могло достигать 10.000 человек, однако эту цифру автор не признает полностью достоверной.

Научное значение работы Феликса Рёмера можно определить пятью основными пунктами:

1. «Приказ о комиссарах» был широко известен в вермахте на всех уровнях. Он стал своего рода «индульгенцией» на совершение преступлений в войне против СССР.

2. «Приказ о комиссарах» имеет определенную символическую функцию, показателем вовлечения вермахта в преступления нацистов.

3. «Приказ о комиссарах» являлся для вермахта воплощением нацистских и расистских представлений о «большевиках» и «комиссарах», идеально вписывался в представления о мире большинства германских генералов и офицеров. Идеологические клише не только использовались для воспитания рядовых солдат в национал-социалистическом духе. Их искренне разделяло верховное командование ОКВ.

4. «Приказ о комиссарах» применялся практически повсеместно. Если отдельные командиры и ограничивали его применение, то они скорее руководствовались не гуманитарными соображениями, а оперировали критериями функциональности, соблюдения дисциплины и уменьшения количества потерь во вверенных им подразделениях.

5. Отмена применения «Приказа о комиссарах» ни в коей мере не говорит об изменении отношения руководства вермахта и нацистского государства к идеологической составляющей войны против СССР. Отмена приказа – это не более, чем констатация факта его отрицательного влияния на ход боевых действий с точки зрения германской армии.

Монография Рёмера вызвала широкий резонанс в немецкой периодике. Ряд ведущих германских специалистов в области новейшей истории дали ей самую высокую оценку. В газете «Die Zeit» Вольфрам Ветте отмечает, что данная книга «наконец-то вносит ясность» и «разрушает легенду о чистом вермахте». Ветте констатирует: «Жаль, что такая солидная и основательная работа не была написана ранее».[5] Райнхард Отто в рецензии в бюллетене Института Фрица Бауэра высказывает свое мнение: «Феликс Рёмер настолько убедительно доказывает свои тезисы, что вряд ли можно найти какие-либо возражения. (…) Ему удалось написать исследование, которое по праву будет упомянуто в списке использованной литературы любой книги, посвященной войне на Востоке».[6] Томас Кюне выражает в «Historische Zeitschrift» определенную критику, считая, что по причине «слишком высокой детализации источников на 600 страницах текста контекстуализация «Приказа о комиссарах» несколько уходит на второй план». В то же время, по словам Кюне, без книги Рёмера «не обойдется теперь ни одно исследование истории германского вермахта».[7] Бруно Тосс приводит во «Frankfurter Allgemeine Zeitung», по его мнению, один из наиболее важных выводов в работе Рёмера: «Отказ от радикальной расстрельной практики первых месяцев кампании, происшедший в 1942 г., стал результатом не изменения этнически мотивированного мировоззрения, а осознания непродуктивности таких действий».[8] Андреас Хильгер говорит в онлайн-издании «Jahrbücher für Geschichte

Osteuropas» об «удачной трансформации количественного анализа и многочисленных первоисточников в качественные выводы».[9]

Автор затронул тему, которая продолжает оставаться весьма болезненной для немецкого общества. Если к таким организациям, как СС, СД и гестапо, признанными преступными на Нюрнбергском процессе, имело отношение сравнительно небольшая часть немцев, то через вермахт в 40-х гг. прошло практически все мужское население призывного возраста. История вермахта, его путь и его преступления – это составная часть истории миллионов немецких семей. Это история традиционного замалчивания того, что отец, дед, брат или дядя «делали на Востоке». В этой связи необходимо еще раз подчеркнуть весомое научное и просветительское значение труда Феликса Рёмера. Общеизвестный «диагноз» о преступном содержании «Приказа о комиссарах» получил в данной работе эмпирический фундамент.

Дмитрий Стратиевский

---

1 Вторая, визирующая подпись на оригинале документа принадлежит начальнику Генерального штаба в ОКВ Альфреду Йодлю.

2 В п. 1 документа прямо говориться о «неуместности» соблюдения международного гуманитарного права в будущей войне с «большевизмом».

3 Uhlig, H., Der verbrecherische Befehl. In: Vollmacht des Gewissens. Band 2. Hrsg. Europäische Publikation. Rinn, München 1965, S. 287-510; Krausnick, H., Kommissarbefehl und „Gerichtsbarkeitserlass Barbarossa“ in neuer Sicht, In: VfZ, 25, 1977, S. 682-738; *Ueberschär*, G., *Wette, W.,* (Hrsg.), Der *deutsche Überfall* auf die *Sowjetunion*. „*Unternehmen Barbarossa*“ 1941. Frankfurt am Main 1991.

4 Специальные подразделения, контролировавшие применение идеологически мотивированных распоряжений, включая «Приказ о комиссарах», борьбу с нерегулярным и гражданским сопротивлением в соответствии с Указом «О применении военной подсудности в районе Барбаросса», а также выполнявшие роль связующего звена между армией и командованием «айнзатцгрупп» СД.

5 Wette, W., Reibungslos umgesetzt, in: Die Zeit, Nr. 4 vom 15.01.2009.

6 Otto, R., Rezension, in: Bulletin des Fritz Bauer Instituts, Frühjahr 2009, S. 2.

7 Kühne, T., Rezension, in: Historische Zeitschrift, Band 290 (2010), S. 559-560.

8 Thoss, B., Wehrmacht und Weltanschauung. Der Kommissarbefehl und die nachweisbaren Exekutionen an der Ostfront 1941/42, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung, Nr. 32 vom 08.02.2010.

9 Andreas Hilger über: Felix Römer Der Kommissarbefehl. Wehrmacht und NS-Verbrechen an der Ostfront 1941/42. Ferdinand Schöningh Verlag Paderborn [usw.] 2008. ISBN: 978-3-506-76595-6, in: http://www.oei-dokumente.de/JGO/Rez/Hilger_Roemer_Kommissarbefehl.html.

Пономарева Г.М., Шор Т.К. Русская печать и культура в Эстонии в годы Второй мировой войны (1939-1945) = Vene trüisõna ja kultuur Eestis II Maailmasõja ajal (1939-1945). Tallinn, 2009. 236 с.

Положение русского населения Эстонии, биение пульса культурной жизни в условиях авторитарного националистического режима Константина Пятса (1934-1940) и дальнейшие драматические события военно-политического характера, повлекшие за собой, среди прочего, деформацию и свертывание самобытных проявлений межвоенного осколка русского мира в Эстонии, требуют всестороннего осмысления на основе взвешенных научных подходов, кропотливого поиска и корректного введения в научный оборот фактологического материала. Эта тематика по-прежнему относится к разряду малоизученных, привлекающих серьезное внимание лишь отдельных ученых, среди которых следует выделить профессора С.Г. Исакова (Эстония).[1]

Несомненный интерес в этой связи представляет новая работа таллинских исследователей историка Галины Пономаревой и историка-архивиста Татьяны Шор, предпринявших попытку «проследить влияние политических явлений на смену культурных кодов в Эстонии на примере русской печати и культуры во время Второй мировой войны»

(С. 4). Читатель сможет найти в этой книге множество подробностей литературно-издательской, научно-преподавательской и музыкальной жизни русской общины (диаспоры) в Эстонии, эволюции политических пристрастий и пропагандистского использования русскоязычной печати, а также краткие характеристики социально-экономического и политико-правового положения различных групп русского населения в описываемый период. Однако если внимательно взглянуть на концептуально-хронологический каркас работы и обоснованность некоторых оценок, то возникает немало вопросов и, как представляется, уместных критических замечаний.

При рассмотрении хронологических рамок (август 1939 года – 2 сентября 1945 года), в которые втиснуты четыре периода «уничтожения русской культуры в Эстонии» (С. 4), мы сталкиваемся с причудливым переплетением идеологизированного и формального подходов. Так, отсчет ведется от «пакта Молотова-Риббентропа», с которого якобы началась Вторая мировая война, и завершается капитуляцией Японии, «формальную» дату которой можно соотнести с эстонским локусом лишь условно. И все же некоторые основания для определения ранней временнóй границы исследования (но с более точной формулировкой самой темы) имеются: после притворного оставления Эстонии фюрером III рейха за пределами германской «сферы интересов» была организована, при деятельном участии официального Таллина, принудительная «репатриация» граждан Эстонии немецкого происхождения (1939-1941 гг.). Г.М. Пономарева и Т.К. Шор отмечают, что возможностью эмигрировать по «немецкой линии» воспользовались многие деятели русской культуры, опасавшиеся советских репрессий: «В эту волну попали писатели П. Иртель, М. Роос, К. Гершельман, И. Базилевский, Е. Роос-Базилевская, Н. Рудникова. А. Чернявский-Черниговский, М. Сидоров, уехавшие из страны, как до провозглашения советского режима, так и после него. Литературный круг русских сузился, но по-прежнему продолжали выходить газеты, журналы и книги, хотя спад, несомненно, ощущался» (С. 9). Стоит отметить, что среди бежавших в Германию были установленные чекистами разведчики и агенты-«двойники» – например, Н.П. Рудникова, сотрудничавшая с белогвардейской, а затем (с подачи второго мужа барона А.В. Икскуля) – с немецкой, британской разведками и эстонской военной контрразведкой.[2]

При этом нет никаких оснований рисовать идиллическую картину жизни русской общины и ее культурных очагов в Эстонии накануне «репатриации» русских интеллигентов и буржуа с немецкими корнями и связями, воспоследовавшей за «пактом Молотова-Риббентропа». Еще до установления в марте 1934 года эстонской националистической диктатуры русские жили в весьма стесненных условиях; в дальнейшем негативные тенденции преднамеренно и целенаправленно усиливались властями, вызывавшими у населения встречную реакцию в виде просоветских настроений, во многом наивных. Вот что об этом сюжете пишут сами авторы: «К концу 1930-х гг. в русской диаспоре Эстонии в связи со сложной экономической ситуацией в Европе и фашизацией Германии усиливается влияние коммунистических идей на беднейшие слои русского населения и на молодежь. Этому способствовали низкие доходы и уровень образования основной массы русского населения по сравнению со средними показателями по Эстонской Республике. […] Несмотря на определенные успехи в попытке объединиться на культурно-национальной платформе, наблюдалось дробление и дифференциация диаспоры не только по социальному положению, но и по идеологическим мотивам. Активный курс правительства К. Пятса на полную ассимиляцию русских, а также мощный поток советской пропаганды, шедшей с Востока, играли роль катализатора в этом процессе. Ставка на культуру, как объединяющее начало всех русских сил, без необходимого экономического базиса и влиятельной элиты, оказалась эфемерной, несмотря на то, что общественная активность русской диаспоры Эстонии доказанный факт» (С. 7).

Авторы упоминают об элементах «полевения» (С. 9) в культурной политике Эстонии в 1939-1940 гг., не выделяя при этом хронологических границ предшествовавшего всплеска антисоветской активности властей и их заигрывания с гитлеровской Германией в 1938-1939 гг. (кульминацией стал берлинский «пакт Сельтера-Риббентропа» от 7 июня 1939 года).[3] В качестве инструментов культурно-идеологического влияния СССР, кроме радиопередач с приграничных территорий и кинофильмов, в книге представлены эстонско-советское общество сближения, проводившее различные выставки и литературно-музыкальные вечера в Таллине и Тарту, а также Всесоюзное обще-

ство культурных связей с заграницей (ВОКС), занимавшееся, среди прочего, популяризацией в Эстонии достижений советской культуры. В книге на основе единичного примера включения московским издательством «Академия» в свои планы публикации эстонского эпоса «Калевипоэг» на русском языке (март 1940 г.) допускается конспирологическое обобщение: «Усиление интереса к переводу эстонской литературы на русской язык означало, что эстонская литература была уже тайно включена советским правительством в состав «братской» литературы народов СССР» (С. 13). Думается, что читатель сам сможет ответить на вопрос об адекватности подобных выводов применительно к событиям начала 1940 года.

Интересные зарисовки представлены в главе «Зимняя война глазами русской интеллигенции Эстонии». Предваряя разбор публикаций и писем образованной части общества, Г.М. Пономарева и Т.К. Шор дают характеристику настроений разных социально-возрастных категорий русских жителей: «Учитывая экономические и политические трудности, выпавшие на долю простого населения Эстонии, к началу войны с Финляндией (ноябрь 1939 г. – прим. В. С.) наблюдался крен в сторону большего сочувствия к изменению социального уклада. Социализм представлялся одним из реальных выходов к улучшению своего экономического и социального статуса. «Зимняя война» наглядно обнаружила резкое социальное расслоение русского населения. Необразованная беднота выступала в поддержку Красной Армии, другая часть, в основном интеллигенты, переживали за Финляндию. Сложнее было с юношами из интеллигентных семей, которые отождествляли советскую армию с русской. […] Можно сказать, что русские подростки, напичканные советской пропагандой, в отношении «Зимней войны» занимали промежуточную позицию между необразованным старшим поколением и русской интеллигентной элитой. […] Если для эстонцев «своими» в советско-финском конфликте был родственный им народ финно-угорской группы финны, с которыми их связывали прочные культурные и экономические контакты, то для русских Эстонии (имеются в виду культурные, научно-образовательные и религиозные круги – В. С.) «нашими» представлялись русские Финляндии» (С. 29, 30).

Таллинские исследовательницы дают очень резкую оценку присоединения Эстонии к СССР: «С июня 1940 по июнь 1941 г. произошли кардинальные преобразования в духовной сфере жизни русского населения в связи с процессами, направленными на уничтожение русского национального меньшинства в Эстонии и превращения оставшихся в живых русских в «советский народ». Все прежние общественные организации были закрыты, перестали выходить привычные для местного русского населения газеты и журналы» (С. 16). Такие суждения, при всей эмоциональности, имеют под собой определенные исторические основания: сталинские массовые репрессии охватили белоэмигрантов, общественно-политических и религиозных деятелей, а также их семьи. Были арестованы, расстреляны или погибли в лагерях писатели В.А. Никифоров-Волгин, В.Е. Гущик, видные педагоги Л.А. Андрушкевич, П.В. Нестеров, А.С. Пешков, крупные общественные и культурные деятели А.А. Булатов, П.А. Богданов, С.А. Горбачева, С.Д. Кленский, И.А. Лаговский и многие другие. Однако следует отметить, что при всем свертывании старого уклада жизни и ужасающем характере репрессий, в период разрастания Второй мировой войны и угрозы прямого столкновения с Германией каких-либо внятных планов по «этнической перекодировке» русских Эстонии в Москве не существовало.

Также обращает на себя внимание некритическое использование авторами «оккупационной» риторики в адрес СССР, ставшей одним из ключевых догматов современных эстонских властей (С 5, 6). Здесь уместно напомнить, что обильно цитируемый в книге профессор С.Г. Исаков более корректен в формулировках, говоря об «аннексии» Эстонии и подчеркивая, что с формально-юридической точки зрения никакой «советской оккупации» не было.[4] Следует отметить, что процесс передачи власти диктатором К. Пятсом и его окружением просоветскому правительству, проходивший под давлением и присмотром представителей СССР, но не только без активного сопротивления, а даже с отчетливыми элементами сотрудничества со стороны старых эстонских структур, до сих пор содержит в себе исторические загадки. Так, в книге лапидарно и без всяких комментариев упоминается об аресте 21 июня (!) 1940 года в Печорах эстонской политической полицией инструктора Союза русских просветительных и благотворительных обществ по Печерскому краю писателя Б.К. Семенова. Профессор С.Г. Исаков в этой связи пошел дальше, предложив свою версию событий: «Как это ни странно, первые аресты были произведе-

ны еще эстонской политической полицией до 21 июня 1940 г., т. е. до утверждения советской власти. До сих пор не найдены документы, их объясняющие. Можно предполагать, что эстонские власти, очень боявшиеся каких-либо «провокаций» в отношении вступающих на территорию ЭР частей Красной Армии, решили в превентивных целях арестовать наиболее активных эмигрантов, допуская, что они могут оказать сопротивление красным. Вслед за тем арестованные из тюремных камер эстонской полиции перекочевали в застенки НКВД, где их судьба была решена оперативно и кардинально».[5]

С приходом гитлеровских войск, как отмечают авторы, возникла опасность тотального уничтожения русской общины Эстонии: «В 1941 г. любое упоминание о русской культуре было под полным запретом. Нельзя было играть музыку Чайковского или вспоминать имя Пушкина, одно время снова возродилась идея сноса Александро-Невского собора в Таллинне. Глава эстонской директории Х. Мяэ предложил всех русских Эстонии выселить за Чудское озеро, а эстонцев и финнов-ингерманландцев перевезти из России в Эстонию (см.: Angelus 1995: 222-224). Но поскольку оставшиеся в Эстонии русские выказали себя лояльными гражданами, их оставили в покое. К весне 1942 г. в высшем эшелоне идеологов Германии во главе с А. Розенбергом утвердилось мнение о необходимости перехода к сотрудничеству с недовольными прежней властью гражданами» (С. 173).

При этом в работе все же присутствует ссылка на то, что русское население Эстонии раскололось на «пораженцев», «оборонцев» и «приспособленцев» (С. 19), хотя и не даются развернутые характеристики каждой группы. В тексте указываются потребности нацистов в низовом пропагандистском аппарате и переводческих кадрах: «Немцы же остро нуждались в услугах местной русской интеллигенции, которая знала немецкий язык и в отличие от советских гуманитариев, не только читала, но и говорила по-немецки. Гуманитариев, знавших немецкий язык, определяли в переводчики» (С. 18).

Пассажи о том, что «из-за идеологических соображений в русских газетах того периода представлено значительно больше материалов, направленных против сталинизма, чем в русской печати Эстонии во второй половине 1930-х гг.», «в русской журналистике времен немецкой оккупации отчетливо прослеживается антисоветская струя с антисемитским акцентом», можно признать довольно точными, хотя и банальными. А вот определение антисемитских печатных материалов всего лишь в качестве «идеологической уступки фашистскому режиму» со стороны прессы (С. 20), а не ударного инструмента тотальной пропаганды, представляется явной натяжкой, создающей впечатление некоторой «снисходительности» авторов к пронацистским коллаборационистам.

Авторы отмечают, что «в советскую эпоху культура в зоне немецкой оккупации была табуированной темой» (С. 110), однако сами признают беспредметность обсуждения важных аспектов заявленной темы: «Книги русских писателей Эстонии в этот период не выходили, не было и русских литературных журналов. Сразу же возникли сложности с газетами на русском языке» (С. 111). В этой связи на страницах книги более подробно рассмотрены вопросы пропаганды и литературного «гарнира» в периодике и календарях за 1942-1944 гг., а также отдельные всплески музыкальной жизни. С отступлением немецких войск территорию Эстонии покинули и некоторые русские писатели, переводчики и журналисты; другие были репрессированы советской властью за пропагандистское обслуживание нацистов (например, Б. Тагго-Новосадов) или не нашли своего места в русской советской литературе. Авторы констатируют, что «к концу 1944 г. советская культура полностью вытеснила местную русскую субкультуру» (С. 21).

К существенным изъянам книги (скорее сборника очерков, чем монографии) следует отнести отсутствие какого-либо заключения – все выводы «заданы» заранее, во введении. Тем не менее, работа Г.М. Пономаревой и Т.К. Шор демонстрирует и ряд несомненных достоинств, среди которых выделяется широкая источниковая база исследования, детальная изученность многих микросюжетов, раскрытие личностных качеств и творческих свершений отдельных представителей русской культуры в Эстонии.

Владимир Симиндей

---

1 См., например: **Исаков С.Г.** Русские в Эстонии, 1918-1940. Историко-культурные очерки. Тарту, 1996; **Исаков С.** К проблеме культурной интеграции русских в Эстонии (1918-1940) // Русские Прибалтики. Меха-

низм интеграции (до 1940 г.). Вильнюс, 1997; Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918-1940) / Под ред. проф. С.Г. Исакова. Тарту; СПб: Крипта, 2001; Русская эмиграция и русские писатели Эстонии 1918-1940 гг.: Антология / Сост., вступ. ст., биогр. справки и коммент. проф. С. Г. Исакова. Таллинн: «КПД», 2002; **Исаков С. Г.** Очерки истории русской культуры в Эстонии. Таллинн: Aleksandra, 2005.

2 **Иконников А.** Своя среди чужих // Вести Неделя плюс. 2000. 6 окт. № 40; 20 окт. № 42; 27 окт. № 43. Подробности тайной биографии Н.П. Рудниковой хранятся в Филиале Государственного архива Эстонии в Таллине: Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 17.

3 См.: I**lmjärv M.** Hääletu alistumine. Eesti, Läti ja Leedu välispoliitilise orientatsioni kujunemine ja iseseisvuse kaotus 1920. Aastate keskpaigast anneksioonini. Tallinn: Argo, 2004. – lk. 558.

4 **Исаков С. Г.** Очерки истории русской культуры в Эстонии. Таллинн: Aleksandra, 2005. С. 403, 408, 417.

5 Там же, с. 409.

Васильченко А. 100 дней в кровавом аду. Будапешт – "дунайский Сталинград". М.: Яуза-пресс, 2008. 448 с.

В 1998 году автор этих строк опубликовал в Венгрии свою диссертацию (PhD) о битве за Будапешт во время Второй мировой войны. Эта работа имела успех, о чем свидетельствует ее неоднократное переиздание в нескольких странах: в Венгрии книга переиздавалась 6 раз, в Германии (Herbig Verlag) четыре, в Великобритании (IB Tauris) и в США (Yale University Press) соответственно по два раза. Уже в ходе работы над темой выяснилось, что существует относительно мало доступных в Венгрии публикаций о битве за Будапешт из перспективы российской стороны. Поэтому я с интересом ожидал выхода русскоязычной работы.

Вместо этого книга Васильченко является ничем иным, как воровством моей собственной работы. Издание не имеет ни сносок, ни каких-либо иных указаний на источники. Текст не просто полностью опирается на мою работу, а является дословным ее переводом. Не только заглавия глав идентичны моим. Главы с I по V русского издания соответствуют введению, первой, второй, третей и четвертой главам моей книги. Это дословный перевод с немецкого языка. Не была переведена и опубликована лишь пятая глава (осада и население) немецкого издания. В главе I русского издания добавлена небольшая главка, автором которой я не являюсь. Текст на страницах с 44 по 77 «Операция "Панцерфауст"» взят из неизвестного мне источника, либо это собственное творчество русского «автора». Также я обнаружил еще одну вставку на с. 267-272, посвященную истории лейтенанта Ермолаева (в моей книге была опубликована лишь его фотография).

Все карты, опубликованные в русском издании, перепечатаны из немецкого издания. (с. 26, 34, 82, 98, 148 168, 256, 264-265, 282, 302-303, 384, 416). Нет ни одной карты, которая не была бы взята из моей работы!

Иллюстрации на страницах 16, 17, 20, 21, 27. 33, 74, 79, 108, 115, 131, 160, 176, 187, 191, 192, 193, 199, 201, 202, 203, 215, 217, 236, 245, 246, 263, 274, 275, 277, 280, 284, 285, 287, 289, 291, 294, 296, 306, 320, 324, 326, 336 (только верхнее фото), 389, 401, 422 взяты из моей книги.

Тем самым не только я оказался жертвой воровства. Иллюстрации на с. 29, 140, 162, 179 однозначно принадлежат Федеральному архиву Германии (г. Кобленц). Мнимый автор не позаботился о приобретении прав на их публикацию.

Все таблицы на страницах 22-23, 37-38, 88, 93-94, 117, 151, 152, 153, 164-165, 172-173, 183-185, 356-357, 364, 372, 434, 435, 438, 439, 440, 441, 442 без исключения взяты из моей книги. Нет ни одной таблицы, которая не была бы взята из моей книги.

Можно, конечно, сказать, что последствия этой кражи касаются только правообладателя, который, в свою очередь, уже предпринял соответствующие шаги. Однако этот случай имеет и другое измерение, поэтому я считаю важным обсудить его на страницах научного журнала.

С научной точки зрения этот плагиат опасен не только потому, что создает прецедент – издательство «Яуза-пресс», опубликовавшее книгу, не отвечает на запросы. А издательство

«Эксмо», обозначенное как соиздатель, вообще отрицает свою причастность к книге. Как раз эти проблемы можно было бы решить в рамках правового процесса.

Однако не следует недооценивать, прежде всего, опасность селективного восприятия истории, которому лишь способствует публикация этого выборочного перевода в России. Васильченко не была украдена единственная глава, включающая подразделы «Население в ходе борьбы», «Преследование евреев во время осады», «Сопротивление немецким оккупантам», «Венгерские солдаты на советской стороне», «Час нуль», «Как обходились с военнопленными», «Нарушения советской стороной действующего права», «Менталитет советских солдат».

Мы видим, что изъяты все подглавы, описывающие социальную историю войны. Читателю остается недоступной информация о том, насколько проблематичным было поведение Красной армии в Венгрии. Жаль, ибо именно эта тема достойна критичного и самокритичного обсуждения. Именно она до сих пор лежит тяжким бременем на русско-венгерских отношениях. Остается невыясненным также, в каких целях использовали и злоупотребляли советскими солдатами. Читатель ничего не узнает об обстоятельствах, которые до сегодняшнего дня не позволяют венгерской стороне декларировать события 1945 года как «освобождение». Он не узнает также ничего о преследовании евреев, за которое основную ответственность несет не немецкая, а венгерская сторона. По всей видимости, для «автора» преследование евреев не относится к истории Второй мировой войны. Подобная позиция есть не что иное, как тенденциозная бесчувственность. Возможно также, что Васильченко заранее представлял в качестве своего потенциального читателя антисемитскую публику.

Впрочем, это и не удивительно. Нельзя ожидать научной или хотя бы моральной рефлексии от книжной серии под названием «Солдаты Третьего рейха». Меня возмущает при этом, что именно моя работа путем подобных ампутаций используется для однозначного прославления немецкой армии. Но что для меня действительно непостижимо, почему подобное возможно в стране, вынужденной оплакивать наибольшее число жертв этой мировой войны. Я могу только надеяться, что те лица, которые приняли Васильченко на государственные должности[1], не смогут далее терпеть подобное поведение.

Кристиан Унгвари

Перевод с немецкого **О.С. Нагорной**

[1] Согласно данным сети Интернет, А. Васильченко является членом Совета по вопросам религиозных объединений при мэрии г. Ярославля и членом Экспертного Совета по вопросам государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. См.: http://ru.wikipedia.org/wiki/Васильченко,_Андрей_Вячеславович (проверено 4 мая 2011 года)

ARTICLES PUBLICATIONS REVIEWS

CONTENTS

"Desovetization": plans and consequences

Events linked to the occupation of Lvov by Germans, detection of gunned down prisoners in NKVD jail, and usage of the fact in purposes of Goebbels's propaganda mostly for rousing hatred of the Jewry up to now triggered disputable interpretations amongst historians of various countries. There in the article a shot to reconstruct course of history, puzzle liabilities of the parties (Ukrainian nationalists in-clu-sive) out, and therewith, pinpoint attention upon role of the organization that remained a wallflower in all previous researches – the Wehrmacht – was taken. The author emphasizes that the Ukraine took a special part as a "counterbalance to Russia power, Poland and the Balkans" and, in the mean time, a strong source of subsistence and natural resources for Germany in the Nazi plans concerned with the future war in the East. The suitable "ally" was chosen in the name of the Ukrainian nationalists' organization (OUN) founded in 1929. Employment of the "German patent" on the Ukrainian nationalism was facilitated with the fact that in the 1930-th the OUN has been changed by sight into a "semi-Nazi" movement pierced with anti-Semitic vibrations. Shortly before attack against the Soviet Union the OUN-B yet hardened its anti-Semitic program more – from that time on the Jewry considered "antagonistic" minority. Leaflet of the first days of the war said: "Do not drop your weapon. Take it in your hands. Destroy the enemy. […] Nation! Know it! Moscow, Poles, Hungarians, Jewry are your enemies! Destroy them!" Committed by the NKVD in Lvov and other Galicia cities shootings were a very comfy hatch for the OUN to turn its plans into reality. From this point on had been directed by the Nazi (give or take interest of the Wehr-macht) and enlarged by the Ukrainian nationalists the outdoorsy terror towards the Jewry in few days turned into consistent elimination of them.

ARTICLES

Yuriy Bakhurin

Forced migrations of Jewish population of Russia within the World War I: causes and consequences

The term "forced migrations" in respect to the Jewish population of Russia in the period under review has double meaning of forced deportation of Jews and Jewish refugees' movements from the Russian western borders towards inner lands. As yet the aspect remaining subject of bitter disputes is not investigated by national specialist in full. The author discovers basic premises and causes of such drastic and massive measures and also gives an idea of their social and political consequences. The article notes that the massive relocations were triggered to a large extent with spy hysteria came over Russia with it's main focus on the Jews. It led to destabilization of socioeconomic status of the central and eastern regions of the state.

Victor Kondrashin

Nestor Makhno and the Makhno's movement in the Ukraine: myths and facts

For many people both in Russia and Ukraine Nestor Makhno remains a symbol of people's wrath, prowess, justice, merciless strength sweeping evil that was associated with state authority before it irrelevant to its ideology. Along with it there is a flake of myths about Makhno and his movement having

strong presence in public opinion and historiography that obstructs literal perception of the historical character of the Civil war period. With basis on documentary materials the author alternatively dispels the myths. Who was Makhno and how to estimate the insurrectionary movement leaded by him? In the author's opinion Nestor Makhno came forward as one of the leaders of peasants' revolution in the Ukraine – probably, one of the most outstanding leaders that can be compared to the most well-known workpeople protectors in the history of Russia and the Ukraine. By the end of his life he was a peasant regretting he was not able to fulfill age-long dream of workpeople about a society managed by the society itself.

Alexander Shubin

Red and black: break of Makhno and Bolshevists

Makhno's movement is a unique page in the history of the Civil war in the Ukraine and Russia. "Daddy Makhno" became a paradigmatic, put into myths, almost fairytale hero. Attention of historians and publicists is drawn to the movement by many reasons. Never before a movement under black flags of anarchy hit that big. Ukrainian, in geographical terms, movement was headed by a popular leader who spoke Russian but not Ukrainian. Powerful peasants' movement withstood for long against all major forces struggling for power over the Ukraine – Ukrainian nationalists, the whites, the Bolshevists. Inspite of enormous efforts from the side of agitators in the long run they didn't succeed in presenting the Makhnovism either as Black Hand, or as a part of the national liberation movement against Russia. The author emphasizes that the movement ideologists were communists but their communism was absolutely different comparing to the Comintern's one. The movement based itself upon the workpeople support and tended to work in a league with the working party. The league and its crash are pinnacle of the Makhno's movement.

Andrey Ivanov

The USA Intelligence and Diplomacy in the Soviets (October 1917 – August 1918)

According to historians "the American intervention to Russia was the first intervention in the course of which the US couldn't even say they had achieved their goals. Hundreds of young Americans died on foreign soil for a forlorn hope. The more tragic aspect is that lessons that could have been learned from the Russian intervention had never been learned." Touching upon subject of the failure origin researchers usually pointed on the paucity of the American troops in Russia, tiredness from the World War, and incapacity of the Antanta states to act in the "Russian issue" conjointly. However, as the author presumes the intervention failure ultimate cause was that from the very beginning of the revolution in Russia "Americans were gravid with a snarl of false perceptions of the events coming to pass." Namely Wasington's inability to put the military political situation in Russia in the end of 1917 – beginning of 1918 resulted in perspective in committing such an error in foreign policy as the armed intervention into domestic affairs of the RSFSR (Russian Soviet Federated Socialistic Republic). The US special services played enormous role in development of the false perception: too belated organization of professional foreign intelligence bodies resulted in lack of rather powerful agent network on the territory of Russia by October 1917 that significantly decreased number of sources with objective data regarding the Bolshevists policies.

Vincent Boulet

Image of the USSR and war on the Eastern forefront in French collaborationist press (by the example of the newspaper "Je suis partout")

Propaganda and "feasibility" of the USSR population mass destruction policy after both German and supplementary troops and police forces were significant aspects of the Nazi and collaborationist mass media functionality. Even if information about executed killings at the Eastern forefront was random in newspapers, on the air or in video records the Nazi and their allies used the mass media to create opinion all conditions in the public for supporting, at least otiose one, of the deeds. By the example of the French pro-fascist and collaborationist weekly newspaper "Je suis partout" that was being published in

the period from 1930 to 1944 the author shows how the editors office tried to form negative attitude of French people towards the USSR and its nations – in the range from disdainfully negative to aggressive on the basis of pre-war anti-Soviet propaganda that was enforced with Russophobe and anti-Semitic clichés stimulated by the German Nazi. So, what was aim of the war at the East for the editors office of the newspaper "Je suis partout"? Of course, defeat of the Bolshevism, physical annihilation of Jews and the whole Red Army, "commissars" and communists, and also "Asian" component of the Russian nation. There was also a wish to colonize Russia, to bend Russians to submission of the German aggressors. The "colonial" discourse that is evident, for example, in comparison of "Slavonians" and "Arabs" descriptions is one of the foremost elements of the newspaper "Je suis partout" editors office policy. In general terms Vincent Boulet comes to a conclusion that the newspaper "for a specific group of Europeans served as a mean of active political support of the Nazi annihilation policy."

Edvins Evarts

Some aspects of day-to-day routine in Riga during German invasion, July 1941 – October 1944

In the article out-of-the-way items of information distinguishing the Nazi occupation regime in Riga - temporal capital of the Eastland - are being revealed with basis on Latvian and German archive materials. The author tries to draw outline sketches of Rigans' day-to-day routine during the German command laying emphasis on such important circumstances of a "common person" existence in Riga of the war time as food, fuel and transport problems, black trading, seizure and usage of school premises for benefit of the Wehrmacht, lack of full medical aid. The researcher focuses his attention on living conditions and moods of Rigans pattern of change after the German troops came, advantages of the German "Aryans" comparing to the locals, attitude to the Holocaust.

DOCUMENTS

French-Soviet diplomatic relations, 1939 – 1940: documents from French archives

Documents contained in the section testifying that political contacts between the countries within 1939 - June 1940 never been ceased completely in spite of the Munich agreement, the Soviet-German agreement as of August 23, 1939, and the Soviet-Finnish war are essential sources in history of French-Soviet diplomatic relations. Five documents from the Archive of the Ministry of Foreign Affairs of France are being published in French and translated into Russian on pages of the "Magazine."

DISCUSSIONS

"Atmoda" through "reconstruction": subjects of the Latvian (anti)Soviet history in the USSR collapse process

On April 2, 2011 the Russian-Latvian round-table conference "Latvia in 1990-1991: "Interregnum" or diarchy?" was conducted in the office of the "Historical Memory" Foundation. The event participants discussed the upraise and activities of parallel state administration and power structures in Latvia within May 4, 1990 – August 22, 1991, compared in time periods propaganda events and forceful excesses, estimated legitimation methods and levels of the allied and republican bodies on the territory of Latvia in 1990-1991, discussed eligibility for usage of terms "reestablished sovereignty" and "anti-State activity" in the up to date Latvian historiography and political journalism with respect to the transitional period events. Within the discussion crucial importance of the Moscow acts of August 19-21, 1991 that are being characterized as far apart as the poles in the historiography and political journalism: an uprising of desperate plotters or an awry staging of GKChP (State Committee of the Russian Federation for Matters Relating to Civil Defence) "without President Gorbachev but

with the consent of the head of the State"? Given that numerous aspects of the Latvian sovereignty crystallization process are not introduced into scientific use, especially in the Russian language, the editors office deems usefull publication of the two Latvian Saeima members – Nicolay Kabanov and Igor Melnikov. As it would seem it contains considerable potential for further discussions.

REVIEWS

Römer F. Der Komissarbefehl. Wehrmacht und NS-Verbrechen an der Ostfront 1941/42. Padeborn; München; Wien; Zürich: Ferdinand Schöningh, 2008. 667 S.

Dmitriy Stratievskiy submitted to the reader's approval an explicit review of Universities of Kiel and Maintz associate professor Felix Römer monography – the first book in German historiography dedicated entirely to all aspects of the "Commissars order" (Kommissarbefehl) that in its own way became a symbol of the Wehrmacht participation in the Nazi criminal acts within the World War II. The reviewer draws attention to uniqueness of the directive that Mr. Römer anatomized: "For the first time in the world history before the war was started, two weeks prior first shots were made on the Soviet-German borders Top Command of one of the parties confirmed independently and voluntarily its readiness to perform acts absolutely contradicting the vested basics of the international law governing the war prosecution and treatment of prisoners of war at that time." Principal results of the German historian's work are marked in the review, both purely scientific ("public "diagnosis" of the "Commissars order" (Kommissarbefehl) criminal content got an experimentative basis" in the work) and public significance of the monograph are emphasized.

Ponomareva G.M., Shor T.K. Russian press and culture in Estonia in the years of the World War II (1939-1945) = Vene trükisõna ja kultuur Eestis II Maailmasõja ajal (1939-1945). Tallinn, 2009. 236 p.

In his review Vladimir Simindey analyzed a book of Tallinn researchers: a historian Galina Ponomareva and a historian-archivist Shor Tatyana – who tried, as they write, "to track influence of the political phenomena on change of cultural codes in Estonia evidence from the Russian press and culture in the years of the World War II." On the reviewer's opinion "a reader can find numerous details of the Russian community literary and publishing, scientific and scholastic activities and music life in Estonia, evolution of the political creed and propaganda usage of the Russian press as well as brief characteristics of socioeconomic and political and legal status of different groups of Russian population in the given period." Meanwhile Vladimir Simindey emphasizes the authors' "whimsical plexus of ideology-driven and a formalistic approaches" to determination of chronological framework of the research. The reviewer assigns "lack of any conclusion – all outcomes "were preset" in the introduction" to disadvantages of the book. Nevertheless, Mrs. Ponomareva G.M. and Shor T.K. work also demonstrates a set of advantages among which a wide resource base, detailed exploration of multiple microplots, revelation of personal characteristics and original achievements of single representative of the Russian culture in Estonia attract attention.

Vasilchenko A. 100 days in the bloody hell. Budapest – "the Danube Stalingrad". M.: Yauza-press, 2008. 448 p.

Christian Ungvary's presents details testifying that "Vasilchenko's book" is nothing but plagiary of his own thesis (PhD) about WWII Combat Budapest in his review. Made on basis of the work K. Ungvary's book was published and reprinted in several editions in Hungary, Germany, the UK, and the USA. In the "Vasilchenko's book" that was published in Russian no footnotes or any other references to the sources present, herewith the text was translated and published under with another surname. The author also points out possible dangerous consequences of the blatant plagiary act both from the point of view at the publishing house dirty work and from the point of view at readers' perception of the partial text lacking an adequate scholarly apparatus, and he lays a special emphasis on the following: "Above all one should not underestimate jeopardy of selective perception of the history which the publication of this selective translation in Russia is contributing to."

ОБ АВТОРАХ

Бахурин Юрий Алесандрович
аспирант кафедры истории Московского государственного областного социально-гуманитарного института (Россия)

Буле Винсен
PhD, член научного совета Национальной библиотеки Франции (Франция)

Демурин Михаил Васильевич
чрезвычайный и полномочный посланник 2 класса, директор по программам Института динамического консерватизма (Россия)

Иванов Андрей Александрович
к.и.н., доцент Мурманского института экономики Санкт-Петербургской академии управления и экономики (Россия)

Кабанов Николай
депутат Сейма Латвийской Республики (Латвия)

Кондрашин Виктор Викторович
д.и.н., заведующий кафедрой отечественной истории и методики преподавания истории исторического факультета Пензенского государственного педагогического университета (Россия)

Мельников Игорь
депутат Сейма Латвийской Республики (Латвия)

Симиндей Владимир Владимирович
руководитель исследовательских программ фонда «Историческая память» (Россия)

Стратиевский Дмитрий
PhD, сотрудник объединения «Контакты» (Германия)

Унгвари Кристиан
PhD, научный сотрудник Музея венгерской революции 1956 г. (Венгрия)

Шубин Александр Владиленович
д.и.н., руководитель Центра России, Украины и Белоруссии Института всеобщей истории РАН (Россия)

Эвартс Эдвинс
доктор истории, научный сотрудник Института истории Латвии Латвийского университета (Латвия)